

**ЛЮДИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ**



*Владимир Дягилев*

**СВИДАНИЕ С ЮНОСТЬЮ**





*Степан Степанович Витченко*

*Владимир Дягилев*

## **СВИДАНИЕ С ЮНОСТЬЮ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

МОСКВА – 1972

P2  
Д99

**Дягилев В.**

Д99 Свидание с юностью. М., «Сов. Россия», 1972.  
208 с. (Люди Советской России).

Документальная повесть Владимира Дягилева посвящена бригадиру-наставнику ленинградского завода «Электросила» С. С. Витченко. Степан Степанович — человек завидной судьбы. Полковник в отставке, уйдя на заслуженный отдых, он не сложил руки, а вернулся к своей гражданской профессии слесаря, которую любил всю жизнь. Пройдя через множество трудностей, связанных с обретением «второго дыхания», Витченко нашёл себя, сделался наставником молодых рабочих. Через его руки прошло свыше ста мальчишек и девчонок, часто неблагополучных подростков, стоящих на грани жизненной катастрофы. Степан Степанович сделал из них полезных обществу людей, высококвалифицированных рабочих.

Повесть рассказывает о секретах рабочей педагогики умудрённого жизнью человека, Макаренко с «Электросилы». Она полезна и интересна всем, кто связан с воспитанием детей, кому дороги судьбы молодёжи.

$\frac{7-3-2}{60-72}$

P2

## *ЧП в бригаде*

У проходной его окликнули.

— Степан Степанович!

Невысокий человек в голубой рубашке с «молнией» шёл на встречу. Человек запомнился с первого взгляда: лысая голова и кустистые брови.

— Ведь вы Витченко?— спросил он.

— Как угадали?— удивился Степан Степанович, не узнавая в подходившем человеке ни товарища, ни знакомого.

— А мне сказали: Витченко — такой плотный, седоватый, немолодой, но моложавый, энергичный, а главное — всегда окружён молодёжью.

Степан Степанович улыбнулся.

— Примета точная.

Окружавшие его парни засмеялись.

— Насчёт сына, что ли?— спросил Степан Степанович.

Человек виновато передёрнул плечами, заговорил запинаясь:

— Ну да... Насчёт Петьки... Такое дело... К вам посоветовали... Говорят...

— Говорят-то говорят,— прервал Степан Степанович. — А у меня бригада и так двадцать семь человек, сам — двадцать восьмой. Не могу.

Папаша ещё более смутился и вновь передёрнул плечами.

— Так что же делать?.. Он ведь...

— Ну что делать? У меня и так перебор... И очередь.

— Не откажите, Степан Степанович. На вас последняя надежда. Вид у просителя был такой беспомощный, что Витченко, хотевший было уйти, задержался.

— Как ваша фамилия?..

— Денежкин.

— Вы вот что. Вы через месяц загляните. У меня двое собираются в институт, двое — в армию. А сейчас извините. Дело тут у нас срочное.

Провожаемый парнями, Витченко дошёл до трамвая и уже из окна вагона увидел, как папаша всё ещё стоял у проходной и смотрел ему вслед.

«Понимаю, всё понимаю,— мысленно посочувствовал ему Степан Степанович,— тебе с одним нелегко, а тут двадцать семь. Один уходит, на его место пятерых предлагают. И все просят. А много возьмёшь и хлопот с ним не оберёшься».

И тут Степан Степанович начал думать о ЧП в бригаде.

Вот так же всё и началось. Пришёл папаша, заслуженный человек, офицер в отставке.

«Возьмите Вадика. Сам тысячи воспитал, а тут промашку дал. Прошу как офицер офицера».

Согласился Степан Степанович. Не мог отказать фронтовому товарищу.

— Доброта, она иногда... — произнёс он вслух и покосился по сторонам, не слышал ли кто?

Вадик этот сегодня не вышел на работу. ЧП. Пятно на всю бригаду.

Сейчас Степан Степанович как раз и ехал к провинившемуся домой, выяснить, в чём дело.

«Они вроде на даче... Ну что ж... Оставлю записку...»

К счастью, родители Вадика оказались дома. Они приняли Степана Степановича приветливо, но по их насторожённым

взглядам он видел: приход его их напугал.

Степан Степанович не стал, однако, открывать цель своего посещения, нужно было выяснить обстановку, взаимоотношения в семье.

«А может, парень приболел или ещё что?»

Он обошёл квартиру (хозяева показывали её с удовольствием). Вадика в доме не было.

«Стало быть, здоров. Живёт в хороших условиях».

Квартира действительно была отличная: четыре комнаты, современная мебель, рояль, телевизор.

— А магнитофон есть?— спросил Степан Степанович.

— А как же,— ответила хозяйка.— Ещё Шурику покупали.

— Это наш старший,— объяснил хозяин.— Недавно из армии вернулся.

— А это глоксиния,— сказала хозяйка, заметив взгляд Степана Степановича, брошенный на цветок, стоящий у окна.

В доме было полно цветов: всевозможного вида кактусы, пальмы и другие неизвестные Степану Степановичу растения.

— А это олеандр,— продолжала хозяйка.— Обратите внимание на герань.

— Её хобби,— улыбнулся хозяин.

«Больше бы сыном занималась»,— неприязненно подумал Степан Степанович. Ему стала ясна обстановка в этом уютном, «полная чаша», доме. Хозяин на службе, хозяйка геранями да кактусами увлекается, а сын, фигурально выражаясь, срывает цветочки.

Он всё ещё медлил, не начинал разговора. Родители успокоились, вероятно, решив, что Степан Степанович явился узнать, как живёт его подопечный.

— Вот так и живём,— сказал хозяин.

— Неплохо.



Они вошли в столовую).

Когда был накрыт стол, появился старший сын.

— А Вадик где? — спросил Степан Степанович.

— В Дом культуры ушёл,— объяснила хозяйка.— Поел после работы, денег попросил...

— Не был он сегодня,— сказал Степан Степанович.— На работе не был.

— Ну что вы?— не поверила хозяйка.

— Мы с ним утром с дачи вместе ехали,— поддержал её хозяин.— Потом он на работу, я — на службу.

— И пришёл вовремя,— вставила хозяйка.

— Не был,— произнёс Степан Степанович.

Наступило молчание.

— Ужасно,— после паузы выдохнула хозяйка.— Вот тебе и завод,— она обратилась к мужу:— Вот, оказывается, как он «влияет».

— На заводе ваш сын всего десять дней,— сказал Степан Степанович.

— Дурное всегда легче усваивается.

— Мы его, между прочим, не тянули,— прервал Степан Степанович, едва сдерживая накопившееся за день раздражение.

«Вот так частенько. Многие родители где-то в ком-то ищут причину скверных поступков своих детей».

— И в самом деле. Что ты, мать,— вмешался хозяин.— Мы упросили Степана Степановича.

— Но я всё равно не могу поверить, чтобы наш Вадик...

— Подонок,— неожиданно вставил старший,

— Что ты такое говоришь, Шурик.

— Да ты просто не видишь, мама. Мне так сразу в глаза бросилось.

— Значит, так,— прервал семейные пререкания Степан Степанович.— Очень прошу воздействовать... Мы,

конечно, можем его тотчас уволить,— он обратился к хозяйке.—  
Во избежание дурных влияний... Но это не в наших правилах.

— Нет, зачем же,— хозяйка готова была извиниться.

— Мы примем меры,— твёрдо и решительно заверил хозяин.

Уже у порога Степан Степанович посоветовал:

— Круто не надо. Напугаете, ещё хуже будет.— Помолчал и добавил для убедительности: — По опыту знаю. У меня их тоже двое, сын и дочь.

Пока ехал до дому, Степан Степанович всё думал, так ли он поступил? То ли сказал, что надо было?

Вот так всегда, все последние годы. С кем-то из его воспитанников что-либо случится (а случается не редко), он места себе не находит, ночами не спит...

Наутро Вадик на работу всё равно не вышел.

«Наверняка перегнули. Перепугали парня»,— подумал Степан Степанович. В обеденный перерыв он позвал своих заместителей Володю Целуева и Костю Бахарева.

— Ну, так что делать будем? Рбята молчали.

— Тут советуют уволить.

— Ну-у,— возразили ребята в один голос.

— Так я ж не согласен.

— Вот что,— прервал Володя Целуев,— он, кажется, с Мишей Фёдоровым сдружился.

— И что?— спросил Костя.

— Так пусть воздействует. В порядке индивидуального задания.

Они посмотрели на Степана Степановича.

— Позовите Мишу,— велел Степан Степанович.

— Ты с Вадиком как?— спросил Степан Степанович, когда появился Миша.

— Нормально.

— А он как?

— Нормально.

— Так вот не вышел. Второй день. Не знаешь почему?

— Знаю, тоже нормально.

Степан Степанович возмутился.

— Какое же это нормально!

— Охоты у него нет,— объяснил Миша,— Вкуса работы ещё не почувствовал.

— Тебе поручение от бригады. Съезди к нему. Поговори.

Миша поднялся.

— Не сейчас. После работы... Если не уговоришь, завтра с утра поезжай на квартиру и привези.

Миша кивнул, двинулся к двери и остановился.

— Только одно условие: я с ним один на один разговаривать должен. Без свидетелей.

— Обеспечу,— пообещал Степан Степанович и тотчас после ухода Миши позвонил прямо из кабинета начальника цеха на квартиру Вадика, всё объяснил отцу, который, к счастью, оказался дома.

На следующее утро Степан Степанович приехал на завод рано, за час до работы.

Всю дорогу думал: «Явится? Не явится? Удается Мише уговорить или не удастся?»

ЧП много значило и для Степана Степановича и для бригады. Хотя Витченко почти восемь лет занимался воспитанием молодых рабочих, хотя этот беспутный Вадик был уже сто третьим его воспитанником, хотя авторитет Степана Степановича на заводе был высок, всё равно находились недоброжелатели, завистники, просто злые люди, которые всякий раз при неудачах говорили: «Вот он, хваленый Витченко. Бегут от него мальчишки». И обязательства из-за этого прогула срывались, потому что в них был пункт «ни одного прогула по неуважительной причине». И

соцсоревнование под угрозой. И план снижается: наряд-то общий, за этого Вадика работать надо. Одним словом, ЧП это больно по всей бригаде ударяет. Но главное, сам мальчишка, его судьба.

«Охоты нет,— вспомнил Степан Степанович слова Миши Фёдорова.— У него, Вадика этого, по-моему, ни к чему охоты нет. А без цели — какая жизнь? Погрязнет парнишка. Всякое может случиться».

В цех начали подходить ребята. Они ничего не спрашивали, но по их выжидательным взглядам Степан Степанович понимал: всех волнует вопрос, удалась ли поездка Миши Фёдорова?

Наконец появился Миша, издали кивнул всем, а, подойдя к Степану Степановичу, коротко доложил:

— Придёт.

Потом Степан Степанович слышал, как он рассказывал товарищам:

— Квартира там нормальная. Ботанический сад, не квартира.

— А как поговорили?

— В дипломатических тонах. Мне очень неприятно, сэр, но ввиду создавшейся чрезвычайной обстановки...

— А без трёпу?

— Ну, объяснил. Батю, дескать, подвёл. Нарушил нормальный ритм бригады. На коллектив пятно. Насчёт материальной заинтересованности...

— А ещё точнее?

— Да ты что — следователь?! Всё в норме... В общем сказал, если добровольно не выйдешь — бубну отбивать будем, все по очереди, пока не выйдешь. И никуда не скроешься, нас два десятка.

— Вот это дипломатично.

Ребята засмеялись. Степан Степанович тоже усмехнулся и пошёл к конвейеру.

Вадик появился как ни в чём не бывало, вежливо поздоровался со всеми, направился к станку.

— Приставь-ка ногу,— сказал Степан Степанович.— У нас такой порядок, если кто возвращается из отпуска — то рассказывает о своих впечатлениях.

Бригада собралась в сторонке, окружила кольцом Степана Степановича и Вадика.

— Вы всё знаете. Решайте,— сказал Степан Степанович.

Сразу стало тихо. Слышно было, как в соседнем цехе с лёгким шипением прошёл мостовой кран, да где-то у дальнего станка с тупым звоном упала пластинка.

Вадим смотрел на всех невинными глазами и как-то блаженненько улыбался.

— Так что скажет коллектив?— спросил бригадир.

— Пусть он скажет,— раздался голоса.— Пусть объяснит.

На Вадима уставилось двадцать семь пар глаз. Все ждали ответа. И эта тишина, это ожидание, как видно, подействовали на него больше слов.

Вадим вдруг подобрался, изменился у всех на глазах. Он будто понял, что ему с ними, с этими вот ребятами, придётся иметь дело, и никуда теперь от них не уйдёшь, и они при случае действительно могут «выбить бубну», и вообще неловко своих ребят подводить.

Это длилось одно мгновение, но Степан Степанович уловил эту внутреннюю перемену и подумал: «В порядке мальчишка. Теперь не выпускать его из-под влияния коллектива».

— Вот пришёл,— пробормотал Вадим.— Работать буду.

— Ну и работай,— сказал Степан Степанович!— Согласны?

— Пусть работает,— подтвердила бригада.

## *Встреча с юностью*

Пошёл конвейер. Заработали станки. Зазвучала знакомая музыка цеха.

Ребята уселись на свои рабочие места. И Степан Степанович принялся за работу. Но успокоиться всё ещё не мог, мысли не давали покоя.

Ничего сверхъестественного не произошло, бывали в бригаде ЧП и посерьёзнее. Но как, почему это случилось? Такой крепкий, надёжный как будто коллектив, такие славные, знакомые до мелочей ребята. Правда, коллектив ежегодно меняется, но остаётся ядро, крепнут традиции, возвращаются из армии ветераны бригады. Однако покоя ему, бригадиру, по-прежнему нет. Каждый раз сначала, с каждым по-своему...

«А впрочем, так всю жизнь»,— усмехнулся он своим мыслям.

Трудную и долгую жизнь прожил Степан Степанович Витченко, прежде чем попал на знаменитую ленинградскую «Электросилу», прежде чем стал бригадиром-наставником молодых рабочих.

Схематично его жизнь можно уложить в несколько строк. Батрак-пастушонок, ученик слесаря, слесарь, комсомольский организатор, участник первых комсомольскихстроек в Донбассе, курсант училища. Комсомольский и политический работник в армии. За плечами служба на границе. Война. Блокада Ленинграда. И вновь пограничная служба. И наконец, по выслуге лет, заслуженный отдых. Отставка. Всё честно, по закону, всё правильно. Другой бы и успокоился. Есть пенсия. Уважение. Былая слава.

Сиди, как иные, дома, читай газетки, изредка выступай с воспоминаниями. По вечерам у столика за сараями забивай «козла» или разыгрывай преферансную пульку. Обсуждай газетные новости с однополчанами. Живи, а точнее сказать, доживай свой век. Ты своё дело сделал, и никто не упрекнёт тебя в такой тихой жизни.

Степана Степановича Витченко никак не устраивала вышеописанная жизнь. Чувствовал он себя ещё вполне здоровым. Энергии хоть отбавляй. Не напрасно, зная его боевую натуру, его общественный темперамент, товарищи, такие же отставные, как он, вскоре после ухода Витченко в отставку избрали его секретарём парт-организации жилищной конторы.

Был Степан Степанович с утра до вечера на ногах, с товарищами; в красном уголке среди молодёжи. Кроме партийной работы, читал лекции на военно-патриотическую тему. Но неудовлетворённость жизнью не проходила, чувствовалась всё сильнее. Он всё отчётливее ощущал недостаточность нагрузки. Вскоре Степан Степанович понял: надо работать. Пошёл в райком. Там Витченко хорошо знали, сразу ухватились за него, начали предлагать должности директора университета культуры, директора Дворца культуры.

«Не то, не то,— про себя твердил Витченко.— Канцелярия не по мне».

У Витченко была лишь одна гражданская специальность— слесарь. С нею он прямо со строительства химкомбината в Донбассе и в армию ушёл. Бывало, вспоминал о заводе, о слесарном деле со сладкой грустью, как вспоминают о юности. А теперь подумал об этой специальности серьёзно.

«Но где там. Всё изменилось, наверное. Да и я отстал, забыл своё ремесло»

Но мысль о работе не оставляла его, а всё назойливее

заставляла действовать. Степан Степанович начал ездить по заводам, по фабрикам, по новостройкам. Записывал телефоны отделов кадров, звонил. Делал это пока что втайне от товарищей.

Но однажды в скверике у дома произошёл разговор. Вечером, как обычно, бывшие офицеры заполнили скамейки скверика и вели беседы «за жизнь». Дом был «военный», точнее сказать, бывших военных, все всех знали и потому быстро находили общую тему. На этот раз Степан Степанович сказал:

— Работать бы нам надо.

— А куда мы годимся, старые моржи?— махнул рукой усатый полковник в отставке Корольков. Он был уволен из армии по болезни сердца.

— Есть такие, что годятся,— сказал Степан Степанович.— Не обязательно на должность, можно и к станку.

— Ну и сказанул,— возразил Корольков.— Кадровые офицеры и к станку.

— А что в этом плохого?— сказал Степан Степанович.

— Вы слышали?!— вмешался бывший лётчик, подполковник в отставке Дронов.— Наш Витченко к станку захотел.

— А что и в самом деле в этом плохого?— встал на сторону Степана Степановича капитан первого ранга в отставке Савчук.— Я — бывший токарь. Ну и что? Да вот, слева по борту — тоже в прошлом работяга.

— Ну нет!— загорячился Корольков.— Этак вы всю нашу корпорацию...

И начался горячий спор. Большинство всё-таки было не на стороне Витченко, точнее, против работы они не выступали, но пойти к станку, слесарем... вот это считали неразумным.

Спор этот ещё больше взбудоражил Степана Степановича, заставил ещё энергичнее искать место. Теперь о его намерениях



и поисках знали товарищи, они ежедневно спрашивали:

— Ну, как? Нашёл свой станок?

— Да нет пока. Ищу.

Степан Степанович не обижался на товарищей, понимал их. Они относятся к заводу, к работе у станка несколько свысока, как лётчики, как Дронов к пехоте, вроде бы превосходство своё чувствуют. Но это идёт не от зла, от непонимания.

Степан Степанович обошёл полгорода, исписал половину записной книжки телефонами отделов кадров, но устроиться всё не мог. Раза два его принимали было, но как только дело доходило до оформления — отказывали. И довод был всё тот же, странный: полковник.

— Не можем. Вроде дискредитация мундира получается.

— Да что вы такое городите?!

— А вы в райком обратитесь, если партийный, или в райисполком. Там комиссия специальная есть.

«Был я там, дорогой товарищ», — мысленно отвечал Витченко и забирал свои документы.

Устроился неожиданно, туда, куда и не думал, и подступиться боялся.

Дом, где жил Витченко, стоял на Московском проспекте, напротив знаменитого завода «Электросила». Степан Степанович из своего окна видел огромную территорию завода, красного и серого цвета корпуса цехов, ежедневно слышал гул голосов проходящей смены, частенько смотрел на ажурную арку ворот с четырьмя орденами, но представить, что он сам войдёт когда-нибудь в эти ворота как полноправный член рабочего коллектива — никак не мог.

А получилось это так. Однажды он проходил, как обычно, мимо завода и его окликнули.

— Полковник Витченко!

Перед ним стоял улыбающийся человек, добродушный, пышущий здоровьем, розовые щёки его так и горели румянцем, кажется, прикоснись — кровь брызнет.

— Не узнаете? Майор Салов.

Это был товарищ послевоенных лет, интендант одного из полков.

— А я тут садовником работаю. Да-а, щавель-дудка! У нас такое хозяйство! А вы не к нам? Вижу в отставке. А то приходите.

Он сказал это так просто и естественно, что Степан Степанович согласился.

— Посмотреть можно.

— Тогда завтра. На десять ноль-ноль устроит? Я пропуск организую.

Всю ночь Степан Степанович плохо спал, еле дождался утра. Всё ему виделся завод, не этот, не «Электросила», а тот далёкий завод его юности, на котором он когда-то работал слесарем.

Он старался представить в деталях большой теперешний завод и себя на этом заводе. И не мог. Опять вспомнилось далёкое. Монтаж стропил на шахте. Ручная работа. Лебёдка-матушка...

— Явился!— завидев его у проходной, крикнул майор Салов и заулыбался.— Ну, идём, щавель-дудка.

Они прошли через проходную и очутились на длинной, прямой и широкой улице, хорошо подметённой и гладкой.

Вдали виднелось красное здание, похожее на ангар, с куполообразной крышей, блестящей на солнце.

— А в цех можно?— спросил Степан Степанович, не скрывая от Салова своей заинтересованности.

— А-а,— восторженно протянул Салов.

Когда они вошли в цех, он ещё больше напомнил

Степану Степановичу гигантский ангар — широкий, светлый, с высоким стеклянным куполом. Несмотря на обилие техники, цех всё равно выглядел просторным, полным света и воздуха.

И этот простор, высота самого цеха, огромные станки и детали — вся эта масштабность как-то сразу придавила Степана Степановича.

«Нет, я тут не смогу. Зажмёт меня техника. Так я и думал, что не смогу».

И его представление о заводе, составленное по воспоминаниям тридцатых годов, показалось наивным, смешным представлением мальчишки, который, держа деревянную сабельку в руке и сбивая ею головку одуванчика, думает, что он воюет.

— Может, покурим?— спросил Салов, видя его смущение.

Степан Степанович с радостью согласился.

На улице он несколько раз глубоко вздохнул и сам ответил на вопрос, который, наверное, задал бы ему Салов.

— Силища! Сколько техники! Нельзя сравнить с тем, что я помню по тридцатым годам. Всё равно, что детский «пугач» с «катушей». Нет, куда мне.

— Брось,— начал уговаривать Салов.— Это по началу так. Научат. Освоишься.

— Нет и нет,— твердил Степан Степанович.— Это не по мне.

— У нас другие цеха есть. Подберём.

Перейдя дорогу, они отправились в старые корпуса завода.

«А может, и верно, может, здесь»,— подумал Степан Степанович.

Но стоило ему войти в цех, надежда снова исчезла. Цех снова был огромен и широк, и высок, и полон техники.

Над головой скользили мостовые краны, по длинным широким проходам катились автотележки с блестящими деталями. Из дальних ворот прямо в цех въезжали грузовые машины и медленно шли по чёрной земляной дороге. Стоял непривычный шум. Бывало, Степан Степанович хорошо понимал рабочую музыку своего цеха, улавливал, где бьют кувалдой, где стучат молотком, где включили сверлильный, а где токарный станки. И не только точно отличал их друг от друга, но по звуку мог сказать, кто стоит у сверлильного, кто у токарного. Теперь всё было чужим, незнакомым, непонятным.

— Тут у нас несколько цехов — аппаратный, сборочный,— объяснял Салов, легко и свободно продвигаясь вперёд.

Послышался знакомый гул. Степан Степанович вскинул голову и остановился. Гул был как далёкая песня детства, как известный голос, который можно отличить в толпе людей.

— Приставь-ка ногу, — попросил Степан Степанович.

— Тут у нас слесарный участок. Пошли дальше.

— Нет, погоди, майор.

Степан Степанович закрыл глаза и начал различать звуки. Вот протяжный, мягкий, слегка шипящий звук шлифовального станка, короткий с посвистыванием — сверлильный работает. А это фрезерный, а это токарный.

— Зайдём, майор,— попросил Степан Степанович.

— На слесарный?— удивился Салов.

Они зашли за перегородку и остановились.

Перед ними ровными рядами, как по ранжиру, стояли станки, все окрашенные в зелёную краску, точно и их коснулась ранняя весна. Станков было много, пожалуй, целый батальон. Они тянулись в глубь цеха до видневшегося вдали выхода. Станки были большими, но очень

похожими на те, что знал Степан Степанович. Впечатление было такое, будто знакомые станки выросли за эти годы. Так бывает, когда через много лет разлуки встретишь школьного друга: всё в нём то же — глаза, руки, улыбка,— но всё это другое, взрослое. И всё-таки друг остаётся другом.

— Чего ты тут не видел?— сказал Салов и собрался было идти дальше.

Степан Степанович стоял не шелохнувшись, стараясь всё разглядеть получше. Так входят после долгой разлуки в родной дом и замирают у порога. Показалось, что он вернулся на свой завод. Всё здесь было близко ему до боли: и эти выросшие станки, и знакомые звуки, и эти яркие искры, и кольца серебристо-фиолетовой стружки, и запахи масла и окалины. Только всё изменилось за эти годы. Не просто выросло и расширилось, но стало совсем другим по качеству и форме. Изменился цех, изменились станки, изменились, наверное, и люди.

— Вот здесь бы...— произнёс он и повернулся к Салову.— Скажи, майор, на этом участке найдётся местечко?

— Вообще-то станочников, слесарей не хватает... Но зачем, щавель-дудка? Подберём получше.

— Нет, нет. Мне бы здесь устроиться.

Пошли к начальнику цеха.

Начальник цеха, Фомин Борис Иванович, после того, как они познакомились и выяснилась причина прихода Витченко в цех, деликатно предложил:

— Товарищ полковник, мы для вас другую работу найдём.

— Зачем другую? Я хочу слесарем. Юность вспомнить, вот какое дело.

— Так ведь теперь знаете,— предупредил начальник цеха.— Сейчас не тот слесарь. Сейчас в основном полуфабрикаты.

Ему и сверлить, и зенковать, и шлифовать, и другие операции выполнять приходится.

— Ну, что ж, научусь,— не отступал Степан Степанович.

— И норма у нас большая.

— Думаю, осилю.

— Видал, щавель-дудка, кого я тебе привёл!— воскликнул Салов.— Ты ещё узнаешь Витченко!

Начальник цеха покачал головой, не то от неуверенности, не то от восхищения поступком этого странного полковника и написал служебную записку в отдел кадров.

Оформили Степана Степановича быстро, присвоили второй разряд, поскольку слесарил и стаж имеет, и приняли на работу с месячным испытательным сроком.

Для быстрейшего освоения дела и практической помощи приставили к нему Юру Халюченкова — чернявого паренька лет семнадцати-восемнадцати.

До сих пор с душевной благодарностью вспоминает Степан Степанович этого Юру.

— Он ведь что... В сыны мне годится. А дело знал. Я перед ним пригодишкой был. Сложная коллизия!

Куда уж сложнее!

Дома встретили его поступление на завод без восторга. Отставные товарищи возмутились.

— Ты что, с ума выжил?! Ты весь наш офицерский корпус позоришь.

— Я позорю?— не вытерпев, огрызнулся Степан Степанович.— Это те позорят, которые работать могут, а не хотят. А трудиться — это не позор.

А дело шло плохо. Свёрла ломались. Руки не слушались. Пальцы, как протезы.

— Это ничего,— успокаивал Юра.— Хватка есть. А дело пойдёт. Это наживное.

Нередко за своей спиной Степан Степанович слышал разговоры.

— Где этот чудака-то?

— С жиру бесится.

— Недельку-две, больше не выдержит.

Но Степан Степанович выдержал месячный испытательный срок и был принят на постоянную работу в качестве слесаря механических работ.

— Так началась моя вторая молодость,— вспоминает Степан Степанович.

## *Путь в «начальство»*

Трудностей не убывало. В основном они были психологического характера. По-прежнему с некоторыми товарищами отставниками отношения были напряжёнными. На заводе к Витченко всё ещё приглядывались и думали: «Уйдёт. Найдёт местечко получше и уйдёт». В цехе, как с рабочим-слесарем, с ним ещё не считались, он еле-еле освоился с делом, ещё не вытягивал нормы. И в то же время это был опытный человек, старый коммунист, заслуженный офицер, герой Отечественной войны. И всё, что касалось жизни, людей, он знал отлично. Делился своим опытом, помогал советами, был подтянут, аккуратен, дисциплинирован, безотказен в работе. В цехе все на виду. Поделился сверлом с соседом — не жадный. Помог товарищу тяжёлый ящик с деталями к рабочему месту придвинуть — артельный. Принял горячее участие в проводах ветерана — компанейский. Прочитал лекцию о пограничной службе для молодёжи — общественный.

К Витченко приглядывались.

И он наблюдал. Опытным глазом многое видел и со многим в душе не мог смириться. Например, с индивидуализмом. Когда кто-то только о своей норме думает. Выдаст её — хорошо. Придумает рационализаторское предложение, опять-таки для себя,— ещё лучше. А что и как у товарища — его будто бы и не касается.

Не выдержал Степан Степанович, выступил на цеховом партийном собрании.

— Товарищи, меня это удивляет. Вы извините, есть у нас какие-то кустари-одиночки. Но это ж неверно.



Бригады — вот что организовать надо. Это удобнее, выгоднее. Я ещё по годам юности знаю.

Степана Степановича слушали. В партийной организации он был чуть ли не самым старым коммунистом, с 1930 года в партии. Но поддержать — не поддержали. Правда, и возражать не стали, сказали:

— Хочешь, так и организовывай. А мы так привыкли и так своё дело делаем. Норму выполняем и перевыполняем. Претензий к нам нет.

— Верно. Нет,— подтвердило начальство цеха.

А Степану Степановичу уже отступать нельзя было. Не привык он отступать.

— Хорошо. Организую. Из тех, кто желает.

Из дальнего угла до его слуха дошла реплика: «В начальство потянуло».

«Вот именно»,— про себя усмехнулся Витченко, но сделал вид, что ничего не расслышал

Неожиданно идею Витченко поддержал комсомол цеха, молодые рабочие во главе с Юрой Халюченковым.

Была создана бригада в составе десяти человек. Бригадир— Витченко. Заместитель — Юра Халюченков.

Создание бригады оправдало себя. Работа пошла веселее, дружнее, рентабельнее. Повысились заработки, И сам Степан Степанович к концу первого года работы на заводе вполне встал на собственные ноги. У него самого пошла высокая выработка.

— Секрет металла понял, друга в нём почувствовал,— говорит Степан Степанович.

Вскоре о Витченко, бывшем полковнике, ныне слесаре, узнали не только на заводе «Электросила», а во всём городе. В это время — старые военные его хорошо помнят — в стране произошло большое сокращение армии. Многим офицерам пришлось уйти в отставку или в запас.

У многих из них не было гражданской специальности. Сидеть без дела они не хотели.

И вот в этот самый момент в газете «Вечерний Ленинград» появилась короткая заметка. В ней писалось примерно следующее. На завод «Электросила» пришёл полковник в отставке С. С. Витченко. Стал слесарем. Освоил дело. Работает хорошо.

Два этих факта: огромный, общегосударственный — сокращение армии, и маленький — можно сказать, локальный, личный — устройство С. С. Витченко на работу, неожиданно столкнулись. На заметку в газете обратили внимание. С. С. Витченко заинтересовался горвоенкомат. Его пригласили выступить перед офицерами, ушедшими в отставку или в запас.

Резонанс от его выступления был большой.

Кое-кто обиделся.

Как-то пригласили Степана Степановича в партком.

— Вот, жалуются,— сказал секретарь и протянул Степану Степановичу несколько писем.— Пишут, что вы тунеядцами отставных офицеров назвали.

Степан Степанович усмехнулся.

— Задело, значит. Если кого задело — пусть проглотит, а кто поумнее — сделает выводы. А тунеядцами я никого не называл. Я сказал только, и то с шуткой, что, мол, сам не захотел быть тунеядцем.

— В общем, ваша линия правильная,— одобрил секретарь.— Если нет другой специальности, если ещё здоров и может человек — пусть идёт на завод, производить материальные ценности.

А по городу ходила легенда о Витченко: «Пришёл, дескать, к станку в регалиях, при погонах. Стружка летит. Масло прямо на погоны». А через некоторое время на «Электросилу» пришло первое офицерское пополнение.

Степана Степановича вызвали к начальнику цеха.

— Принимай подкрепление.

Перед ним стоял коренастый молодежавый человек. Опытным глазом Степан Степанович сразу определил: строевой.

— Подполковник в отставке Жигалкин.

Пожали друг другу руки, как старые товарищи, хотя до этой минуты не были знакомы. Оба понимали: встретились не на рыбалку ехать, на трудное дело.

Николаю Максимовичу Жигалкину было ещё труднее встать к станку, чем самому Витченко. Николай Максимович ушёл в отставку с должности командира артиллерийского полка. Он — кадровый военный. Гражданской специальности не имел. На заводе никогда не работал. Первые три месяца ему пришлось работать без разряда, учеником быть, у мальчишек рабочей профессии учиться.

— Хороший он человек,— вспоминает Степан Степанович.— Перекастистый, перевалистый, не бегал, как я. Всем по душе пришёлся. Характер у него весёлый.

И вновь к бригаде Витченко подходили люди, смотрели на пополнение, но уже не сомневались, не говорили: «Одну-две недели — больше не выдержит». В этом отношении Жигалкину было легче, чем Витченко, Степан Степанович своей самоотверженностью, своим трудом создал для него благоприятное общественное мнение в цехе.

А потом появился подполковник Карев — в прошлом политработник. Иван Васильевич двойным учеником стал: учеником слесаря и студентом вечернего техникума при заводе.

Вскоре к ним присоединились подполковник Орлов, полковник Шухман, полковник Степанов, капитан первого ранга Сетченко, подполковники Брыкин, Воронцов и другие старшие офицеры в отставке. Всего десять человек. Они представляли все рода войск: флот, авиацию, артиллерию,

автомобильные войска и пограничников в лице самого Витченко.

— Чуть ли не вся армия в миниатюре,— смеялся Степан Степанович.

— А ты почти главнокомандующий,— в тон ему говорили рабочие.

Бригада разрослась. Ею трудно стало руководить. Решено было офицеров отделить от молодёжи. Создалась офицерская бригада — первая на «Электросиле». Бригадиром, естественно, был назначен Витченко.

## *Полковничья бригада*

Рабочие тотчас переименовали офицерскую бригаду в полковничью. Такого ещё не было нигде, ни на «Электросиле», ни на другом заводе Ленинграда. Многие рабочие, во всяком случае большинство, отлично понимали, что старшие офицеры, придя к станку учениками слесарей, совершили тем самым гражданский подвиг. Они могли бы и вообще не работать, они в прямом и в переносном смысле завоевали право на отдых, но они не воспользовались им, пришли к станку. Они могли бы добиваться других должностей, тёплых местечек, но они не сделали этого, пришли к станку. Они могли бы, наконец, и здесь, на заводе, устроиться на чистую работу, но они пришли к станку.

— А ведь не молоденькие,— говорили рабочие.— У всех семьи, жёны, дети, положение в обществе.

— Так пенсия ж большая.

— Вот и значит, что не за деньгой, а по душе.

То, что их была целая бригада, исключало утверждения некоторых скептиков о чудаках. Тут уже речь шла не о чудачестве, а о самоотверженности, о сознательном выборе нового пути в гражданской жизни. Офицеров объединяло одно: желание трудиться.

Всё это, вместе взятое, поднимало отставников в глазах рабочих, но и появление полковничьей бригады в свою очередь усиливало у рабочих гордость за свою профессию.

— Раз такие идут учениками слесаря, значит, мы что-нибудь стоим.

— А ты думал. Рабочий класс — он всегда авангард.

— Не агитируй. Вон молодёжь-то что-то не шибко к нам идёт.

Полковничья бригада с самого начала своего появления привлекла всеобщее внимание завода. Её как бы выхватили проектором из всех других бригад и выставили на всеобщее обозрение. Это заставляло Витченко и его подчинённых быть всё время в состоянии боевой рабочей готовности. Недостаток опыта и навыков бригада восполняла дисциплинированностью и прилежностью, отсутствие рабочей хватки — самоотверженностью и непраздным любопытством. Люди бригады были крайне заинтересованы в овладении профессией. Это стало для них боевой задачей. И как в армии её нельзя было не выполнить, так и теперь невозможно было не овладеть всеми секретами профессии в самый кратчайший срок.

В полковничьей бригаде никогда не было пререканий, увиливания, сачкования, стремления взять себе что-то полегче, все были воспитаны на армейской дружбе, взаимопомощи и взаимовыручке. И особенно в первые месяцы, именно тогда, когда бригада ещё становилась на ноги, проявились эти высокие качества.

Степан Степанович, как более опытный и авторитетный, ставил перед бригадой задачу, и все стремились выполнять её творчески, то есть с умом, с выдумкой, с рационализацией. И то, что кто-то придумывал, не являлось секретом для других, оно сразу же становилось достоянием всей бригады.

Степан Степанович умел постоять за себя и за бригаду. Авторитет его на заводе к тому времени был высок. Ведь это он первым выдержал испытание, не отступил, овладел делом, взял бригаду молодёжи, подал тем самым добрый пример, справился с её руководством, да

ещё и других офицеров поднял, целую бригаду создал.

Для цеха, для партийной организации завода полковничья бригада была прямо-таки золотым кладом. Любого офицера можно было использовать как агитатора, или лектора, или организатора. Все они безотказно выполняли партийные поручения. Да и непосредственно работой, навыками слесарей бывшие офицеры овладели быстро. Уже к концу первого года своего существования бригада по достоинству завоевала право называться бригадой коммунистического труда. И вот тут-то вдруг начались некоторые осложнения.

Кое-кто в цехе начал поговаривать:

— Пусть постные детали полковничья берёт. У них пенсия.

Детали в цехе делили по цене на жирные и обезжиренные, или постные, то есть на те, что подороже, и на те, что подешевле. Вот дешёвые-то детали и предлагали полковничьей бригаде. Особенно усердствовал некий Серпин.

— Серпин, говоришь?— переспросил Степан Степанович и залился хохотом.

— Что смешного в моей фамилии?

— Да ничего. Не обижайся, дружище. Просто я случай вспомнил. Был у меня после войны товарищ по службе, тоже Серпин. В соседнем гарнизоне служил. Офицер как офицер, и воевал не плохо. А после войны женился и начал приглашать меня в гости. Уж очень упорно приглашал. Ну и согласились мы. Приехали к нему вместе с супругой.— Степан Степанович опять засмеялся.

— Ну, так и что?— заинтересовался нынешний Серпин.

— Так вот и получилась смешная история. Как только мы приехали, его жена быстренько сориентировалась, объявила: «Мы в кино. А вы за ребёнком приглядите».

— Не успели мы опомниться — их уже и в доме нет. Пришлось няньками стать. Вот так. Не ездите в гости.

— Я-то нянчиться не прошу,— возразил нынешний Серпин.— А только у вас действительно пенсия. А у нас, понимаешь, семья. Дети вот эти самые, их кормить надо. А на постных, понимаешь, не шибко-то заработаешь.

— Хорошо. Я посоветуюсь с товарищами,— пообещал Степан Степанович.

После работы он задержал бригаду.

— Тут такое дело, товарищи офицеры. Реостатные рамы предлагают.

И рассказал о существовании проблемы. Рамы эти чрезвычайно трудоёмкие, чтобы просверлить одно отверстие, надо три зажима зажать. На сверловку пятнадцать секунд, на зажимы — минута. Оснастка тяжёлая, примитивная.

— Никто их не берёт,— заключил Степан Степанович,— А если и берут, так по специальному наряду, с повышенной оплатой. Вот и предлагают. Как вы считаете?

Офицеры молчали, понимая всю сложность вопроса. Конечно, они могли бы и не соглашаться и так же, как другие, отказаться от реостатных, могли, наконец, тоже потребовать повышенной оплаты. Но речь шла о престиже. Об офицерской чести, если угодно, о характере бригады.

— Ну что ж,— сказал Жигалкин.— Нужно. Иначе мы себя долго не утвердим.

— Возьмём,— поддержали офицеры.— Найдём выход.

Взяли офицеры эти злосчастные рамы и начали думать. Придумали новый, в десять раз облегчённый кондуктор. Новые зажимы, точнее, защёлки, вместо трёх — одну.

Рацпредложение поддержал начальник цеха Борис Иванович



Фомин, поднажал на технологическое бюро: помогите полковникам.

Помогли. Быстро изготовили всё, что надо. И работа пошла. Через два месяца выяснилось: план по рамам до 170–180 процентов догнали.

Как-то к Степану Степановичу подошёл Серпин, посмотрел на новую оснастку, покачал головой.

— Зря, Степан Степанович. Мы хотели их до рубля за штуку довести.

Ну и повелось с тех пор. Полковничья бригада в основном над дешёвыми деталями работала: шинами, пластинами, якорями. Всё трудоёмкое, дешёвое, грязное. Но офицеры думали, изобретали и превращали невыгодную работу в выгодную и сравнительно чистую. За два с половиной года существования бригады на её счету появились десятки рационализаторских предложений. Хорошая половина их — в активе самого Витченко.

Всё это со временем ещё больше подняло полковничью в глазах рабочих. Слава о бригаде разнеслась по городу. О ней писали газеты, рассказывали по радио, её показывали по телевидению. Степана Степановича прямо-таки замучили вопросами, интервью, выступлениями. Он делился опытом, выступал на заводах, во дворцах культуры, перед старыми и молодыми рабочими.

— Любишь ты славу, Степан Степанович,— полушутя, полусерьёзно сказал ему товарищ по бригаде.

— Так я же о вас забочусь, об отставных офицерах. Им «зелёную улицу» открываю.

И верно. Слава о полковничьей бригаде помогла другим офицерам в отставке. Им стали верить. Брать на работу.

— А что ж, они работать отлично могут,— рассуждали в отделах кадров.— Вон на «Электросиле». Бригада Витченко.

## *Рассказ о детстве*

Мастер, проходя мимо участка бригады, окликнул:

— Степан Степанович, тебя в конторке спрашивают.

— Корреспондент?

— Нет. Наш заводской товарищ.

Степан Степанович издали узнал старого знакомого, папашу-просителя: лысая голова, густые брови.

«Вот как природа распорядилась неправильно,— шутливо подумал он.— Где пусто, где густо».

— Это вы меня спрашивали?

— Да уж извините, Степан Степанович. Даже с работы отпросился. Я ведь здесь же, в третьем цехе.

— Я же сказал: через месяц.

— Ох, сил моих нет. Свихнётся парень.

— А что я могу?

— Может, посоветуете что-нибудь. У вас ведь опыт.

Условились после работы встретиться в кафе «Электрон».

Когда уселись за столик, Денежкин начал было заказывать.

— Нет, нет,— отказался Степан Степанович.— Мне к девятинадцати во Дворец труда. Выступить придётся перед молодёжью.

— Тогда винца? Ну, хотя бы пива?

— Пивка можно.

Отпили по глоточку, помолчали.

— Что случилось-то?— спросил Степан Степанович.

— Петьку опять отфутболили. Уже в четвёртую бригаду... А он — напился. В милицию попал.

— А вы? Что же вы?

— Да я хочу приструнить, так ведь мать...

— Вот то-то,— сказал Степан Степанович,— мать.

Денежкин виновато передёрнул плечами.

— Вам-то, конечно, непонятно такое. Ведь у вас, наверно, дети благополучные.

— Угадали. Дети у меня действительно неплохие. И парень и дочка. А вот если вспомнить своё детство.

Степан Степанович посуловел, и Денежкин притих, боясь спугнуть что-то, что так изменило Витченко.

— Вот если сказать — не поверите,— после паузы произнёс Степан Степанович.— Только я ни разу в жизни не произносил слово «мама». Да и «папа» — тоже. Вот так — ни разу. Я с девяти месяцев остался без отца и без матери. На Украине дело было. Станция там есть Лозовая — родина моя.— Он достал папиросу, закурил.— Родители умерли от холеры. Взял нас, четверых, дед по матери. А у него самого восемь детей было, то есть при нём жили. В общем собралась семейка шестнадцать человек. Вот такое, дорогой товарищ, благополучие. Так что слово «мама» я никогда не говорил, а вот как себя помню, есть просил. Вернее сказать, не просил, а хотел. С восьми лет по найму пошёл. По украинским деревням и сёлам. Конечно, пастушонком, кем же ещё. Что я с того детства на всю жизнь запомнил, так это последнего хозяина, по фамилии Мороз. То был ещё тот Мороз. Не добрый новогодний дедушка Мороз, а кулак-Мороз. Три шкуры с батраков драл, особенно с таких беззащитных, как я. Мне тогда лет четырнадцать было. Пас я у Мороза коров, кавуны стерёг, на косилке работал. Одним словом, добро его собирал и охранял, как умел. А сам голодным был. Вот тут, под ложечкой, всё время сосало, аж перед глазами круги плыли. Однажды, когда уж немоготу стало, не утерпел, кавун хозяйский съел и корочки за сарай

закопал. И что бы вы думали. Этот куркуль Мороз как-то догадался — верно, вид у меня виноватый был, не поленился, граблями всю землю во дворе перерыл. Нашёл-таки корочки. Избил меня. Бил и приговаривал:

— Треклячья собачья стерва! Вор! Вон с моего двора!

А я у него был не просто, а по договору, от Советской власти. Она меня опекала. В Лозовой существовал профсоюз такой — Всехработземлес. Вот мы и поехали туда, договор расторгать.

Вёз меня Мороз, как галчонка в клетке, то есть, конечно, в телеге, но улететь я никуда не мог.

Приехали в профсоюз, Мороз говорит:

— Привёз хлопца, договор расторгать. Не слушает, кавуны бьёт, да ещё ворует. Не нужен мне такой батрак.

А председатель профсоюза, маленький такой, щупленький — Копна фамилия — как поднялся, как кулаком стукнет по столу:

— До каких пор кровь нашу пить будете?! Уплатите ему семьдесят рублей, да в профсоюз штраф четырнадцать рублей за неустойку.

А тогда это деньги были — корова пятнадцать рублей стоила.

— Не дам,— сказал Мороз.

— Хозяйство опишем,— сказал Копна.

И начал тут же у меня спрашивать, сколько и чего есть в хозяйстве. Ну, Мороз понял: не шутят. В суд побежал.

А суд присудил в мою пользу. Только мне после этого не легче стало. Работал подённо, на срок не брали. Узнали кулаки про случай с Морозом, слух пустили: «Этот, как клещ, день отработает — за месяц сдерёт. Не гляди, что невеличка».

Пришлось мне ходить в дальние деревни. Там работу шукать.

Вот так добрёл я до станции Понютино и тут устроился в кузницу учеником. А учителем моим был Дыбля, Александр Корнеевич, в прошлом рабочий паровозного депо (он по болезни вынужден был уйти) — добрый, толковый человек. Тут мне, можно сказать, повезло, Дыбля учил, как надо, хотя не так, как теперь учат. Большую часть времени я токарный станок крутил и приглядывался. А ремонтировали мы сельскохозяйственные машины, что кулаки привозили. Вот так два с половиной года и проучился я у Дыбли. А потом в 1927 году кулаков прижимать начали. Работы не стало, и расстался я с моим учителем. Правда, не надолго, месяца на три. Вызвал меня Дыбля на станцию Рученково, там началось строительство, понадобились рабочие руки. Но это уже о другом, не о детстве.

— Но почему они теперь такие, Степан Степанович. Ведь всё для них. Себе отказываешь,— спросил Денежкин после паузы.

— Вот потому-то и такие. Нужды не видят. Всё говорим: дороги открыты. Всё твердим: вам, вам, вам. И забываем о том, что «вам» должно равняться «с вас», иначе откуда же оно, это «вам», образуется? Это как сила заряда соответствует силе отдачи. Были в армии? Стрелять приходилось?

— А как же, Степан Степанович.

— Так вот. Так и должно быть.

— Значит, что, Степан Степанович, им нужду создавать, с малых лет работать заставлять? Ведь как-то не реально.

— Да нет. Зачем же? Их воспитывать надо. Работать с ними. Тут, дорогой товарищ, проблема не простая. Заметили, не идут в станочники?

— Да. Своего едва уговорил.

— А почему? На сто процентов утверждать не берусь

но, по-моему, тут наша система воспитания, вся пропаганда и агитация ошибки делает. Вот в школе вы бывали?

— А как же, Степан Степанович. Ведь он и там не тихоней был.

— Стало быть, представляете, что и как. Там всё достижения нашей науки поднимают, всё о них рассказывают. Я не спорю. Наука у нас, конечно, шагнула аж до космоса. Но учёные-то знают, что без умелых рук, без рабочих рук им не обойтись. Учёные-то ценят нашего брата. А вот в школах все твердят: физики, да инженеры, да врачи. И кружки-то там — биологический, химический, физический. А токарного нет, слесарного тем более. А возьмём практику, или, как её называют, политехнизацию. Не знаю, как ваш Петька, а мой Витька никаких хороших впечатлений от этой политехнизации не вынес.

— И мой тоже,— поддержал Денежкин.

— Да и на заводе,— горячо продолжал Степан Степанович.— Что-то я не заметил, чтобы после этой школьной практики кто-то остался в кадрах, пришёл бы в слесаря. Если и идёт кто, так на сборку, на конвейер.

— Это уж точно, Степан Степанович.

— И что же получается? Желания стать рабочими у них нет. Не воспитали в них этого желания. И необходимости работать — тоже нет, поскольку они обеспечены и над ними папы, мамы трясутся. А свободного времени — хоть отбавляй. Но вакуума-то не должно быть.

— Это верно, Степан Степанович. Ведь как мой Петька начнёт болтаться. Ведь я ему говорю...

— Словами мало поможешь. Из них энергия прёт. Её рационально использовать нужно.

— А как? Что делать? Вот вы и взяли бы Петьку.

— Сейчас не могу.

— Так ведь...

— Что «ведь»? Ну, что? — повысил голос Степан Степанович и тут же улыбнулся Денежкину, как бы извинился за свою резкость.— Думаете, у меня санаторий? Думаете, всё гладенько? Совсем нет. Вот только на днях один парнишка прогул совершил и ещё неизвестно чем всё кончится. У меня тоже совсем не ангелы эти парнишки.

Он взглянул на часы.

— Засиделись. Вы придите как-нибудь вместе с вашим парнем. Побеседуем. А сейчас спешу, дела.

## *Совсем не находка*

Полковничья бригада расформировалась. Это произошло неожиданно для всех, в том числе и для бригады, да, пожалуй, и для самого бригадира. Хотя виновником расформирования полковничьей был не кто иной, как сам Степан Степанович Витченко.

— Ты, как Тарас Бульба,— шутили над ним товарищи.— Ты нас породил, ты и убил нас.

А произошло следующее.

В цехе с каждым месяцем прибавлялось молодёжи, подростков от пятнадцати до семнадцати лет. Это и те, кто после окончания восьмого класса школы не поступил никуда, или не захотел учиться дальше, это и те, кто ещё раньше бросил школу, находился под наблюдением комиссии по делам несовершеннолетних и был ею — комиссией — прислан на завод, это и те, кто после десятилетки решил заработать трудовой стаж, при наличии которого легче было поступить в вуз. Подростков этих брали учениками, прикрепляли к опытным рабочим, учили три месяца ремеслу, а потом выпускали в самостоятельный путь, впрочем, формально оставляя шефство старшего над младшим. Дела у ребят шли плохо. Норму они не выполняли. Работали с прохладцей. Зарабатывали мало. Да ещё и другим мешали трудиться. От них отказывались шефы. Их перебрасывали с участка на участок. И даже термин этим переброскам придумали: отфутболить, что означало отпасовать, оттолкнуть подальше, как футбольный мяч.

Так как количество ребят в цехе росло, а дело не улучшалось,



нарушения трудовой дисциплины увеличивались, о подростках всё чаще стали говорить на собраниях цеха и в партбюро. Но разговоры не помогали. Увещевания и упрашивания к добру не приводили. Парнишки по-прежнему были инородным телом в цехе.

Наконец, произошёл случай, заставивший перейти от слов к решительным действиям. Подросток Бизер подошёл к подростку Шевереву и вздумал испробовать — загорится ли на нём одежда. От одной спички промасленная одежда на парнишке вспыхнула как факел. Шеверева еле спасли подоспевшие рабочие. Он получил тяжёлые ожоги. А Бизер — пять лет тюрьмы.

Вот тогда-то и состоялось общецеховое партийное собрание, на котором выступил с гневной и деловой речью Степан Степанович Витченко. Смысл его выступления сводился к следующему:

— То, что произошло, конечно, явление чрезвычайное, но, я бы сказал, закономерное. Оно могло бы произойти и раньше, да и сейчас мы не застрахованы от подобных ЧП. Честно говоря, они происходят ежедневно, только помельче, и мы к ним вроде бы и привыкли. Я говорю о нарушениях трудовой дисциплины подростками. Терпеть этого больше нельзя. Пора кончать!

— Что ты предлагаешь?— спросил новый начальник цеха Иван Васильевич Порохня.

— Да есть кое-какие мыслишки. Я за этим делом, в смысле за подростками, давно наблюдаю, и много над этой проблемой думаю. И вот что скажу: мы сами создаём безобразия. Да, да. Создаём их и потворствуем им. Я всё объясню. Значит, что у нас происходит? После трёх месяцев ученичества подростка бросают на самостоятельный путь, как щенка в воду, куда выплывет. Да, да. Знаю. Шефство. Оно и есть в данном случае главное зло. Понастоящему шефствуют единицы, а большинство свой

план гонят. Что, не так, что ли? Именно так. Они рассуждают: «Зачем мне этот подросток? С ним возни столько. А за это не платят». Я уже сказал: не все так рассуждают, но многие.

— Что же ты предлагаешь?— повторил свой вопрос начальник цеха.

— Я предлагаю создать из подростков бригады. Именно бригады, а не шефство. Это принципиальная разница. Сейчас объясню. Бригада — это коллектив. А я по армии знаю, что в хорошем коллективе трудно разгильдяям и нерадивым. Кроме того, преемственность. Давайте вспомним, как у нас молодёжь воспитывается, какие проходит этапы? Она в основном воспитывается в коллективе. Ясли. Детский сад. Школа. А тут мы вдруг бросаем подростка на самостоятельную работу. Да разве ж он может? Есть, есть некоторые. Согласен. Но большинство не может самостоятельно. Факты подтверждают...

Ещё и ещё на этом собрании брал слово Степан Степанович, спорил, отстаивал свою точку зрения. Его не поддержали. Большинство рабочих отстаивало шефство, ссылаясь на свой опыт, на специфику слесарного дела, на многое другое, субъективное и объективное. А начальник цеха сказал:

— С полковников и надо начинать. Хватит им воспитывать друг друга. Вот пусть и займутся молодёжью.

Шефов перетасовали. А Витченко предложили:

— Что ж, организуй бригаду. У тебя до этого получалось. Может, и теперь что путное выйдет.

Так Степан Степанович Витченко оказался в новой роли бригадира-наставника самых молодых, совсем зелёных рабочих. Впрочем, слово «наставник» пришло позже. А тогда он просто назывался бригадиром молодых.

Офицеров развели по участкам, а на тот цикл работы, что вела полковничья бригада, встала бригада из подростков. Из офицеров

остались сам Витченко — бригадир, и Виталий Осипович Брыкин — помощник. А остальные восемь членов бригады из тех подростков, над которыми не взяли или не захотели взять шефство.

Прежде чем собрать ребят в бригаду, Витченко и Брыкин прошли по цеху, по душам поговорили с каждым подростком.

— Есть предложение создать бригаду. Как считаешь?

— Согласен.

С 1 января 1963 года бригада официально начала своё существование. Вот её первый состав:

1. Витченко С. С.
2. Брыкин В. О.
3. Володя Целуев.
4. Костя Бахарев.
5. Саша Козьмин.
6. Володя Кузьмин.
7. Витя Семёнов.
8. Витя Некрасов.
9. Слава Биркин.
10. Марк Хапман.

У большинства парнишек не было отцов. Большинство, окончив восемь и меньше классов, дальше не учились. На всех восьмерых был один комсомолец — Володя Целуев.

— Что будем делать, Степан Степанович?— спросил Брыкин.

— Работать, Виталий Осипович.

— Потянут ли?

— Увидим.

— Давай-ка, Степан Степанович, ещё раз проверим, всё ли у нас готово.

— Проверить нелишне.

Ребята ещё спали по домам, а Степан Степанович уже



был в цехе, ещё раз проверял оснастку, готовил инструмент для каждого из подопечных.

За полчаса до работы появился Брыкин, как уговорились, в кителе, с чистым подворотничком. Оба выглядели хоть куда, нацепи погоны и хоть сейчас в строй.

— Да вы никак на парад собрались!— издали крикнул Серпин.

Иронию пропустили мимо ушей.

— Идут, кажется,— сказал Брыкин.

На участке появились Володя Целуев, за ним Костя Бахарев, пришли другие ребята. Позже всех, с опозданием, Некрасов и Хапман.

— Вот хохма была! — не поздоровавшись и нимало не смущаясь, начал Хапман.

— В перерыве доскажешь,— мягко прервал Степан Степанович.— Мы тебя массовиком сделаем. А сейчас слушайте задачу.

Он объяснил суть рабочего задания, объяснил все детали, показал каждому, что и как делать.

— Если вопросов нет, приступайте к работе.

Парни пошли к своим рабочим местам, включили станки.

«Вот и пошло дело,— подумал Степан Степанович, прислушиваясь к ритму работы.— Вот, кажется, и всё в порядке».

Тут его позвали к мастеру. Брыкина пригласили в партком.

Вернулся Степан Степанович через четверть часа и не увидел бригады. На своих местах стояли Володя Целуев и ещё два подростка.

— А где остальные?

Семёнов промолчал, а Володя Целуев ответил, не прерывая работы:

— Смылись.

— Куда?

— Ну, я ж не знаю.

— Пойду искать.

Биркина Степан Степанович нашёл в курилке, остальных в раздевалке.

Ребята из бригады и другие окружили Хапмана и чему-то смеялись.

— А работа?— громко спросил Степан Степанович.

На него оглянулись, но не двинулись с места.

— По своим станкам.

— Ну дайте хотя бы досказать,— попросил Хапман.

— В перерыв. И я послушаю.

— Тяжёлый вы, оказывается, человек,— сказал Хапман и, вильнув головой, пошёл в цех.

— Шестуешь?— крикнул Серпин, когда они проходили мимо его участка.

Из-за шума станков Степан Степанович не расслышал слова.

— Нет, не шефствую. Мы по делу ходили.

После обеденного перерыва половина бригады опять разбежалась.

Когда Степан Степанович появился в раздевалке, кто-то из ребят крикнул:

— Облава!

— Тебе видней!— в тон крикуну ответил Степан Степанович.— Ты хоть покажись такой опытный. Мы тебя сфотографируем. Ну, где ты?!

Ребята молча разошлись из раздевалки.

Приведя своих к участку, Степан Степанович подал команду:

— Останавливай работу! Собрание будет.

## *Собрания, собрания...*

Цех работал. Гудели станки. Тарахтел красный автокар, развозя по участкам детали. Блестела стружка на свету. Мелькали освещённые электричеством руки.

Только бригада Витченко не работала.

— Так вот поговорим,— сказал Степан Степанович, оглядывая ребят.

Они стояли полукругом и смотрели на него открыто. Хапман с лукавинкой. Некрасов — игриво. Володя Целуев — серьёзно.

— В чём же дело? Почему вы не работаете?

Ребята молчали, но глаз не прятали и никакого угрызения совести как будто не ощущали...

— Вы все по своему желанию пошли в бригаду, захотели вместе трудиться. Правильно я говорю? Хапман, правильно?

— Ну, правильно.

— Некрасов?

— Угу.

— Биркин?

— Вам же сказали.

— Тогда почему же вы не работаете, душа из вас вон? Почему? У нас план, наряд на всю бригаду. У нас общий заработок. Не работаешь ты — вредишь не только себе, но и товарищу. То есть и ему снижаешь заработок. А главное, как же можно что-то делать, не делая?

Степан Степанович говорил долго, объяснял смысл работы, задачу, обстановку, стараясь раззадорить, увлечь ребят. Ничего не получалось. Парнишки не спорили,

не возражали, со всем вроде бы соглашались, но энтузиазма не проявляли. Потом говорил Брыкин и тоже без особого успеха.

— Кто из вас хочет сказать?— спросил Степан Степанович.

— Давайте работать,— предложил Володя Целуев.

— Вот это от вас и требуется,— согласился Степан Степанович и пошутил:— По машинам.

Ребята отправились к своим рабочим местам, а через час-полтора как-то незаметно, по одному, снова исчезли.

— Что будем делать?— спросил Брыкин.

— Пойду снова искать!— сказал Степан Степанович.

И опять они проводили собрание. И опять Степан Степанович доказывал, что надо работать, что иначе летит план, пятно на бригаду и так далее. И опять ребята не возражали. А на следующий день вновь разбежались, всеми силами старались не работать. И Степану Степановичу приходилось ходить по всем известным и малоизвестным местам своего и соседнего цеха, разыскивать своих подопечных и приводить их к участку. Вновь собирали собрание. По два, по три собрания на день проводила бригада, но видимого успеха всё не было.

— Почему?— спрашивал Брыкин и сам же отвечал:— Видимо, привыкли к словам, все это слышали не раз и не верят, не то, что не верят, сердцем не воспринимают.

— Вот и надо до сердец дойти,— сказал Степан Степанович.

А цех, рабочие и руководство внимательно наблюдали за тем, что происходит в бригаде Витченко. Вопрос решался принципиальный: бригада или шефство? Кое-кто злорадствовал:

— Много на себя берёт. Без году неделя на заводе, а уже ниспровергает.



— Сегодня он трижды их конвоировал,— хихикал Серпин.— Он думает, как в армии. Скомандовал — и готово.

Но большинство сочувствовало Витченко. Как-то его остановил старый рабочий.

— Степан Степанович, брось ты их к чёрту! Зачем тебе?

— Так кому-то ж надо.

— Да не хотят они, черти, трудиться. А без охоты — сам знаешь.

— Ну, не все не хотят. А потом, аппетит приходит во время еды.

Витченко вызвал мастер.

— Слушай, Степан Степанович. Вот что, это самое. Не получается. Вижу и не виню. Но у нас же, это самое, и общий план цеха. Пойми. Они ж — камень на шее.

— А разве, когда они одни работали, не было этого камня?

— Тогда не то. А тут, это самое, бригада. Общее внимание. Следят, это самое, звонят, спрашивают... Ты вот что, ты, это самое, откажись. Мы это на тормозах спустим.

— Отступать не привык.

— Не упрямся. Раз, это самое, не получается.

— Получится. Почувствуют красоту труда. Узнают силу коллектива.

— Когда-то это будет? А нас, это самое.

— Потерпим. Мне не легче.

Мастер недовольно махнул рукой. Степан Степанович возвратился в бригаду.

— Где Некрасов? Где Хапман? Где Биркин? А ну, кончай работу. Собрание будет.

На этот раз Степан Степанович был взбешён, еле-еле сдерживал гнев. Ещё никогда в жизни, сколько он ни

сталкивался с молодёжью, не приходилось ему встречать такое глухое, такое непробиваемое равнодушие людей к делу и к его — бригадира — словам. Он, кажется, впервые в жизни понял значение выражения «слова как горох от стенки отскакивают». И в то же время видел: мальчишки не плохие, парни как парни, каких много, но крайне разуверившиеся, не видят интереса в работе, не понимают смысла и пользы от своего дела.

— Слушайте, ребята. Пора кончать,— сказал Степан Степанович глухо.— Вы ж, говоря армейским языком, с позиции сбегаете, как бы дезертируете.

— Ха!— воскликнул Хапман, но на него прищкнули, и он умолк.

— Не согласен с тобой, Степан Степанович,— вмешался Брыкин и хитро сверкнул глазами.— Позиции занимают солдаты. А они... Вот те, что сачкуют, кто смывается при первом удобном случае... Разве они солдаты?

— Верно, Виталий Осипович,— согласился Степан Степанович.— Я бы таких в солдаты не взял, не доверил бы такого дела.

— Так это ж другое,— всё-таки не выдержал Хапман.

— Заткнись!— грубо оборвал его Володя Целуев.— Надоело за тебя вкалывать.

— Действительно,— поддержал его Костя Бахарев.— План-то общий.

— А ты-то! Вы видели?!

— А что я?— наступал Костя.— Верно, смывался, так зато я вдвое наработаю. Пока ты пыхтишь, у меня уже гора деталей.

— Да?!

— Да! Может, проверим? Вот вы вдвоём, хотя бы с Некрасовым, попробуйте угнаться.

— Проверим,— подхватил Степан Степанович и направился к своему рабочему месту.

С работы они возвращались вместе с Брыкиным.

— Как считаешь, Степан Степанович, лёд тронулся?

— Не уверен.

Навстречу им попала мамаша одного из парнишек. Уже почти все матери его подопечных познакомились со Степаном Степановичем. Они понимали его, сочувствовали, советовали и просили:

— А вы поостроже. И накажите. И ничего.

А эта... Прямо на улице подняла крик.

— Это что же получается? Это что же вы делаете с моим дитём? Раньше приносил получку по шестнадцать рублей. На них обуви и одёжи не купишь, той, что истреплет. Так то один... А тут на всех работай.

— Если бы,— прервал Степан Степанович — Но он же не работает.

— То есть как это не работает? Вместе со мной приходит, вовремя уходит, в цех заглядывала — видела.

— Вы-то вот видели, а мы вот — нет, в смысле у станка не видели, всё больше в курилке или на улице в футбол гоняет.

— Да не может того быть! Моё дитё...

— Спорить не будем. Завтра заходите, с ребятами поговорите. Они не соврут.

Когда мамаша, гневно тряся подбородком, ушла, не попрощавшись, Степан Степанович сказал Брыкину:

— Завтра прямо с утра собрание.

— А не хватит собраний?

— Да приходится. А как иначе? Вот относительно заработка. Слышал?

Наутро, до работы, Степан Степанович сказал коротко:

— Вот что, ребята. Вчера из-за нас конвейер простаивал. Учитите. Аппараты на Братскую ГЭС идут. А второе. Я уже

вам говорил. Насчёт заработка. Работайте, и заработок будет.

— Шестнадцать рэ?— с ехидцей спросил Хапман.

— Больше.

— Трёп,— поддержал Биркин.— Нам не раз обещали.

— Слово офицера. Только, конечно, работать надо. На этот раз ребята не убегали, но работали всё равно плохо. Хапман что-то хохмил, и около него всё время торчали улыбающиеся рожи. А Биркин пытался закурить прямо у станка.

## *Внутренние анкеты*

«Что же делать? Как их расшевелить? Как заинтересовать работой?» — думал Степан Степанович. За долгую жизнь много приходилось ему решать больших и малых задач, много встречаться и работать с разными людьми, и всегда он умел понять человека и подействовать на него, а тут он понимал учеников, а воздействовать не мог. Как будто он и его молодые подопечные говорили на разных языках. Пока что не было коллектива — это ясно. Но коллектив могла создать общая цель. Она есть, это — работа. Но к ней-то и не тянутся ребячьи руки! Она — работа — оказалась той пищей, которая не вызывает аппетита.

Ребята не приучены были трудиться. Моральной зарядки, полученной на ежедневных собраниях, им хватало на час-полтора. А потом они вновь искали повода поволыннить, поговорить между собой, удрать. И сам Степан Степанович не мог работать в полную силу. Надо было приглядывать за учениками, помогать, исправлять ошибки по ходу работы. Вот Биркин оснастку не может освоить. Некрасов сверло не так затачивает. Хапман инструменты раскладывает неудобно. Правда, другие ребята могут работать, но тоже пока что не все заинтересованы в деле.

За эти недели Степан Степанович хорошо изучил ребят, на каждого из них как бы составил внутренние анкеты.

Володя Целуев на данный момент лучший в бригаде, хотя, рассказывают, что ещё совсем недавно и он допускал

нарушения, и с ним приходилось возиться его бывшим шефам. А сейчас полюбил работу. Может быть, это по наследству? У него родители рабочие. И Володя ценит производство. Имеет характер, не поддаётся дурному влиянию. И ребята вроде бы относятся к нему уважительно, во всяком случае не возмущаются, когда он остаётся у станка, а они смываются. Не говорят: «Тебе что, больше других надо?» — как говорят Семёнову или Козьмину.

Костя Бахарев грубоват, всех кроет направо и налево. Но парнишка с рабочей хваткой, ведь выиграл тогда пари с Хапманом и Некрасовым, завалил их деталями. А вот неровен, неустойчив, поддаётся дурным влияниям, да и сам на других плохо влиять может. На днях у Степана Степановича с ним стычка произошла... Костя после обеда удрал вместе со всеми.

— Костик, работать,— сказал Степан Степанович, застукав его в курилке.

— А идите вы к...

— Только вместе с тобой, Костик.

Ответ Степана Степановича вызвал дружный смех рабочих и обезоружил парня. Костя хмыкнул, швырнул окурочок в бочку с песком и поплёлся за бригадиром.

— Собрание соберёте?— спросил он на полдороге.

— Зачем?— ответил Степан Степанович.— Я считаю тебя умным парнем, способным понять свою ошибку.

Семёнов — молчальник. Работает и молчит. Его разыгрывают, стружки за ворот подсыпают, инструменты прячут, а он только отмахивается: «Да ну вас, ребята». Однако оторваться от ребят, гнуть свою линию, как Володя Целуев, ещё не может.

Двух других учеников Степан Степанович в первые дни путал, фамилии у них похожи: Козьмин и Кузьмин. Потом разобрался, стал отличать. Впрочем, они не похожи

друг на друга. Саша Козьмин — высокий, шатен. Пришёл на завод по желанию. Пробовал работать самостоятельно — не получилось, много брака шло, получал по пятнадцать рублей в месяц.

К Степану Степановичу пришёл с надеждой обучиться ремеслу, стать настоящим рабочим. Трудиться любит. Но возраст берёт своё, нет-нет да и поиграет в футбол вместе со всеми или уйдёт в раздевалку, Хапмана послушать.

А его почти однофамилец Володя Кузьмин — кипяток. Маленький, сутулый, юркий. Читает много, даже на работу книгу приносит и сидит за нею в обеденный перерыв. Любит философствовать, рассуждать на умные темы. Пока что у Степана Степановича не было времени поговорить с ним, а надо бы... У него от этого — от хорошего разговора — настроение зависит, а работает Кузьмин по настроению. Понравится — горы сделает, не понравится — будет «сака давить», как говорят в цехе о тех, кто волнуется с делом. В такие минуты Кузьмин говорил:

— Хорошо волку, захотел есть, увидел зайца, догнал. Поел — и отдыхай себе, книжки читай.

— Хочу быть волком, р-р-р,— тотчас подхватывал Витя Некрасов и начинал изображать волка.

Так два дня играл, как в игрушки. Ох, этот Витя! Играть любит — хлебом не корми. И дома так. Его мамаша — актив Степана Степановича — каждый день в цех приходит, всё рассказывает:

— И что такое, Степан Степанович. Дурачится, играет. Но он добрый. Он может работать. Вы уж, пожалуйста, поостроже. Без отца ведь...

А Витя, что строже, что добрее — всё равно. Пообещает, слово даст, а потом опять взбрыкнёт. Как козлёнок. Но хватка есть. Всё быстро понять, запомнить — всё может.

Сделает, покажет, похвалишь, а он чуть не на голове убежит. Да ещё и Биркина сманит. А тому где бы ни работать — лишь бы не работать. Парень с улицы. Привык к лёгкой жизни. Но в общем не глуп. Где-то понимает, что без работы не проживёшь.

Но больше всех, пожалуй, всё понимает Марк Хапман.

Сорванец Хапман. Заводила Хапман. «Сачёк» Хапман. Ловкач Хапман. Выдумщик Хапман. Умница Хапман, Ему слово — он сто.

— С тобой невозможно,— как-то сказал ему Степан Степанович.— Всё равно, что с наганом против пулемёта.

Хапман посмотрел на него умными глазами, посоветовал серьёзно:

— Бросьте вы это дело. Наплюйте на нас.

— Если и я наплюю, что будет? Мокрое место.

— Ха! — воскликнул Хапман, и по уважительному взгляду было видно: ответ понравился.

Хапман, пожалуй, был причиной разнобоя в бригаде. Он острее всех выражал суть проблемы. Мальчишки разобщены, потому что не увлечены единой целью, а не увлечены ею потому, что не заинтересованы в работе. Это как раз плоды шефства. Шефство хорошо там, где люди уже могут работать, но ещё не всем овладели, ещё нуждаются в помощи и совете более опытного товарища. А тут с подростками всё с азов начинать надо, ежедневно, ежечасно учить, обучать не только самому ремеслу, но и организации дела, всем мелочам его, всем тем ста копейкам, из которых складывается рабочий рубль...

«А что, если попробовать с материальной заинтересованностью? Но опять-таки не повлияет ли в худшую сторону разговор о деньгах? Не развратит ли он их? — спрашивал себя Степан Степанович.— Не должен. Нет и нет, если руководить



и направлять парнишек по верной дороге. Учить жить».

Степан Степанович посоветовался с начальником цеха, секретарём партийной организации и мастером о том, чтобы ребятам выдали аванс. Начальство поддерживало Витченко и помогало ему. Оно прекрасно понимало, за какое нелёгкое и необычное дело взялся Степан Степанович. Ведь нагрузка у него удесятирилась, забота, ответственность, нервотрёпка. И за всё за это никаких благ, ни одного «спасибо» пока что.

— Не возражаю,— поддержал начальник цеха.

— Правильно решил,— согласился мастер.— Пусть знают: поработай хорошо — получать будешь. А то ко мне матери приходят, вроде с претензиями, а я, это самое, говорю: пусть работают лучше и тогда получать будут больше.

Но кое-кто в цехе воспринял идею Степана Степановича плохо, чуть ли не как нарушение наших моральных норм.

— Деньжонками сманивать — последнее дело.

— А ты-то бесплатно работаешь?— спрашивали его сторонники Витченко.

— Я?!. Хм... Это ж не с той оперы. То подростки. Они ж с теми деньгами...

— В крайнем случае, родителям выдавать.

— Во-во, попробуй-ка. Они тебе выдадут. Они теперь знаешь какие?!

«Я-то знаю,— про себя подумал Степан Степанович.— Они ещё не взрослые, но уже и не дети. У них ещё не сложился характер. Они имеют смутное понятие о трудовой дисциплине, часто ещё не отличают хорошее от дурного. И это дурное нередко берёт верх над хорошим. Но со временем всё станет на своё место, если, конечно, рядом будет надёжный наставник. Я верю в это».

## *Аванс*

Внушения хватило ровно на час. А дальше ребята не выдержали. Некрасов стащил у Козьмина молоток, и тот стал гоняться за ним по всему цеху.

— Ребята! Ребята!— кричал Степан Степанович.

Но его не слушали.

— Давай, давай!— заливался Серпин.— А ну, полковник! Что ж не преследуешь?

— Дурак ты! — одёрнул его мастер, наблюдавший эту картину.— Виски у тебя поседел, а ума нет.

Ребята вернулись к рабочим местам, приступили к работе. Их обступили товарищи. Что они там им говорили, из-за шума станков не было слышно, но в обеденный перерыв оба подошли к Степану Степановичу с извинениями.

— А ну вас,— в сердцах отмахнулся Степан Степанович и пошёл из цеха. Было до слёз обидно.

Степан Степанович поднялся в красный уголок, сел за стол, покрытый старым кумачом. Здесь никого не было. Рабочие обедали в цехе, по разным уютным уголкам или у автоматов с газированной водой, что стояли в проходе между цехами.

Вскоре послышались шаги, появились два Володи — Целуев и Кузьмин, Чуть позже подошёл Семёнов.

— А вы чего не обедаете?— спросил Степан Степанович.

— Мы уже,— ответил Целуев.

— Ценность питания зависит не от количества проведённого

за столом времени, а от калорийности пищи,— как всегда, фило-софски заметил Кузьмин.

Целуев покосился на него и сказал:

— А ребят вы простите. Они дурачки ещё,— и добавил после паузы: — Мы все вас уважаем, потому что видим, как вы стараетесь.

У Степана Степановича запершило в горле, и он отвернулся, сделав вид, что рассматривает плакат на стене. Через минуту, справившись с волнением, он произнёс:

— Одного не понимаю. Вот вспоминаю себя, свою юность, и не понимаю. Нет, это не проблема отцов и детей, и не брюзжание. А только не понятно.

Ребята молчали.

— Я ненамного вас постарше был,— продолжал Степан Степанович.— А меня избрали секретарём комсомольской организации шестого треста «Донуголь». Поначалу у нас восемьдесят комсомольцев было, а через год уже тысяча. Представляете — сила! Не существовало таких задач, которых мы не могли бы решить. В основном мы строили дома для горняков. Жилищная проблема в то время была самой острой. Ну, а лучших на шахты посылали. Стране нужен был уголь, как хлеб.

Вы слышали о классовой борьбе? А я её на своей шкуре испытал. Комсомольцев наших враги запугивали. Придут на шахту, их спрашивают: «Новички? А ну-ка прокати их с ветерком». Клеть летит вниз с такой скоростью, что у ребят чуть барабанные перепонки не лопаются. Многих страх одолевал. Не хотели идти в штреки. А на тех, кто шёл, враги устраивали психическую атаку: обвалы, завалы, взрывы... И вот тут появлялись старшие, коммунисты, или комсомольцы, уже прошедшие азбуку классовой борьбы. Они подавали пример храбрости и бесстрашия, они работали рядом, увлекая других. А ведь это шахта. Работа под землёй.

Вы и представить себе не можете, что это такое было в те годы... А почему бы и вам... Вот ты, Володя, комсомолец, а что же другие?

— Кто нас примет?— сказал обычно молчавший Семёнов.

И потому что он вдруг заговорил, Степан Степанович понял: хочется парню в комсомол.

— А почему бы и нет,— ободрил он.— Я лично рекомендацию дам.

— Дело не только в оформлении... — начал было философствовать Кузьмин.

— Ладно,— прервал его Володя Целуев:— Мы посоветуемся, Степан Степанович.

— А сейчас работать,— и бригадир первым пошёл к своему рабочему месту.

Примерно за час до конца работы по цеху разнеслась весть: аванс! Эту весть передавали от станка к станку, от человека к человеку.

Выдавали аванс прямо в цехе. Приходили кассирши, усаживались за столы, раскладывали деньги побригадно. Сперва бригадир сверяли заработок, а уж потом получала вся бригада.

— Витченко, получай!— выкрикнули от стола.

Бригадир пошёл первым. Вся бригада неуверенно двинулась за ним. Парнишки притихли. Даже Хапман молчал.

— Распишитесь, получите,— слышалось у стола.

И все расписывались и получали, непременно тут же пересчитывая деньги.

И оттого, что всех называли по фамилии, оттого, что не было ни суеты, ни крика, оттого, что все подходили к столу с деловито-улыбчатым видом,— вся эта процедура выглядела официально-торжественной.

— Целуев. Распишитесь. Получите.

— Биркин. Распишитесь. Получите.

Хапман посмотрел на товарища, будто впервые услышал его фамилию. Видимо, она не связывалась в его понимании с этим худеньким, подвластным ему пареньком. Фамилия возвышалась, выросла. И Биркин почувствовал это, подтянулся, выпрямился, даже ремешок поправил.

— Слушай, по три десятки. Аванс!— зашептал он почти восторженно...— Полковник как будто не наврал.

Хапман сказал по привычке к остротам:

— Купили за тридцать серебрянников.

Но тотчас к столу позвали его, и он так же, как все, хотел было пересчитать деньги, но раздумал, небрежно сунул их в карман брюк, точно получать такой аванс было для него делом обычным и несущественным.

Степан Степанович стоял в сторонке, наблюдал за учениками и думал: «А вроде всё правильно. Вроде действует. Может, и поймут, что к чему. Поймут, что заработок зависит от их труда, от их старания».

Он придержал бригаду, они вместе вышли из цеха.

— Я одно хочу сказать, ребята. Месяц мы работали плохо. Много брака у бригады. Очень бы просил вас подумать над этим. Дальнейшее зависит от вас.

У дома его нагнал Биркин.

— Я вот что,— выдохнул он.— Я тогда зря, в смысле не поверил...

## «Синяки» и «шишки»

Опоздал на работу Володя Кузьмин.

— Может, заболел?— спросил Степан Степанович учеников.

Парни молчали.

— Где он живёт? Не знаете? Это плохо, что не знаете, что не подружились. Так, ребята, нельзя. Вы ж одна бригада. Это как одна семья. Рабочая семья.

Подойдя к Володе Целуеву, Степан Степанович оказал:

— Как насчёт комсомольской организации? Давай не затягивай приём. Сам видишь.

Вскоре появился Кузьмин, в глаза не смотрит, на этот раз не философствует.

— Проспал. Извините.

Но тут выяснилась вопиющая история.

— Ваш-то,— окликнув Степана Степановича, сообщил мастер соседнего цеха. — Ну, такой маленький, шустрый. Уже, понимаешь, пьянствует. Вот они, деньги-то к чему приводят. Сам, понимаешь, видел своими глазами. Бутылка в руках. «Три семёрки».

Степан Степанович кинулся к своему участку.

— Кончай работу. Собрание!

— Кончай работу — это хорошо, хорошо, хорошо!— начал пританцовывать Некрасов.

На него прикрикнули сами ребята, и он замолчал.

— Товарищи, вы знаете — опоздал Володя Кузьмин,— произнёс Степан Степанович. — Ты сказал: проспал.

— Ну,— неуверенно подтвердил Кузьмин.

— А если честно?

Кузьмин опустил голову, и все поняли: соврал.

Но никто не сказал ему ни слова. Степан Степанович заметил это: «Или побаиваются его острого языка, или уважают».

— Молчишь,— произнёс он с укором.— А на самом деле, ребята, он пьянствовал. Так сказать, геройски первую получку обмывал... Не смей возражать! Мне Ворожейкин всё рассказал.

Володя вскипел.

— Ах, так! А сам? Дал денег. Ему ребята достали. Он водкупил. И ещё нас посылал, а мы не пошли. Вот он и обиделся. И ещё докладывает.

— А верно это?

Тут загудели ребята.

— Кузьмин врать не будет.

— Да спросите у Генки,— подтвердил Кузьмин.— Или у Васюка из пятого. Мы втроём были.

— Ладно. Работайте. Запомните только одно: на нас смотрят. И в случае чего — пятно на всех ложится, на всю бригаду.

Усадив учеников по рабочим местам, Степан Степанович направился в соседний цех, к начальнику. Тот при виде его шутливо взъерошил усы, стал во фронт.

— Привет, Василий Никифорович. Не до шуток. Такое дело. С жалобой пришёл. Твой Ворожейкин потворствует выпивке моих мальчишек. Вместо того чтобы остановить, он их за водкой посылает, а не идут — капает.

— Да ну?

— Трое свидетелей... Нам помогать надо.

— Да это, Степан Степанович, понятно... Я поговорю с Ворожейкиным.

— Не поговорю, а на партбюро. Это дело не пустяшное.

Это для моих мальчишек, да не только для моих...

— Ну, что ты так горячо? Как за родных детей?

— А я их, если хотите, и считаю родными. Это без шутки и без иронии. И разговор у меня серьёзный.

Собрали партбюро. Пропесочили Ворожейкина. Но по заводу всё же пополз слух: «У Витченко мальчишки-то пьют. Вот, что денежки-то делают».

— А потому что неверно, что они вместе,— ухватились за случай сторонники шефства.— Их, парнишек, разделять надо, чтоб не озорвали.

— И не работали,— возражал Степан Степанович.

Кое-кто опять советовал:

— А ты через родителей, Степан Степанович. Зарплату пусть матеря получают.

Даже мастер подошёл к участку и предложил, правда, подмигнув бригадиру:

— Так вот, это самое, коли выпивают, давай матерям деньги выдавать.

— Нет,— категорически воспротивился Степан Степанович.— Я верю ребятам. И считаю очень важным, чтобы они сами получали заработанные деньги. А вот учить ребят тратить деньги — это уж моя забота.

Ход был правильным, В обеденный перерыв он услышал разговор ребят.

— Доверием берёт.

— И правильно делает. А ты против?

— Да нет. Что же.

— Материальная заинтересованность — важнейший фактор. Ещё древние философы говорили...— вновь рассуждал пришедший в себя Володя Кузьмин.

Через несколько дней новые «шишки» повалились на голову Степана Степановича.

Он возвращался из парткома (корреспондент приезжал).



Навстречу толпа. Посредине — Хапман, голый по пояс.

— Вот ты как,— зубоскалил Серпин.— Ребятишек догола раздеваешь.

— Над чем потешаешься?!— прикрикнул появившийся мастер.— Это ж самое, несчастье могло произойти. Спасло, что рубашка некрепкая, а то бы, это самое, калекой остался.

Выяснилось: Хапман заговорился у работающего станка, начал энергично жестикулировать, и рукав замотало в шпindelю.

Сейчас Хапман стоял бледный и вытирал пот со лба. Степан Степанович почувствовал, как и у него рубашка к спине прилипла.

— Ну, ничего, ничего,— успокоил он паренька.— Сейчас мы тебе что-нибудь одеть дадим. Иди домой. Отдохни сегодня.

Когда Хапмана отправили, Степан Степанович не стал собирать собрания, переглянулся с Виталием Осиповичем и встал на своё рабочее место. И ученики встали по местам. Наверное, с полчаса работали молча, но Степану Степановичу передалось их напряжение.

— К машине этой мемориальную дощечку прикрепим,— прокричал он, стараясь перекрыть гудение станков.— Ну да. Она ж самого Марка Хапмана ободрала.

Шутка дошла. Ребята захохотали. А Степан Степанович подумал: «Они везде одинаковы: и в армии, и здесь. И смех для них — первое дело... А занятие по технике безопасности обязательно провести нужно...»

Все последующие дни он размышлял: «Как же всё-таки приучить их к трудолюбию? Как снять эту детскость, это невнимание? Они стали получше, посерьёзнее. Целуев, Семёнов, Бахарев, Козьмин норму, пожалуй, вытянут... Но остальные... Но бригада. И дисциплина. Нет ещё

коллектива, как такового. Хотя есть проблески. Коллектив намечается, но ещё слабенький, не выдерживает настоящей нагрузки»,

Витченко в эти дни доставалось. Сторонники шефства брали каждое происшествие в бригаде на учёт, как аргумент против бригадного метода.

— Но ведь и у вас всё это было,— говорил Степан Степанович.

— Конечно, было,— соглашались они.— Но ты ж хотел нам нос утереть.

— Дайте срок.

— Да уже два месяца.

— Ещё подождать надо.

— Ну, ну. Нам не к спеху.

А через неделю в бригаде Витченко произошло новое происшествие. Вокруг бригады часто кружились подростки, дружки-товарищи, ранее работавшие с кем-нибудь из ребят на другом участке. Они приходили посмотреть, перемолвиться словечком или подурачиться.

— Мальчики, сейчас рабочее время,— обычно говорил им Степан Степанович и просил идти к своим местам.

Но иногда он не замечал пришедших, и те успевали помешать работе, кого-то разыграть, отвлечь чем-то, тем более, что таких, как Хапман, Некрасов, Биркин, и отвлекать не нужно было, они сами всё ещё искали повода посачковать или побалагурить.

И на этот раз Степан Степанович не заметил, как подошёл посторонний мальчишка, лишь услышал за своей спиной крик возмущения:

— Что ты делаешь?! Это ж гитенаксовая!

Кричал Володя Кузьмин.

Степан Степанович поспешил на крик.

Оказалось, подросток Пилевин, работающий на другом

участке под формальным присмотром шефа, подкрался к Володе сзади, оттянул ему воротник и всыпал гитенаксовой стружки. А стружка эта похожа на стекло и вызывает ожог.

Рассуждать некогда было. Степан Степанович потащил Володю под душ. Несмотря на все принятые меры, Володя всё-таки получил ожог и несколько дней не выходил на работу.

Потом вышел...

Степан Степанович сидел у начальника цеха. В дверь заглянул Хапман.

— Скорее!..

Степан Степанович понял: в бригаде не ладно, бегом за Хапманом. Издали увидел, как в дальнем углу цеха вся бригада окружила Пилевина. А тот занёс над головами ребят тяжёлый металлический конус.

— Отставить!— изо всех сил крикнул Степан Степанович.— Вы в уме? Изуродуете друг друга.

Он подскочил к Пилевину, обезоружил.

— Работать... А ну, а ну... По своим местам...

Его догнал старый рабочий, зашагал рядом.

— Разгони ты эту банду,— посоветовал он после паузы.

Степан Степанович промолчал. В обеденный перерыв он сказал ребятам:

— То, что у вас появилось чувство коллективизма — хорошо. Но направлено оно явно не туда.

— Укажите ж нам направление главного удара,— дурашливо произнёс Некрасов.

— И укажу. Идёмте.

Он подвёл ребят к специальному месту в цехе, где висели стенды пропагандистов, лозунги, плакаты, социалистические обязательства, графики движения отдельных работ, и на самом видном месте — показатели бригад.

На них красным карандашом сдача без брака, то есть с первого предъявления, а синим — брак, сдача со второго, а то и с третьего предъявления.

— Вот, смотрите,— сказал Степан Степанович.— Это наша бригада. А это — наши «синяки».

— Ха!— воскликнул было Хапман. Но его не поддержали, и он удержался от своих обычных хохмочек.

— Картина не радостная,— заключил Степан Степанович.— А коли уж вы пошли в рабочий класс, то надо без «синяков» работать.

— А действительно, не то получается,— серьёзно произнёс Володя Целуев.— Что мы хуже других? Не можем без «синяков»?

— А верно, ребята,— поддержал его Костя Бахарев.— Давайте возьмёмся.

— За что?— сострил Хапман,

— За тебя тоже можем,— оборвал его Костя.

— Помолчи,— поддержал Костю обычно молчаливый Витя Семёнов.

После бурного обсуждения здесь же у стенда решили: «шишек» не ставить. От «синяков» избавиться.

## *Рассказывают письма*

Много лет квартира Степана Степановича Витченко — открытый дом. Приходят отставные офицеры, товарищи по работе, родители ребят и, конечно же, сами ребята со своими заботами и делами.

На этот раз посетитель был неожиданным — Денежкин! А с ним — сын, Петька. Степан Степанович сразу узнал его: весь в отца — большая голова, такие же густые брови и глаза карие, только на голове густая шевелюра и ростом парень чуть не на голову выше отца. Теперь они почти все такие. Акселерация!

— Извините, — виновато произнёс Денежкин. — Всё так получилось. Его ведь не просто, — он кивнул на сына.

— Входите, — пригласил Степан Степанович. — Мать, сооризи-ка нам чайку.

Он усадил пришедших к столу, улыбнулся им своей мягкой, располагающей улыбкой:

— А я, к стыду своему, имени и отчества вашего не знаю.

— Дмитрий Васильевич.

— Очень приятно. Лучше поздно, чем никогда... А это, стало быть, Пётр Дмитриевич.

Пётр передёрнул плечами и даже этим жестом скопировал отца.

— Так, так, — произнёс Степан Степанович, разглядывая подростка. — Вот мнение твоего отца я знаю, а ты-то сам хочешь работать?

— Хочу, — ломким голосом протянул Пётр.

— Это, Петя, точно знать надо, потому как от этого «хочу» или «не хочу» всё в жизни и зависит. Значит, хочешь?

Парень покосился на отца и утвердительно кивнул головой.

— Тогда, вероятно, ты не ту работу делаешь,— продолжал Степан Степанович.— А иначе, как же? Хочешь, а не работаешь, хочешь — а от тебя отказываются. Наверное, делаешь не то, что нравится?

— Ну, да,— согласился Пётр.

— А делать надо то, что нравится, поначалу, пока не вошёл в работу, а потом приучать себя делать и то, что не нравится, но требуется. А работать всегда нужно хорошо, иначе кому такая работа... Стыдно плохо работать, это ж главное в жизни... Я так понимаю...

Степан Степанович заметил, что парень уже освоился, первая покорность у него прошла, и дальнейший разговор в этом плане он воспримет, как мораль, а моралей он, верно, наслушался достаточно, и отношение к ним выработалось равнодушное. Степан Степанович по опыту знал, когда подросток замыкается, равнодушен к словам, то и дорожка к его сердцу закрыта. Значит, все разговоры попусту.

— Был у меня в бригаде похожий на вашего сына паренёк,— обратился Степан Степанович к Денежкину,— Такой же красивый, крепкий, высокий, курчавые волосы, лицо хорошее, глаза приятные, ну в общем молодец! Звали его Костик, фамилия — Трофимов. Рос без отца. С четвёртого класса начал от дома отрываться. Он по натуре романтик. Ваш нет? Тоже? А Костик был ярко выраженным романтиком. В четвёртом классе махнул в Киев. По дороге задержали. Он ещё сбегал. Наконец, попал в трудколонию. А оттуда, когда исполнилось пятнадцать лет, через комиссию по делам несовершеннолетних был направлен к нам

на «Электросилу». Сначала он поступил в четырнадцатый цех, учеником фрезеровщика. И тут наш романтик прогулял за год семьдесят дней. А потом самовольно уехал на целину. Его считали дезертиром на заводе. Его мать потеряла. Милиция разыскивала. А он вернулся с грамотой. Хорошо на целине работал. Сто семьдесят рублей матери привёз. Опять на завод явился, заявил: «Не хочу работать в четырнадцатом цехе!» Понимаете, романтик! Не хочу — и всё. Перевели к нам в восьмой цех, на сборку, учеником слесаря-сборщика. Он опять семь дней не вышел на работу. Что делать? Выгнали с участка. Направили в другую бригаду. Снова пять дней прогулял. Опять выгнали. В общем, как вот вашего футболили, из бригады в бригаду перебрасывали, но по причине от него, от Костика, зависящей. И тогда старший мастер Воскобойников привёл этого романтика ко мне: «Степан Степанович, вот у нас герой появился. Все от него отказываются — прогуливает. Возьмите, может, что и получится».

А у нас к тому времени коллектив сложился. Вопросы решали вместе. Я старался привлекать ребят к решению всех дел бригады. Посоветуюсь, говорю, с ребятами. Приходи в обеденный перерыв. Собрались на общее собрание. «Как, ребята, спрашиваю, возьмём Костю Трофимова?» — «Возьмём,— за всех ответил Серёжа Мошков.— Мы ему бока обломаем». А будешь честно работать? — спрашиваю Костика. «Буду». Ну, смотри... Неделю работал спокойно, а потом...

Степан Степанович вспомнил, что было потом, подумал: «Ещё напугаю этого Петьку», и закрутился.

— Потом не всё гладко шло, но в конце концов парень на ноги стал. Рабочим человеком стал. Недавно приходил, благодарил. Женился. Машину покупать собирается.

Он заметил, что Петька вроде бы и заинтересовался рассказом и в то же время не до конца верит его словам.

— Сколько их прошло,— произнёс Степан Степанович задумчиво.— Всяких, разных. Да они сами о себе рассказать могут. Вот, пожалуйста,— он достал с полки несколько пачек писем, аккуратно сложенных и перетянутых тесёмочкой.— Ну, возьму наугад. Кто же это? Коля Иванов. Он сейчас в армии. А что пишет? Ну-ка.

«Пишите, как идут дела в бригаде? Есть ли новое пополнение? Или какие происшествия? Пишите всё. Мне интересно всё знать. Всё-таки я член бригады, только временно выбывший для прохождения воинской службы».

— Вот как пишет Коля! — с гордостью произнёс Степан Степанович.— Это такой русский богатырь. Красавец. А пришёл ко мне с улицы. Отец привёл. Вот как примерно вы своего Петра. Коля не захотел учиться. Поначалу был тихий, присматривался. А потом...— Степан Степанович помедлил. — Ну, да ладно. Жизнь есть жизнь. Выпивать начал Коля с такими же подростками, как и он. Подрались. На них дело в милиции завели. Пришлось заступаться. Да-а,— Степан Степанович покачал головой, вспоминая, как нелегко ему было с этим парнем.— А работал хорошо. Освоил все технологические операции. Был одним из корифеев бригады. Заместителем моим стал... Возьмём ещё письмо. Это от кого? Саша Бровин пишет.

«Во-первых, меня назначили командиром отделения и 14 октября присвоили звание младшего сержанта. Во-вторых, меня выбрали комсоргом батареи. И в-третьих, самое главное! 15 октября я принял присягу нашей Родине. Вы знаете, Степан Степанович, я никогда в жизни так не волновался. Всё-таки по-настоящему начинаешь чувствовать себя военным



и осознаёшь свой долг перед народом только после присяги.

Нас всех, всё училище выстроили на плацу. Затем пронесли знамя училища мимо нас и установили в середине. После этого нас поздравил начальник училища. И началось принятие присяги. Принимали повзводно, по одному человеку.

Степан Степанович! Вы, может быть, не поверите, но, когда я читал присягу, у меня были слёзы на глазах, и никак не мог расписаться в книге...»

Степан Степанович закашлялся и отвернулся, чтобы скрыть волнение, понятное каждому, кто служил в армии. Затем справился с собой, опять взялся за письмо и засмеялся:

— Вот уж действительно. Необычная просьба. Саша пишет.

«Мой отец хочет устроиться на работу на наш завод. Их парк переводят очень далеко, на окраину города, да и работа там у него была неинтересная. Степан Степанович! Если можете, помогите ему устроиться к нам, ведь вы же знаете почти всех нач. цехов. Он хотел бы устроиться, если можно, к нам в цех...»

— Вот так-то... А пришёл Саша ко мне сорванцом, посачковать любил, побалагурить. Но вскоре это прошло. Стал отлично трудиться. Общительный парень, музыкальный. Сделал себе электрогитару, квартет организовал. Он у нас массовиком был. И, как видите, комсоргом избрали... Ну, ещё почитаем? А-а! От Серёжи Мошкова. Это явление! Пришёл он к нам таким уличным франтом. А каким парнем стал! Хорошим рабочим. Комсоргом бригады. А у старшего мастера, который не принимал его на работу, стал Серёжа одним из любимцев. И вот пишет:

«Дела у меня пока идут нормально, если не считать того, что

уже третий десяток пошёл. Совсем старый. Страшно подумать! Ну, да это всё ерунда. Тебе вот скоро шестьдесят и на старость не жалуешься. Наверное, здорово поцарапались нервишки из-за нас?...»

Степан Степанович опять закашлялся и отложил письмо.

— Не надоело? — спросил он после паузы. — Ну, последнее. От кого? Рафик Шайдулин. Окончил восемь классов и не стал учиться. Мама привела в бригаду. Хороший паренёк был, ничего не скажешь. Трудился хорошо. Одиннадцать классов окончил. Не имел ни одного нарушения. А что пишет?

«Привет из Заполярья! Здравствуйте, дорогие друзья и мой учитель Степан Степанович. Желаю вам и бригаде крепкого здоровья, хорошей работы и счастья в вашем благородном труде... Из написанного вами письма я узнал, что сдаёте в день очень много узлов, 280–300. Это очень даже отлично...»

Да! — не удержался Степан Степанович. — Ребята работают с полной отдачей. Но у нас как? Одни уходят, другие приходят. И кто его знает кого, как говорится, судьба пошлёт.— Он повернулся к Петру,— Так, значит, хочешь трудиться? Тогда подожди дней десять. Только с условием, чтоб никаких ЧП. Решать бригада будет. А ребята у меня... Да, впрочем, сам увидишь.

— Как только благодарить вас,— начал было Денежкин-старший.

— Благодарить будет он, своим трудом.

— Хоть спасибо скажи,— приказал Денежкин сыну.

— Спасибо,— пробурчал Петька.

Проводив гостей, Степан Степанович вернулся к столу, начал переключивать письма, задумался. Вспомнилось ему становление той, первой, бригады.

## *Рассказывает Степан Степанович*

После той беседы у стенда, когда приняли хорошее решение, не всё гладко пошло, то есть решение приняли, а работали всё ещё с прохладцей, без личной ответственности, и браку выдавали ну разве что чуть-чуть поменьше.

Неудовлетворённость в душе Степана Степановича не проходила. Ребята вроде бы верили ему, но не настолько, чтобы подражать, а значит, идти за ним, делать, как он. Коллектива всё-таки ещё не было. Комсомольцев, кроме Володи Целуева,— тоже. «Как их сдвинуть с мёртвой точки?»

Неожиданно пришёл ответ, и подсказал его Марк Хапман.

Однажды он подошёл к Степану Степановичу и попросил рассказать о пограничниках.

— Это в перерыв. Сейчас иди работай.

В перерыв они всей бригадой направились в красный уголок.

— Опять собрание?— с ехидцей спросил Серпин.— Он уже их стал собраниями кормить. Гляди, на ветру закачаются.

Степан Степанович не ответил. Ребята тоже промолчали.

Придя в красный уголок, они быстренько пообедали, подсели к Степану Степановичу поближе.

— Так, значит, о службе на границе?— спросил он.— Это можно. Только о чём же вам рассказать? Ну, ладно. Вот такая операция. Ликвидация диверсионной группы.



Ребята притихли. Даже Некрасов перестал дёргать Биркина за рубаху.

— Было это на втором году моей службы. А служил я в Тимковическом краснознамённом пограничном отряде. Было это на советско-польской границе. Это была пилсудская Польша. Очень коварная для нас. Даже можно так сказать — плацдарм европейской контрреволюции. Во всяком случае, в то время через неё проходили шпионско-диверсионные группы, контрабанда, и разные провокации случались на границе. В общем, служба была напряжённой, готовность номер два, а часто номер один. А у нас в стране период ещё был такой сложный — коллективизация. Она ожесточила классовую борьбу. Всякая нечисть голову поднимать стала. Вот и в данном случае. Два брата Дасюкевичей — Илья и Василий бежали за кордон, то есть совершили государственное преступление. До этого они занимались контрабандой. Отца за неё репрессировали. А сыновья драпанули, конечно, не для того, чтобы там, за кордоном, ратовать за Советскую власть.

— Ну, прежде всего нужно, чтобы вы поняли, что такое кордон. Как вы представляете?

— Картон — это плотная бумага,— сострил Некрасов, но на него так посмотрели ребята, что он тотчас сказал:— Извините.

— Кордон — это государственная граница, а если точнее, отряд пограничной охраны, преграждающий путь через границу. Граница узаконена, уточнена, но эта не какая-то каменная стена или пропасть между двумя государствами. Это леса, реки, поля, они тянутся непрерывно. Только один берег, скажем, наш, другой — польский. Это я говорю к тому, чтобы вы понимали, что пройти за кордон возможно, и жители здесь знают друг друга, иногда — бывало и такое — дети, допустим, живут на нашей стороне,

а родители — на той... Но вернусь к нашему случаю. Убежали братья Дасюкевичи и сделались предателями, завербовались в диверсионную школу. Через определённое время наша разведка доложила: готовится к выброске диверсионно-шпионская группа во главе с Дасюкевичами. На границе была объявлена тревога. Ждали выброски. Однажды нам сообщили: Илья у матери. В ружьё! Тогда не было столько техники, сколько её есть теперь, ни машин, ни вертолётов. Конь — главная техника. Я как раз и служил в кавдивизионе. Ну, поскакали мы к деревне, окружили её и начали наблюдать. Один из пограничников докладывает: «Товарищ командир, Илья перебежал из дома в сарай». Мы жителей знали. На границе все друг друга знают. Командир подал команду: «Оцепить сарай!» Оцепили. Командир кричит: «Илья, сдавайся!» В ответ молчание. Будто никого и нет в сарае. Проходит час, другой. «Илья, сдавайся!» Никто не отвечает. Но его видели. Он там. Приехало на машине начальство. Ещё пограничники подошли. Понимаете в чём секрет? Не хотелось лишнего кровопролития. Да и его надо было живым взять.

Пока собирались, судили да рядили — темнеть стало. А темнота там густая, вязкая. В темноте он мог и удрать. И вот тогда старший начальник пошёл на хитрость. Решил взять Илью на испуг. Подогнали машину к самым воротам. Привели собак. «Илья, сдавайся!» — крикнули в последний раз. И после того как нарушитель опять не ответил, одновременно включили фары, мотор и собак пустили. Не совсем пустили — лаять заставили.

И тут не выдержал нарушитель, закричал: «Сдаюсь, товарищ начальник!» — «Сдавай оружие!» Илья начал выбрасывать оружие и патроны. Три револьвера выбросил.

— Вот гад! — не выдержал Витя Семёнов.

— А остальные?— спросил Хапман.— Вы же говорили — группа диверсантов.

— С остальными ещё не скоро справились,— сказал Степан Степанович.— Илья сообщил, что он пришёл как разведчик. А основная выброска через два дня должна была состояться. Он, если всё спокойно, должен пробраться к условленному месту и там в определённый час зажигать фонарик. Это называется — световой сигнал. Ну, когда узнали о планах группы, вокруг этого места три кольца засады организовали. Илью привели к нему. Крепких ребят приставили. Сами догадываетесь, дело ночью происходило. В определённый час, как и договорено было, Илья подал сигнал. И диверсанты пошли по одному. Подходит. Его хватают пограничники. Кляп в рот. Руки за спину. Опять сигнал. Опять идёт диверсант. Его опять хватают. Так девять человек без единого выстрела взяли. Оставался десятый, Василий, руководитель группы. А он пошёл не как все, а своей тропой (он эти места отлично знал). И напоролся на засаду. Слышим — стрельба. Бросились на выстрелы. Да где там! Василий ушёл за кордон. Но таков уж закон у нарушителей, обратно приходят.

Тем более что у Василия тут родные места. И мы знали, что на этом дело не кончится. Ждали его. Усилили наряды. Население проинструктировали, рассказали приметы Василия. А он всё-таки обхитрил нас. Переоделся в нашу пограничную форму и вдвоём с таким же бандитом перешёл границу. Явился в свою деревню и взял того человека, который, по его мнению, мог предать брата. Люди заметили их, но видят, пограничники, офицеры, правда незнакомые, но, может быть, из другого отряда. Бандиты увели нашего человека в лес и зверски убили. А сами опять скрылись. Когда мы узнали, в чём дело,— было уже поздно.

Ещё сильнее усилили посты. Жили по тревоге. Вся сложность состояла в том, что Василий этот был хитрым, коварным врагом и границу знал отлично. Через месяц примерно, как раз во время уборки урожая, он действительно снова нарушил границу. Это было в районе... Старобенском районе. Опять двое пришли в населённый пункт Лядно. Опять в форме офицеров пограничников. Их увидел председатель сельсовета.

— Вы с Минска?

— Да, из центра. Вот папирос хотим купить,

— Идёмте, покажу.

Завёл председатель их в сельсовет, а там актив находился. Как только диверсанты вошли: «Руки вверх!» Начали обыскивать. У обоих по два пистолета вынули. А у Василия, оказывается, ещё и третий был. Выхватил он его и по председателю, а сам в окно.

Тогда весь район на ноги подняли. Мы двое суток глаз не смыкали. А он, Василий, повторяю, хитёр и коварен был. Он деревню поджёг. Народ, естественно, бросился на пожар. А Василий тем временем думал проскочить границу.— Степан Степанович глянул на часы.— Ребята, перерыв-то кончился.

— Да ладно, отработаем.

— Нет, нет. Идёмте... Убили Василия, не ушёл от нас этот бандит.

В этот день работали прилежно. Даже Хапман и Некрасов не дурачились, как всегда. А Степан Степанович для себя заметил: руководитель молодых не только личным примером в работе, но и ещё чем-то должен увлечь ребят, заставить их так поверить в себя, чтобы они гордились им, стремились подражать. Очень важная деталь воспитания — личный авторитет руководителя, человеческий авторитет.



## *По интересам*

Степан Степанович стал внимательно наблюдать за ребятами, анализировать работу бригады. Вскоре он разгадал секрет медленного становления коллектива. Ученики его работали, но без души, а скорее из уважения к нему, из солидарности к товарищам.

— Витя,— спросил он как-то Некрасова,— почему ты не зенкуешь? Ведь шины перед тобой лежат, а ты балетом занимаешься.

— Неохота, Степан Степанович. Не нравится мне зенковать.

— А что нравится?

— Ну, резьбу нарезать.

— Хорошо. Нарезай резьбу.

Он заметил, что у Костика Бахарева и у Володи Целуева лучше идёт сверловка, а у Козьмина и Володи Кузьмина — зенковка. Витя Семёнов любит нарезку, а Биркин — опилровку.

Степан Степанович направился к мастеру.

— Посоветоваться хочу. А что, если дать работу по интересам? Кто что любит — тот пусть то и делает.

— Специализация, это самое?

— Да, специализация.

— А не напортишь, это самое, сам себе? Они, знаешь, начнут капризничать или научатся дырки сверлить, и только.

— Посмотрим,— сказал Степан Степанович.— Сейчас главное, чтоб душу вложили и красоту труда почувствовали.

— Ну, пробуй, это самое. Попытка — не пытка.

И Степан Степанович ввёл специализацию. Шины — деталь, над которой они тогда трудились, — имели четыре операции: сверловку, зенковку, нарезку и опиловку, или обирку.

Степан Степанович собрал ребят, ещё раз спросил, у кого к какой работе душа лежит и организовал дело так.

Бахарева и Целуева поставил на сверловку. Козьмина и Кузьмина на зенковку, Семёнова и Некрасова на нарезку резьбы, а остальных, то есть Биркина и Хапмана, на опиловку. Сам помогал тому, у кого хуже получается, кто отстаёт.

В первый же день такой работы бригада выдала на-гора почти в два раза больше, чем выдавала за многие дни до введения специализации.

На следующее утро, придя на работу, Степан Степанович как бы невзначай сказал ребятам:

— Сегодня бы пять тысяч шин выдать. Да боюсь; не сделаете. Вот Костик не насверлит, а если и насверлит пять тысяч, то Володя Кузьмин зенковать не успеет.

В душе он рассчитывал на характер Володи, на то, что Кузьмин — «кипяток».

— Спорим, — произнёс Володя с азартом.

— Да стоит ли тебя обижать.

— Дрейфите?

— Да нет... На рублёвую шоколадку, чтоб ты дешёво отделался.

И пришлось Степану Степановичу покупать шоколадку, потому что Володя Кузьмин выиграл спор, И не только выиграл, но и подзадорил своим выигрышем остальных ребят. Они наперебой начали обращаться к бригадиру:

— Степан Степанович, а со мной не хотите поспорить! Что-то шоколаду охота.

— Вы, оказывается, хитрые,— отвечал он шутливо.— Можете хорошо работать, только темните.

Тогда ребята начали между собой спорить, так, ни на что, на самолюбие.

— А ну, кто следующий? — заявил Костя Бахарев и посмотрел с усмешкой на Хапмана и Некрасова, которых он уже обошёл однажды.

А так как первая операция была сверловка и на ней работали Костя Бахарев и Володя Целуев — самые быстрые и ловкие ребята, то и остальным пришлось прибавить темпа, чтобы в грязь лицом не упасть.

Степан Степанович радовался: «Правильно это я придумал — работа по интересам. Давно бы надо».

Но не все в цехе встретили его начинание благожелательно. Сторонники шефства зашумели:

— Ха-ха! Вот оно что! Портит ребят.

— Узких специалистов растит.

— Куда уж уже.

Нападки на Витченко не получили поддержки, потому что начальство цеха и партийное бюро были на его стороне. Но слухи о том, что он «портит мальчишек», вырашивает из них «узких специалистов», «не даёт им расти», дошли до заводоуправления, до комитета комсомола.

Однажды в разгар рабочего дня Степан Степанович заметил незнакомого паренька, хотел было прогнать его, чтоб не мешал работать, да не успел, позвали к мастеру. А когда вернулся, стал свидетелем бурного разговора ребят с этим пареньком, оказавшимся членом комитета комсомола.

— Муть всё это,— горячился Володя Кузьмин.

— Ты вот чего,— сказал проверяющему Костя Бахарев.— Валий отсюда, пока...

— Вы бы ко мне, товарищ,— вмешался Степан Степанович.— Всё-таки я бригадир.

— Извините,— смутился паренёк.— Но в общем всё ясно. Ребята за вас горой, а слухи, как говорится, не подтвердились.

А к концу дня Володя Кузьмин сцепился с Серпиным.

— Узкий, узкий. Что вы, дядя? Можно быть узким и широким, и широким, но узким. Вот вы, например, какой? Вы говорите, что меня портят и я узкий специалист, четверть слесаря. А я могу доказать, что вы ремесленник в худшем понимании. Я, скажем, знаю, где добывается руда, из которой плавится металл для моей шины. А вы знаете? Я, например, знаю, куда идут эти аппараты, какую они нагрузку выдержат, сколько часов отработают. А вы?

— Работал бы так, как болтаешь,— огрызнулся явно смущённый Серпин.

Теперь обеденный перерыв ребята проводили вместе со своим бригадиром. Они слушали его рассказы о службе на границе, о его комсомольских годах, об Отечественной войне. Степан Степанович замечал, что всякий раз после этого они притихали, трудились прилежнее.

— А что, ребята,— в один из таких перерывов сказал Степан Степанович.— А что, если нам включиться в борьбу за звание бригады коммунистического труда?

Хапман присвистнул. Некрасов сделал пируэт. А Володя Целуев ответил серьёзно:

— Рановато. Ещё не потянем.

— Так вы старайтесь. Вы ж не хуже других. Мало ли что про вас говорят, а вы докажите, что это не так.

Позже он слышал слова Кости Бахарева.

— Бригадир-то как размечтался.

— Значит, молод,— философски заметил Володя Кузьмин.— Мечтание — удел молодости.

А работа шла всё успешнее. Работа по интересам, споры «на самолюбие» давали свой богатый урожай.

## *«Золотой ключик»*

Хапман выполнил норму.

Завели его Володя Кузьмин и всё тот же Костя Бахарев.

— У каждого человека,— сказал, обращаясь к нему, Володя,— что-нибудь доминирует, у тебя, например, язык. Если бы им работать — ты бы один за бригаду норму выдавал.

— Ха! — воскликнул Хапман.— Вы посмотрите на этого человека!

— А он прав! — поддержал Володю Костя.— Ты ж пробовал со мной тягаться. Не получилось.

— То просто так,— возразил Хапман.— А если бы я захотел...

— Так захоти,— пристали ребята.

Степан Степанович осторожно поддержал Хапмана.

— Конечно, сможет, душа с него вон. Ему только собраться. Не надо отвлекать его, и всё будет в порядке.

И началось! Костя сверлил. Володя зенковал. Семёнов и Некрасов вдвоём едва успевали резьбу нарезать. А Хапман опиливал шины. Обычно они работали вдвоём с Биркиным. А сейчас Биркин взбунтовался.

— Ты чего это? Откуда сорвался?

— Ты не отвлекай его,— вмешался Степан Степанович.— Давай-ка я вам помогу.

Биркин что-то проворчал себе под нос, продолжая работать в среднем темпе.

Шумели станки. Тупо позванивали детали. Рядом со Степаном Степановичем сопел Хапман. Лоб и нос у него покрылись потом,

он изредка смахивал его рукой и продолжал работать. Горка деталей перед ним не убывала, но и не прибавлялась. Как ни старались Костя и Володя, завалить Хапмана на этот раз не могли.

Степан Степанович вдруг понял, что такого напряжения бригада не выдержит. Молчание уже тяготило.

— Тайм-аут,— сказал он.— А то вон с товарищем плохо будет.

И он показал на Серпина, который, бросив свою работу, во все глаза наблюдал за ними со стороны.

— А, одноклеточный! — воскликнул Володя, и все захохотали.

Смех разрядил напряжение. Работа пошла в прежнем скоростном темпе, но теперь уже Степан Степанович нарочно подбрасывал шуточку или подбивал кого-нибудь из ребят. И новая порция смеха вселяла новые силы в раскрасневшихся от высокого темпа мальчишек.

К концу рабочего дня к Степану Степановичу подошёл Костя Бахарев.

— Надо бы отметить. Ну, это... Хапман же выполнил.

Степан Степанович подумал и согласился.

Отправились в кафе «Электрон». Сели за общий стол, сдвинув два столика вместе.

Командовали Костя и Володя Целуев.

Купили круассону и пирожных. Марку — колечко. Володя Целуев положил его на большую тарелку и, едва сдерживая смех, торжественно пронёс через весь зал. Ребята с деланно-серьёзными лицами ожидали дальнейших событий. Посетители кафе повернули головы в их сторону.

— Товарищи,— как можно официальнее произнёс Целуев. — Сегодня у нашей бригады знаменитый день. Марк Хапман выполнил норму. Он героически доказал, что может работать не только языком, но и... подними руку... Но и руками,— закончил Целуев

и надел Марку на указательный палец колечко.

— Уря-я!— закричал Костя.

— А-а,— подхватили ребята.

Буфетчица выскочила было в зал, но Степан Степанович махнул ей: дескать, всё в порядке, никаких ЧП.

За товарищеским столом много смеялись, шутили, и Володя Целуев, косясь в сторону бригадира, предложил:

— А давайте в воскресенье на рыбалку, а?

— Может, просто в лес,— сказал Саша Козьмин.

— Не понимаешь,— неожиданно загорячился Володя,— я научу вас рыбачить, вы поймёте, что это такое.

Не столько его слова, сколько необычная для него горячность подействовала на ребят. Они поддержали предложение Целуева.

— А я не договаривался,— отказался Биркин.

— Ты вот что,— прикрикнул на него Володя Кузьмин,— Попал в стаю, лай не лай — хвостом виляй.

— А вы, Степан Степанович? — обратился Целуев к бригадиру.

— Я человек дисциплинированный, как бригада, так и я.

— Уря-я! — опять крикнул Костя.

— А-а,— поддержали ребята.

Воскресенье выдалось пасмурным, типичное ленинградское. Нет дождя, но скорее всего он будет.

Встречу назначили на Финляндском вокзале, у касс. Степан Степанович ожидал, что ребята не соберутся или придут не все. А они явились вовремя, даже Биркин пришёл.

— И ты? — сказал ему Степан Степанович.

— А что я? Я зимой в Кавголово каждое воскресенье.

— Он у нас лыжник мировой,— подтвердил Козьмин.

Сам Козьмин стоял с гитарой в руках.

— Вместо удочки,— пошутил Степан Степанович.

— И рыба музыку любит,— серьёзно сказал Володя Целуев.

Он был снаряжён, как заправский рыбак: два спиннинга в самодельном чехле, ящик, наверное, с приманкой и снастью, какая-то старенькая, хитрая куртка с карманами и «молниями».

— Двинулись? — спросил Володя.

— Тут ты командуешь,— ответил Степан Степанович.

Всю дорогу ребята пели песни и разыгрывали друг друга. Степан Степанович с интересом наблюдал за ребятами. Козьмин, оказывается, прилично играет на гитаре. Некрасов поёт. Хапман знает много песен и подсказывает слова. А Костя Бахарев, такой громкий и быстрый на работе, тут как-то примолк, потускнел, как будто ушёл в тень, и доволен своим пребыванием, улыбается, подпевает.

Сошли в Дибунах. Володя Целуев повёл всех одному ему знакомой дорогой к «мировому озеру».

— А ночью бы ты тут прошёл? — спросил Степан Степанович.

— Не пробовал.

— У ночи свои законы,— сказал Степан Степанович.— Ночь на наше воображение сильнее дня действует. Ночь пугает.

И он начал рассказывать случаи из жизни пограничников. Ребята так заслушались, что чуть не прошли озера.

— Стойте! — закричал Володя Целуев.— Да мы ж развилку не заметили. Поворачиваем назад.

Минут через десять перед ними открылось озеро. Проносящиеся над ним низкие облака придавали воде дымчатый оттенок. А нависшие с крутых берегов деревья как бы закрывали озеро от постороннего глаза.



Рыбаки — два Володи и Семёнов,— тотчас направились к воде, а остальные принялись дурачиться и бегать по берегу.

«Вырвались,— подумал Степан Степанович.— Пусть порезвятся».

Он лёг под кустами ивняка на плащ-палатку, задумался. Вспомнил себя семнадцатилетним. В те годы они с Дыблей депо строили. Стропила вручную поднимали. Заклёпки на морозе готовили. Горном металл разогревали. Тяжело, трудно было. Этим, сегодняшним парням, легче. Это и хорошо, что им легче, что сбылось то, о чём он и его товарищи мечтали в двадцатые годы. Но... Но... Мы такими беззаботными не были. Мы уже к их годам познали, почём фунт лиха. Дорожили своей работой, понимали, что без неё не прожить. И не просто шалая-валяя работали, а прилежно, добросовестно. А сейчас этого некоторые из них недопонимают. Условия у них лучше, а работают они хуже. Да, пока ещё хуже, чем мы работаем, в смысле отношения к делу. Не голодали, не мыкали, хотя многие из них сироты, без отцов выросли. Чёрт те что! Где-то мы что-то не то делаем...

Его размышления оборвали азартные выкрики. Бахарев и Некрасов затеяли борьбу. Хапман, Биркин, Козьмин подзадоривали парнишек.

Степан Степанович решил воспользоваться тем, что все отвлеклись, разыграть мальчишек, спрятаться. Старому пограничнику не трудно было ловко и быстро, пользуясь травой и старыми листьями, замаскироваться тут же, в кустах.

Он лежал, припав щекой к земле и чувствовал, как земля дышит запахами прелых листьев, жухлой травы, набухающими почками.

— Э-э,— спохватился кто-то из мальчишек,— А где же наш бригадир?

— Наверное, по нужде ушёл. После паузы.

— Покричать, может?

— Он не заблудится. Пограничник лес знать должен. Минут через десять ребята забеспокоились.

— Степан Степанович! — не выдержал Хапман.

— Чего там? — раздалось от воды.

— Да наш полковник куда-то исчез.

Через некоторое время подошёл Володя Кузьмин.

— Куда он мог деться?

— Исчез.

— О! — воскликнул Кузьмин.— Рефлекс сработал. Понимать надо. А ну, прочешем лесок.

«Догадлив,— отметил Степан Степанович, шевеля немеющими пальцами ног.— Да неопытен. О кустах-то и не подумал... А я старею. Вот и ноги затекли». Мальчишки вернулись ни с чем.

— Я говорю заблудился,— доказывал Биркин,

— Не может быть,— не соглашался Кузьмин. Подошли Целуев и Семёнов.

— Что делать?

— Ждать,— сказал Целуев.— И песню. Где гитара? «Вот это правильно,— одобрил Степан Степанович.— Так они меня пересядут».

Саша Козьмин достал гитару, ударил по струнам и запел знаменитую туристскую «Бабку».

Где тренироваться,  
Милый мой дружок...

Ребята гаркнули дружно и стройно:

В турпоходе, бабка,  
В турпоходе, Любка,  
В турпоходе, милая,  
Сизая голубка.

Они опять увлеклись, забыв о Степане Степановиче.

«Как тетерева на току»,— улыбнулся он и, воспользовавшись песней, тихонько размаскировался и вылез из кустов.

— Громко поёте,— сказал он, когда ребята кончили песню.

— Ха!— воскликнул Хапман.

Все захохотали и бросились к Степану Степановичу. Ребята подхватили его на руки и понесли к озеру.

— Нет уж, проиграли,— кричал он.— Это мне вас в воду ма-  
кать надо!

Обратно ехали с песнями. Рыбы, правда, наловили мало. Зато отдохнули отлично. А главное, все как-то ближе друг другу стали.

Для Степана Степановича эта поездка была открытием. Вечером он записал в свою книжку; «Найден «золотой ключик» к сердцам мальчишек. Быть с ними чаще и не только в служебной обстановке. Вне работы они раскрываются лучше. Взять на вооружение шутку, смех, песню». И ещё приписал: «Кто что любит: Целуев, Семёнов, Кузьмин — рыбалку. Бахарев — компанию. Козьмин, Некрасов — гитару, песню. Биркин — спорт (лыжи), Хапман — хохмы».

С той поры всегда спрашивает Степан Степанович у поступающего в бригаду: «А чем увлекаешься? Ну, что любишь? Спорт? Танцы? Музыка? Песни? Ничего не любить нельзя. У нас в бригаде все что-нибудь любят. Какой же ты парень без увлечений. Ничем не увлекаются только очень плохие люди».

## *Комсомол*

Денежкин привёл своего Петьку.

— Пусть подождёт. Послушаем мнение бригады,— сказал Степан Степанович.

— Но вы же... Вы же обещали...— начал было папаша.

— Я — одно,— прервал его Степан Степанович.— А коллектив — другое. Коллективу с вашим парнем жить и работать. У нас в бригаде — целая система. Уже есть совет ветеранов во главе с Костей Бахаревым. Комсомол у нас важнейшая сила.

После работы Степана Степановича поджидал папаша.

— Ну, как? Петька-то мой?

— Работал, — ответил Степан Степанович. — Поначалу они все работают, а попривыкнут — и начнут свою индивидуальность выказывать.

— А он ничего отзывается.

— А ребята о нём другое сказали: трудиться не привык, не учится, не комсомолец.

Комсомол!

Сколько Степану Степановичу пришлось пережить, поработать, прежде чем комсомол в самом хорошем, боевом понимании стал неотъемлемой, необходимой частью бригады, её боевым ядром.

Первыми в той первой бригаде подали заявления Саша Козьмин и Володя Кузьмин. Рекомендации им написали Володя Целуев и сам Степан Степанович. Его рекомендация — рекомендация старого коммуниста — шла за две.

День этот, помнится, был не очень удачным. Костя Бахарев нагрубил мастеру. Биркин брак выдал. А в довершение всего привели новенького... Махаева. И он тут же удрал с рабочего места. Опять пришлось Степану Степановичу ходить по всем цеховым закоулкам, искать беглеца.

Вот с таким неважным настроением повёл он своих воспитанников на комсомольское бюро цеха. Там, конечно, отнеслись настороженно.

Володя-то Кузьмин в пьянке был замечен. Дважды пришлось выступать на бюро Степану Степановичу, защищать Володю. Всё-таки приняли и Кузьмина и Козьмина. Степан Степанович долго жал руки своим первым комсомольцам.

— У здорового человека благородство вызывает ответную реакцию,— философски заметил Володя Кузьмин.— Ставлю бутылку лимонада.

Степан Степанович начал было отказываться, но ребята потащили его всё в тот же «Электрон». А там, оказывается, уже и столики были заняты — вся бригада ждала их появления.

— Уря-я! — гаркнул Костя Бахарев, как только они показались в дверях.

Буфетчица уже не высказивала на этот крик, вроде бы привыкла.

— Что же это вы раньше срока? — покачал головой Степан Степанович.— А если бы не приняли?

— Из нашей-то бригады? Обязательно приняли бы.

В этот вечер и после Степан Степанович рассказывал ребятам о своих комсомольских годах, об армейском комсомоле, о героях-комсомольцах — его товарищах и воспитанниках. Ребята слушали с интересом, но как только речь заходила о вступлении, некоторые спрашивали:

— А зачем? Это же всё формальность, Степан Степанович.

Степан Степанович не отступал. Ему помогали Володя Целуев и новые комсомольцы.

— Вы там как хотите,— сказал Саша Козьмин.— А я это дело серьёзно понимаю. И раз я вступил в организацию добровольно, то как бы на себя дополнительное обязательство взял.

— Разглагольствовать не будем,— поддержал его Володя Кузьмин.— Завтра приходим пораньше. А главное, работаем все свои положенные минуты.

Необычно было слышать из уст Володи, любившего пофилософствовать, возражения против разглагольствования, тем не менее он сказал то, что надо, и Степан Степанович в душе порадовался его словам. Много недель он именно это понятие и втолковывал ребятам: «Экономьте время, каждую минуту. Наш рабочий день состоит из часов, а часы из минут. Потерянная минута — это воровство и из своего и из государственного кармана». До них как будто не доходило. А вот, оказывается, понимают, дошло...

А тут новая неприятность. Подвели соседние цеха, подающие полуфабрикаты для бригад. Работа уже была доведена до автоматизма. Минуты сами ребята не хотели терять, но их — чёрт возьми — приходилось терять, и не минуты, десятки, даже часы.

— Где детали, Степан Степанович?! — кричал Саша Козьмин.

— Это как называется?! — вторил ему Володя Кузьмин.

Степан Степанович бежал к мастеру, к начальнику цеха. Те по его просьбе нажимали на соседей. А в бригаде тем временем происходила чехарда, не в переносном, а в прямом смысле.

Вернулся Степан Степанович к рабочему месту, а ребят нет, ни одного, даже Володи Целуева. Он не успел сделать и десяти шагов, как услышал их возбуждённые голоса.

— Витька, держись крепче!

— Костя, выстоишь?

— Как в блокаду.

В стороне от станков, чуть ли не у конторки старшего мастера, парни играли в чехарду, прыгали друг на друга, азартно кричали, забыв о том, где они находятся.

— Ребята, что вы?! А ну, перестаньте! — издали крикнул Степан Степанович.

— Не мешайте, Степан Степанович,— махнул на него Саша Козьмин.— Дайте «слона» доделать.

— Какого «слона»?! Детали везут.

Но парнишки всё-таки доделали «слона» и с гиком двинулись в сторону своего бригадира. Сделав несколько шагов, «слон» рухнул, образовав кучу копошавшихся, кричащих тел.

— Эй, куча-мала, народу звала!

Степан Степанович сдержался. Он хорошо знал, что нотации и крик на них меньше всего действуют. Когда ребята накричались, навозились и смеющиеся, покрытые потом, окружили его, он сказал:

— Опять меня под насмешки подводите?

— Наплюйте,— сказал Володя Целуев.— Всё равно работы не было.

Степан Степанович вынужден был согласиться с его доводом. Для себя он заметил: «Учесть на будущее. Вакуума не должно быть. Безделье выбивает их из рабочего ритма».

— Идёмте,— сказал он. — Слышите тарактит? Везут детали.

Но работа в этот день шла хуже, чем обычно.

«Вот то-то и оно, — рассуждал Степан Степанович. — Выбить-ся-то им легко, а войти в работу куда труднее».

После смены он специально зашёл к начальнику цеха.

— Прощу впредь наладить подачу деталей. Эти вынужденные простои мне очень вредят.

Наутро Степан Степанович отозвал в сторонку Целуева, Кузьмина и Козьмина.

— Вот что, комсомольцы. Грош цена командиру, если в его отсутствие дисциплина в подразделении разваливается. Верно, я плохой командир.

— Ну что вы, Степан Степанович, — возразили ребята почти в один голос.

— Ладно. Не успокаивайте. Вы мой актив, моя правая рука. Так, пожалуйста, в моё отсутствие — вы за меня остаётесь,

— Все? Коллегиально? — спросил Володя Кузьмин и покосился на бригадира.

— Ну, не все. Командир должен быть один. Вот, скажем, Володя Целуев. Не возражаете?

— Нет, — ответил Саша Козьмин.

— Поздравляю, — сказал Володя Козьмин и шутливо обнял Целуева и трижды чмокнул воздух.

— А кто следующий в комсомол? — спросил Степан Степанович.

Ребята задумались. Это понравилось Степану Степановичу.

— Ну, так что? Как вы считаете?

— Семёнов, — решили ребята.

К концу лета вся бригада стала комсомольской. По-прежнему рекомендовали ребят Володя Целуев и Степан Степанович.

Труднее всех принимали Костю Бахарева. Ему трижды отказывали. Грубит, сквернословит, ни с кем не считается, может послать куда угодно и товарища и мастера.



— Костик, перебори свой недостаток,— советовал Степан Степанович.

— А-а, надо ли?

— Стало быть, ты белая ворона? — спрашивал у него Володя Кузьмин.

Степан Степанович отходил в сторонку. Он знал: если ребята взялись за товарища, ему лучше не вмешиваться. На Володю Кузьмина можно положиться. В работе Костик с ним ещё потягается, в словесной перепалке — Володя непобедим.

Когда ребята всё-таки сговорили Костю подать заявление в комсомол в четвёртый раз, Степан Степанович понял: больше проигрывать нельзя. Отказ в приёме в четвёртый раз окончательно надломит парня: «И так он держится молодцом. Виду не подаёт, как переживает».

Степан Степанович направился в комитет комсомола завода.

— Случай редкий,— сказал он.

— Но не принимают его правильно,— ответили в комитете.— Вы не можете отрицать недостатки Бахарева, которые, кстати, он не желает исправлять.

— Не столько не желает, сколько не может,— возразил Степан Степанович.— Вот организация, комсомол ему и поможет... А так... Так сломается парень. Рабочий он хороший. Один из лучших в бригаде. Больше отказывать нельзя.

На четвёртый раз Костю приняли в комсомол.

Теперь вся бригада Витченко стала комсомольской.

Комсоргом избрали Володю Целуева,

— Ну что ж, ребята,— сказал им Степан Степанович. — Сейчас всё в ваших руках. Можно, конечно, считать, будто бы ничего не произошло, ведь вы такие же, какими были до сих пор, до получения комсомольского билета, но это будет как раз

то, против чего вы сами же выступали. А можно и по-другому...

— Попробуем,— сказал Володя Целуев.

Осенью вся бригада пошла учиться в вечернюю школу. Только Марк Хапман ушёл в техникум холодильной промышленности, на дневное отделение.

## *Плюсы и минусы*

Бригадный метод воспитания подростков победил. Даже самые заядлые сторонники шефства должны были признать это. На очередном партийном собрании цеха Виталий Осипович Брыкин (он теперь был секретарём) доложил об этом коммунистам, и начальник цеха поздравил Степана Степановича с победой и впервые назвал его наставником.

Но сам-то Витченко понимал, что до окончательной победы ещё ой как далеко!

Он анализировал свою работу, обдумывал, прослеживал каждый свой шаг и всё оставался недовольным ни собой, ни работой, ни своими учениками. Ещё есть брак, нарушения дисциплины. И новенький этот, Махаев, продолжает делать прогулы. Да и коллектив ещё не такой прочный, как хотелось бы ему, бригадиру. Стоит ему отлучиться на час-другой — накал работы падает. Дисциплина снижается. Чего-то ещё не хватает бригаде. Комсомольцы ещё не почувствовали вполне своей ответственности и силы.

«Необходим дополнительный стимул,— думал Степан Степанович.— Они должны почувствовать себя хозяевами своего дела».

К счастью, подвернулся подходящий случай. Уже давно, пожалуй, с самого начала молодёжной бригады, председатель заводского комитета Владимир Сергеевич Фролов помогал Витченко, поддерживал просьбы, давал деньги на туристические походы, путёвки в однодневный дом отдыха. И на этот раз он дал бригаде билеты во Дворец труда. Там как раз

проходил городской вечер, посвящённый молодым рабочим.

Степан Степанович выступил на этом вечере, представил ребят, рассказал о жизни бригады. Выступление Витченко понравилось. Дворец труда взял шефство над бригадой Витченко. И с той поры стала своеобразным паролем фраза: «Мы из бригады Степана Степановича». По этому паролю ребят всегда пропускают во Дворец труда. Директор дворца, Григорий Самойлович Левицкий лично руководит шефством...

Но всё это пришло позже. Тогда же, в тот первый вечер, до выступления Витченко ещё ничего не было известно. И бригадир и его ученики волновались, узнав, что о них пойдёт речь на таком большом собрании. Семёнов подошёл к Степану Степановичу и попросил тихо:

— Вы меня ни это... Не надо обо мне.

— Ну, как же, Витенька, не надо. Ты что, рыжий? Не хорошо ж получится, всех представлю, а тебя нет. Ещё подумают, что я на тебя зуб имею.

А после выступления и после того, как директор Дворца труда объявил о решении взять шефство над бригадой, Степан Степанович почувствовал, как примолкли ребята, как им передались важность и ответственность всего, что произошло в этот вечер.

С директором дворца Степан Степанович сговорился в ближайшую субботу организовать вечер: посвящение в рабочий класс. О вечере Степан Степанович сказал Володе Целуеву. Сделал это специально, чтобы Володя почувствовал себя группкомсоргом и чтобы ребята, узнав о предстоящем вечере от него, ощутили значение своего непосредственного комсомольского вожака. Сообщение подействовало на ребят так, как и ожидал Степан Степанович. Они все как-то посерьёзтели, даже Махаев не прогуливал. Эту неделю работали отлично, а в субботу...

Степан Степанович едва сдерживал предательские слёзы, глядя на пришедших во Дворец труда ребят. Все подстриглись, все приоделись, никаких чубов, никаких клиньев в брюках — аккуратно, чисто, просто.

«Это хорошо. Свой праздник чувствуют, душа из них вон!» — думал он, здороваясь с каждым за руку.

А во Дворце труда и в самом деле проходил праздник. Сверкали старинные дорогие люстры и красивые картины в золочёных рамах. Блестели полы, покрытые паркетом. Радужно переливались мраморные колонны и расписанные потолки. Играл оркестр. Было полно людей, и молодых и старых.

Бригаду пригласили в уютный, красивый зал, где были расставлены столы с пирожными и лимонадом. Ребят усадили в центре, за особый стол. Секретарь Ленинградского областного совета профсоюзов Владимир Васильевич Круглов открыл этот первый, новый для всех торжественный вечер. Потом говорили старые рабочие, ветераны комсомола, представители «Электросилы» Герои Социалистического Труда Н. Н. Русаков, Ю. А. Врублёвский. Степан Степанович слушал их вполуха и наблюдал за своими мальчишками. Казалось, что только сейчас они начали понимать значение и величие двух простых и могучих слов — РАБОЧИЙ КЛАСС. Вот ОН сидит перед ними — седоголовый, с узловатыми руками, ими, этими руками, он делал революцию, строил первые советские заводы, устанавливал первые советские станки, перекрывал первые нормы и устанавливал рекорды плавки и обработки. Вот ОН помоложе, с проседью в волосах, с крепкими темноватыми руками, ими, этими руками, он отстоял Родину от фашизма, перевёз в тыл и демонтировал заводы, работал в простуженных цехах в блокаду и вновь восстановил разбомблённые заводы в Ленинграде. Вот ОН — совсем молодой, чуть постарше сегодняшних

мальчишек,— рассудительный, пытливый, знающий, совершенствующийся, поднявший слово «рабочий» до уровня инженера, новатор, изобретатель и рационализатор.

Притихли ребята. Боятся пошевелиться непоседа Витя Некрасов. Вглядывается в лица выступающих Володя Целуев. Боятся пропустить хотя бы одно слово Витя Семёнов.

О чём они сейчас думают? Что творится в этот момент в их душах? Какими они станут завтра? Во всяком случае, запомнят этот день на всю жизнь. Безусловно, постараются быть лучше, чем они были до сих пор.

Ребят вызывали по одному к столу, где сидели ветераны, и под музыку вручали значок «Слава труду» и именной дарственный инструмент.

Потом их фотографировали и бригадой, и вместе с ветеранами труда. Потом был концерт, и они сидели в первом ряду. Потом Биркин растрогал Степана Степановича.

— Вы подержите инструмент,— попросил он.— Мне выйти надо.

Просил тот самый Биркин, который совсем недавно, всего лишь несколько месяцев назад, мог что угодно бросить, где попало оставить, забыть, сломать.

В последующие дни после этого вечера ребята работали отлично, и Степан Степанович радовался в душе: «Ну, вот и порядок».

Но недолго длился этот порядок и покой бригадира. Примерно через неделю после посвящения сам начальник цеха привёл к Степану Степановичу новеньких: Грабовского, Дмитриева, Фаттеичева. Сразу троих. И всё началось сначала. Почти что сначала. Конечно, был коллектив, были навыки, система работы, но дисциплина, но покой! Ни Степан Степанович, ни бригада уже не могли

спокойно трудиться. Новенькие, так же, как, бывало, и его первые ученики, не умели работать, им не хватало прилежности, навыков, усидчивости. Они не умели организовать рабочее место, ценить каждую минуту времени. И это выбивало бригаду из привычного, ставшего привычным, ритма. Она походила на машину, в которой заменили несколько частей, и они ещё не притёрлись, дребезжали, хлябали, работали с натугой. Да и машина у Степана Степановича была живая, она активно реагировала на замену, на непритершиеся новые части. Костя Бахарев ругался пуще прежнего, и никакие уговоры на него не действовали.

— Пошли они, Степан Степанович. Я что? Через каждые полчаса перекур должен делать. А как иначе? Я ж заваливаю их деталями. Ему работать надо, а он, зараза, в курилку махнул.

Витя Некрасов и Слава Биркин вроде обрадовались: можно вспомнить старинку, поволынить.

Саша Козьмин прямо поставил вопрос:

— На кой хрен вы их взяли?

К общей беде, новые парни оказались с норовистыми характерами. Грабовский был замкнутым, Дмитриев тихим, Фаттеичев озорным. И все «сами с усами». В первый же день Грабовский и Дмитриев заявили, что они хотят только zenковать. А Фаттеичев оскалился и спросил:

— А я только отдыхать. Нет такой операции?

Пришлось уговорить Володю Кузьмина перейти на опилровку, а Фаттеичева пристроить к Косте Бахареву. Костя прямо при бригадире, зло покосившись на новичка, заявил:

— Или ты... работать будешь, или вот этим молотком в глаз получишь. Я за тебя вкалывать не намерен, понял?

Фаттеичев выдал брак. Собрали комсомольское собрание.

— Я ж не комсомолец, вы ж меня воспитывать должны,— начал Фаттеичев довольно бойко, как видно, не однажды уже произносил подобные фразы.

— Не придуривайся,— резко оборвал его Володя Целуев.— Здесь это не выйдет.

— Может быть, прежде чем принимать в бригаду, стоит проверять умственные способности? — заметил Володя Кузьмин и стрельнул глазами в сторону бригадира.

Он и Саша Козьмин обвиняли Степана Степановича в мягкосердечии, парни считали, что он ни за что не должен принимать новеньких.

— Но ведь они точно такие, какими вы были. Их целый год футболили.

— Возможно. Но сейчас у нас в бригаде не тот момент. Нам одним поработать надо.

По существу ребята были правы. Но и он-то не виноват. Ему, можно сказать, приказали. Однако для себя Степан Степанович заметил: «Впредь принимать новеньких только с согласия бригады. Пусть коллектив решает».

А комсомольское собрание постановило: «Если за неделю не вольются, просить отчислить».

— Вы хоть помогите,— притворно захныкал Фаттеичев.

— Если ты не смоги, тогда мы помоги,— сострил Володя Кузьмин.— А то ты шалай-валяй, а мы помогай.

Помощи не потребовалось. Новенькие влились. Части живой машины заработали ритмично. Озорной Фаттеичев оказался работающим парнем. Через полгода его и Грабовского Степан Степанович заслуженно назвал «корифеями». Но к этому времени в бригаду пришли Братченко, Ромазанов, Серёжа Кузнецов, Витя Пузанов.

«Как на фронте,— полушутя думал Степан Степанович.— Там после каждой боевой операции пополнение. Но тут-то боёв не было... Впрочем, были и есть бои за рабочего человека».



Теперь он говорил начальству:

— Как бригада скажет. Вот соберём собрание.

— Но, Степан Степанович...

— А вы тогда сами,— вспыхнул он.— Берите этих сорванцов или их опять шефам передайте.

Собрания бригады проходили бурно. Степан Степанович умышленно передавал инициативу в руки ребят. Они чувствовали ответственность и решали вопрос круто:

— Работать будешь? Сачковать не будешь? Коллектив не подведешь? Железно? Приняли.

— Но смотри...— всегда угрожающе добавлял Костя Бахарев.

Вскоре, когда были подведены итоги соцсоревнования, бригада Витченко была удостоена высокого звания — бригада коммунистического труда.

## *Конфликт*

Конфликт возник совершенно неожиданно и с теми людьми, с которыми Степан Степанович уж никак не думал конфликтовать.

А причина — как раз появление новеньких. Ещё на том памятном цеховом партийном собрании, где так остро стоял вопрос о подростках и где Степан Степанович горячо выступал, на собрании, которое повернуло судьбу Витченко, начальник цеха произнёс такие слова: «Хватит полковникам друг друга воспитывать. Пусть воспитанием молодёжи займутся». Сказал начальник цеха всем офицерам, а выполнял его рекомендацию по-настоящему пока что один человек — Витченко. Остальные офицеры бывшей его бригады продолжали трудиться поодиночке, сдельно, или в небольшой бригадке, по три-четыре человека. А Степану Степановичу всё прибавляли и прибавляли новеньких, и он всё вёз и вёз этот нелёгкий воз. Причём прибавляли ему самых отъявленных, самых расхристанных, тех, от кого все отказывались. И, стало быть, воз его с каждым разом, с каждым новым прибавлением не становился легче.

— Да что я, в самом деле, товарищи, тот самый козёл отпущения,— не выдержал однажды Витченко.

— Ничего, ничего,— успокаивало начальство.— Дело у тебя идёт. Ты победитель. С твоей лёгкой руки воскрес термин наставник, и наставничество пошло по заводу.

— А другие? Дайте мне возможность хоть полгода поработать с постоянным составом бригады. Новенькие

они ж выбивают, расхоложивают. Вот пусть другие офицеры. Их у нас человек десять в цехе.

— Да у них вроде бы и желания нет, а главное — призвания.

— Да бросьте вы! Что я особенный? Такой же офицер в отставке, как и они.

Начальство в ответ только пожимало плечами.

Тогда Степан Степанович сам пошёл к своим бывшим подчинённым — товарищам — Орлову и Степанову.

— Слушайте, друзья, не кажется ли вам, что вы скользнули на одно крыло? Да относительно молодняка.

— А у нас есть.

— У вас один. А у меня тринадцать. Чёртова дюжина. И сегодня ещё новенького привели. У него судимость и прочий «актив»... Возьмите хотя бы одного.

— Нет, Степан Степанович, мы сами знаем кого брать.

Степан Степанович возмутился. В цехе шум поднимать не стал, а на пленуме райкома, где, кстати, речь шла о воспитании смены рабочего класса, не выдержал, вышел на трибуну и рассказал об этом случае. Не за углом, а с партийной трибуны, и всё, как было. Естественно, пленум осудил поступок Орлова и Степанова. А те товарищи обиделись. И вот с этого началось. Друзей в цехе и на заводе у Степана Степановича было много, но и врагов, или, как сам он их называет, черnozавистников,— тоже оказалось не мало. Это и те, кто продолжал поддерживать идею шефства, и те, кто обиделся на него за сбитые расценки, и те, кто, не зная его близко, но читая и слушая о его работе, считал Витченко выскочкой и любителем лёгкой славы, это, наконец, те, кто в любом учреждении, на любом заводе любит создать драчку, склоку и сам активно принимает в ней участие, просто из любви к шуму. На этот раз они вдруг объединились, заговорили, замахали руками. Пожар запылал. Спичку бросили Орлов и Степанов. Они

нашли в работе Степана Степановича массу недостатков. Конечно, они — недостатки — были, как и во всякой работе, как и у самих Орлова и Степанова. Но раньше их у Витченко вроде бы и не замечали, а теперь на них показывали пальцем, специально выискивали, перевёртывали или искажали факты. Степан Степанович играл на материальной заинтересованности подростков. Сказали: денежками ребят портит. Степан Степанович ввёл специализацию. «Мальчишек калечит. У них из-за того разряд не растёт». Степан Степанович подружился с Дворцом труда. «Сам славу любит и ребят туда же, честолюбие у них развивает». Степан Степанович рабочее место бригады обставил, организовал стенды, «Показуха!»

Создалась такая обстановка в цехе — хоть беги! А тут ещё к тому времени начальство поменялось. Виталий Осипович на другую работу перешёл. Поддержка Витченко резко ослабла.

Подвернулся удобный случай. В соседнем восьмом цехе на конвейере работала молодёжная бригада. Руководил ею Гена Кулага, — хороший парень, отличный производственник, но слабоватый бригадир. Не было у него для руководства ни жизненного, ни производственного опыта. Товарищи, такие же подростки, как и он, не слушались Гены, нарушали трудовую дисциплину, прогуливали. Вопрос о молодёжной бригаде был как кость в горле у всего цеха. И раньше товарищи из восьмого заговаривали со Степаном Степановичем — «дескать, вот бы ты к нам пошёл». А он и слышать не хотел: «Как же я ребят оставлю. Они ещё во мне нуждаются. Новенькие вот прибыли. С ними повозиться придётся».

А тут вся эта шумиха, которая перешла в травлю...

В это время как раз была организована передача по телевидению о бригаде Витченко.

— Видели?! — закричали чернозавистники на следующий же день, — Витченко бурную кампанию развернул. Самореклама! Сам туда-сюда, а ребят калечит.

В соседнем цехе, посмотрев передачу, поняли её иначе. От молодёжной бригады, от самих ребят пришёл к Степану Степановичу посланец — Володя Марчуков.

— Степан Степанович, идите к нам. Ребята просят. Мы ж тоже не какие-нибудь.

И Витченко решил. В обеденный перерыв собрал собрание своей бригады.

— Вот так и так, ребята. Видели? Слышали? У соседей плохо. Там такие же парни, как и вы. Их ещё больше — двадцать с лишним человек. И я, к слову сказать, то производство не знаю, так что мне лично будет труднее, чем здесь. Пока то одолею... Но надеюсь. Вот как вы решите?

Целый час спорили ребята. Такого спора ещё не было в бригаде. В конце концов проголосовали: девять «за», три — «против».

— Да что такое?! — возмутился Костя Бахарев.— Что мы?! То новеньких, а теперь бригадира забирают.

— Так проголосовали.

— Да плевал я на ваше голосование. Не согласен, и всё.

— Идите, Степан Степанович,— сказал Володя Целуев.— Нам отпускать вас не легко. Но раз надо — так надо. Думаю — справимся. Не подведём.

— Что ж ты, не видишь? — поддержал Целуева Володя Кузьмин.— Обстановку у нас в цехе не видишь? Куда ж ты смотришь и что тогда видишь?

— На твой зад смотрю,— огрызнулся Костя.— Поскольку ты ко мне спиной стоишь во время работы.

Заручившись поддержкой ребят, Степан Степанович подал заявление о переходе в восьмой цех.

— Вы слышали?! — пуще прежнего зашумели чёрнозавистники.— Ребят бросает. На лёгонькое, на конвейер идёт.

Партийное бюро восемнадцатого цеха постановило: не отпускать!

— Так где же логика? — спросил Степан Степанович у членов бюро.— С одной стороны, я плох, с другой — без меня вроде не обойтись?

— А ты прислушайся к критике и работай.

— Нет, так дело не пойдёт, Я принял решение, и бригада согласна.

— Да они что дышло — куда повернул, туда и вышло.

— А вы поверните. Поговорите с ними.

Говорить с ребятами не стали. И так всем всё было известно. Степан Степанович отличный бригадир, не признать этого невозможно было. Свой высокий класс рабочего, воспитателя и коммуниста он доказал с первого дня появления в цехе... Потерять такого человека...

Кроме того, Степан Степанович вёл в цехе три школы коммунистического труда, у себя в бригаде, на малярке и в гальванике. Заменить его не так-то просто было. Это отлично понимали те, кто нападал на Витченко. Но они плохо знали его характер: раз решил, назад хода нет. Снова он подал заявление на партбюро, и опять ему отказали в переходе.

Трижды партбюро цеха отказывало Витченко.

Тогда Степан Степанович отправился в партком завода и к заместителю генерального директора Ивану Николаевичу Абрамову. Он выслушал Степана Степановича, согласно кивнул головой и позвонил начальнику цеха.

— Чего там у вас с Витченко происходит? Вы рассуждаете с позиций местничества. Хорош дезертир! Дезертир наоборот, он же не полегче ищет, а потруднее, стало

быть, с тылу на фронт идёт, так можно сказать. То-то. В общем мы его просьбу поддерживаем.

Тогдашний секретарь парткома А. Д. Молчанов сказал: — Сколько можно возиться с этой бригадой? Пусть теперь сами работают. А вы поступаете правильно, по-партийному, идёте туда, где более нужны.

Так при поддержке парткома и дирекции завода Степан Степанович перешёл на новое место, в восьмой цех.

## *Трудное новоселье*

В новом цехе Степана Степановича приняли приветливо.

— Мы на вас давно виды имели,— признался начальник цеха.

А бригада, мальчишки, встретили его по-разному. Гена Кулага, Володя Марчуков и ещё несколько парней с радостью, остальные настороженно, а кое-кто враждебно. Степан Степанович не знал новой работы — сборки, и ребята это видели. Им он должен был доказать своё право на место в рабочем строю, у конвейера, его ещё — это место — завоевать надо было.

Степан Степанович понимал это, он сказал начальству:

— Пока дело освою, поработаю рядовым. А там — видно будет.

— Но, может быть, в процессе работы?

— Нет, только так.

Нелегко было начинать всё сначала, но иного пути действительно не было. В первый же день во время работы к нему подошёл кудлатый паренёк, оглядел придирчиво:

— А верно говорят, ты полковником был?

— Правильно.

— А за что ж тебя так?

— Ни за что. Я в отставке. И на завод сам пришёл, по доброй воле.

— Ну-ну... Заливай.

Подошёл другой, длинный, с острыми плечами.

— У тебя закурить нет?



— Есть,— ответил Степан Степанович.— В перерыв покурим.

— Брось. Мотаем сейчас. Всё равно у тебя ни чёрта не выходит.

— Выйдет. У тебя тоже, наверное, не сразу получалось.

Парни хмыкнули и, засунув руки в карманы, пошли в курилку...

Много больших и малых задач за свою долгую и сложную жизнь приходилось решать Степану Степановичу, много преодолевать трудностей, но, пожалуй, в это время ему приходилось особенно трудно. Действовали на нервы дразги, затеянные вставшими в позу бывшими товарищами, письма Степанова в газету, их проверки. Изматывала работа на два фронта. Что ни говорили, он чувствовал ответственность за оставленную бригаду и, не выказывая своего настроения, осторожно и тактично опекал ребят. Трудно было и овладевать новыми операциями на конвейере. Годы были уже не те. Не просто всё начинать сначала в пятьдесят пять лет. Но недаром он прошёл огромную школу жизни, недаром начал трудиться с малых лет. Трудовая закалка выработала в нём твёрдость и упорство, а многолетняя военная служба — стойкость и оптимизм. Степан Степанович не бодрился, не храбрился, когда отвечал на вопросы друзей и товарищей:

— Сможешь ли?

— Смогу.

— Выдержишь ли?

— Выдержу.

— Овладеешь ли?

— Несомненно.

— А надо ли?

— Надо.



— Он именно так и думал.

Как это ни странно, но все дразги и шум, все эти разборки и статьи в газете, касающиеся его имени, сыграли и положительную роль. Степан Степанович заметил, что ребята стали лучше к нему относиться, приняли его сторону, и оставленная бригада, и новенькие.

Однажды у конвейера появились Володя Целуев, Саша Козьмин и другие ребята.

— Вы чего это? — заметив их, встревожился Степан Степанович.

— В порядке,— ответил Целуев.— А пришли, стало быть, потому... Там интересуются, приходят... Так вы не сомневайтесь.

— Если надо, если потребуется, Степан Степанович,— шагнул вперёд Саша Козьмин.

— Спасибо,— тихо поблагодарил Степан Степанович. — Но мне не надо. Только вы работайте как следует.

Ребята ещё с полчаса крутились у конвейера, говорили с одногодками из бригады Гены Кулаги. О чём они говорили, Степан Степанович не слышал, только после их ухода ему же пришлось вмешаться в жаркий спор. Не вмешайся — быть бы драке.

— Мы ж его сами пригласили! — кричал Володя Марчуков тому самому кудлатому парню, что не поверил в то, что Степан Степанович добровольно пришёл на завод.

— Пригласил, так угощай. Чего ж не угощаешь?

— Ему и так. Слышал, что вокруг него творится? — вставил Гена Кулага.

— Меня как-то это не очень волнует.

— Потому что сачок, потому что тебя вообще...

— Но-но. Не очень!

Степан Степанович кинулся в самую гущу.

— Да вы что, душа из вас вон?! — и тут же перешёл на шутку.— А я что, рыжий? И я с вами. Куда двинули? Кого ловить, кого хватать?

— Да вот,— кивнул на Кудлатого Володя Марчуков.

— Мы так,— смущённо ответил Кудлатый. — Сценку из самодеятельности разыгрываем.

После обеденного перерыва к Степану Степановичу подошёл Гена Кулага.

— Может, к вам кого прикрепить? Опрессовка вон у Генки Чугунова идёт. Развёртка у Петровых.

— Да нет, Гена. Самому дойти надо. Я должен почувствовать операцию.

— Ну, смотрите.

А Степан Степанович мысленно всё видел и всё понимал. Он привык знать задачу. А коль скоро ему предстоит руководить бригадой, он должен знать общий объём работы, объём работы каждого участка, на каждой операции, и не просто знать, но и уметь показать, помочь, если того потребует дело и обстановка. Работа на сборке была значительно сложнее работы в предыдущей бригаде. Там всего четыре операции, тут — около тридцати. Но больше всего подавлял Степана Степановича ритм работы. Конвейер как бы диктовал этот ритм. Безмолвная серая лента, что тянулась вдоль всего участка бригады, будто шептала с укоризной: жду, жду, жду. Степан Степанович спешил, а дело не шло, потому что он ещё не освоил операции и ещё потому, что работа была комплексной, бригадной, и от прилежности и ритма каждого человека зависел успех общего дела. Степан Степанович в первое время ничего не замечал, кроме той операции, на которой сидел. Правда, кое-что он освоил раньше: опилровку, рихтовку, сверловку, нарезку резьбы, но большинство остальных операций приходилось осваивать заново — и различные виды прессовки, и развёртку, и другие.

Целый месяц ученик Витченко, можно сказать, занимался рабочим самообразованием.

Начальство поторапливало:

— Ну, как, Степан Степанович, готов?

— Нет ещё... Повремените.

— Рады бы, да бригада ваша как бельмо на глазу у всего цеха.

— И всё-таки повремените.

Наконец, через месяц после появления Витченко в цехе, устроили собрание. Старший мастер Роман Евсеевич Воскобойников коротко охарактеризовал положение в бригаде и предложил:

— У начальства и партийной организации есть такое мнение: избрать бригадиром Степана Степановича Витченко.

Ребята молчали.

Выступил «по должности» Гена Кулага.

— Конечно. А что? Видели, как он трудился? И там, в восемнадцатом, ребята говорили, да и вы знаете. Известно, какое моральное состояние он преодолел. В общем я — «за»!

— Мы ж его сами просили,— поддержал Володя Марчуков.

— Тогда голосуем,— сказал мастер.

Воздержался один человек, Коля Тинаков.

— Чего вдруг? — спросил мастер.

— Рано. Он не освоил ещё операции.

— А ты что, проверял? — вступился за Степана Степановича Володя Марчуков.

— Не проверял, но воздерживаюсь.

К концу рабочего дня к Степану Степановичу подошла группа ребят во главе с тем же Володиёй.

— Вы не переживайте, он у нас с «приветом».

— Почему же? По-моему, принципиальный парень.

Я лично люблю таких... Вы вот что лучше скажите, сколько в бригаде комсомольцев?

Ребята замялись.

— Да не считали,— ответил за всех Володя.— Четыре, а может, шесть.

— А в вечерней школе сколько учиться?

— Трое, а может, пять.

— Ну, ладно, это дело будущего. Прошу завтра не опаздывать.

Эту ночь он спал плохо. С чего начинать? От первых шагов зависело многое.

Пока ясно одно: нет коллектива, нет настоящих комсомольцев, значит, ядра, нет тяги к знаниям, отсюда низкая дисциплина, прогулы, брак. До 50% безвозвратного брака. Только на днях приходил народный контроль, поднимал большой шум, даже предлагал разогнать бригаду.

«Разогнать — это проще всего,— думал Степан Степанович.— А вот создать боеспособное подразделение — это потруднее. Но с чего же, с чего начать?»

Ему снился конвейер, Бесконечная серая лента тянулась и тянулась и требовала: жду, жду, жду.

## *Разгонка*

Степан Степанович решил наступать на мальчишек с двух флангов, общественного и производственного. Общественная сторона дела ему была известна: учёба, комсомол, создание коллектива. Производственная — почти неизвестна, то есть он представлял теперь работу бригады в целом — изготовление «основания контактора» — представлял из каких производственных операций она складывается, овладел этими операциями, но ещё не мог себе представить, как одна операция зависит от другой. В том ли порядке идут операции, в каком им не столько надо, сколько лучше идти? А самое существенное, он не знал мальчишек, не чувствовал их в работе. Что каждый может? На что способен? Что от него можно потребовать? Две эти задачи, общественная и производственная, были никак не отделимы. Сейчас работа в бригаде шла из рук вон плохо, не было должной дисциплины, прилежности, аккуратности. Но всего этого не было не только потому, что мальчишки не учились, что большинство их не состояло в комсомоле, а потому, что у них не было интереса к работе, не было стимула, заработка. Уже который месяц бригада получала дотацию, иначе говоря, являлась иждивенцем цеха.

Естественно, что начальство, партийная организация, весь коллектив восьмого цеха были прежде всего заинтересованы в том, чтобы бригада перестала быть иждивенкой, работала хоть бы так, чтобы самой себе обеспечивать самую малость зарплаты, самый минимум. И в то же время — Степан Степанович это хорошо понимал — упор на производственную

сторону нельзя делать основным, ставить во главу угла всей своей работы, потому что он привык воспитывать не роботов, не голых ремесленников, в думающих, сознательных рабочих.

В общем, всё было сложно и запутанно. Гораздо сложнее, чем в предыдущей бригаде. Там, кроме того, что объём работы был поменьше, и операций всего четыре, там поначалу был у него надёжный помощник — В. О. Брыкин. Здесь такого помощника не было. Цеховое начальство, мастер, партийная организация цеха относились к нему внимательно и дружелюбно, но черновую работу непосредственно в бригаде, у станков, у ленты конвейера, должен был проводить он, Степан Степанович Витченко.

А как её проводить? С чего начать? Со специализации, как в той бригаде? Но он не знал мальчишек, и операций было много...

В первые дни своего бригадирства Степан Степанович занимался тем, что непосредственно у станков сталкивался с ребятами, практически знакомился с ними. Ему важно было узнать ребят, да и себя показать, пусть и они его узнают, чего он стоит как рабочий.

— Ну, что у тебя, Валя? — обратился Степан Степанович к Вале Шевереву.— Что ты сидишь, на потолок смотришь? В астрономы готовишься или что?

Рыжеватый Валя Шеверев был как раз тем парнем, который когда-то горел в цехе. Теперь он поправился и работал на конвейере. Он в ответ на слова бригадира только передёрнул плечами.

— Давай-ка вместе,— предложил Степан Степанович.— Уважь старика.

Валя хмыкнул, но не отказался, встал к станку. С полчаса они работали молча, изредка с любопытством поглядывая друг на друга.



Первым не выдержал Валя,

— А у вас ничего,— одобрительно произнёс он.— Идёт опрессовка.

— Да и у тебя, я гляжу, не плохо получается,— отозвался Степан Степанович.

— С вами давлую, а без вас не хочу,— признался Валя.

— Это почему же?

Парень помедлил, потом решительно тряхнул головой.

— А потому, что другие не работают. Они сака давят, и я хочу.

— Потому и заработка нет.

— Ну и что? Что я, один за всех ишачить должен?

— Вот нас сейчас двое,— и Степан Степанович сделал вид, что увлечён работой.

За час они сделали столько, сколько за полдня на этой операции трое не делали.

— Видишь? — спросил Степан Степанович.

— Это я и раньше знал.

— А знаешь, Валя,— доверительно обратился к нему Степан Степанович,— ты вот не знаешь того, чем стал в моей судьбе, невольно, конечно, сыграл большую роль. Сейчас объясню. Вот когда случилось несчастье, когда ты горел — в цехе большой шум был, и я выступил против безобразного отношения к подросткам. Ну вот и предложили мне с вами заниматься. Так что ты, пожалуйста, не подведи меня.

Валя молча кивнул и долго смотрел вслед уходящему от него бригадиру. А Степан Степанович уже разговаривал с Серёжей Кузнецовым.

— Ты чего это обратно узел передаёшь?

— А у нас по тому принципу: шаг вперёд, два назад.

И тут выяснилось, что всё оборудование расставлено неправильно, вследствие чего создавалось своеобразное завихрение:

сделал операцию — возвращай аппарат обратно, что нарушало ритм работы, затягивало общий ход операции всей бригады.

Цепочка или поток работы бригады представлялся Степану Степановичу разбитой дорогой: ямы, траншеи, ухабы, и надо всё это обходить, и ребята обходят, как бы возвращаются на более сухие места, перепрыгивают через препятствия. Надо бы взяться, исправить дорогу, так нет, петляют, потому что привыкли, а, вернее, как-то и не думают, что можно её исправить.

Степан Степанович отправился к старшему мастеру, и вместе с ним — к технологу цеха Володе Опарину.

— Вот так, оказывается, получается, едем из Ленинграда в Москву через Владивосток.— И он рассказал и показал на схеме, что происходит с расстановкой оборудования в бригаде.— Просьба одна: немедленно переставить оборудование,— закончил Степан Степанович.

Мастер и технолог согласились. Прессы переставили. Работа пошла быстрее, но всё равно не так, как хотелось бы бригадиру.

— Наш-то полковник будь здоров регулировщик,— говорили между собой ребята.

Степан Степанович делал вид, что не слышит этих слов, а сам всё думал: «Что же ещё? Что? Со специализацией пока что рановато. Сам запутаюсь и ребят запутаю. А вот разделить ряд операций, пожалуй, стоит».

Он заметил, что Гена Чугунов выполняет две работы: прессовку стойки производит и рычаги одевает. Это задерживает поток. А Миша Ковалёв опрессовывает кленовые и красит их. Слава Грачёв разгоняет основание, то есть регулирует аппарат, а затем ещё и проверяет соотношение деталей, соосновывает их — и это также задерживает поток.

«Разделить надо, разделить»,— решил Степан Степанович и на утренней пятиминутке внёс предложение о разделении.

Ребята приняли предложение без особого энтузиазма, но не возразили.

Таким образом, слабые места были расшиты. Создался поток. Пошёл поток.

Вскоре появились первые добрые результаты. В первый месяц бригадирствования Степана Степановича бригада всё ещё получала дотацию — 96 рублей.

Во второй месяц тоже получила — 56 рублей. А вот в третий месяц обошлась без доплаты, не только выдала норму, но и выработала 110% плана.

— Да ну?! Да не может быть? — удивились рабочие и направились к нормировщикам, проверять, так ли это на самом деле.

А потом к Степану Степановичу;

— Ну, полковник, молодцом! Стряхнул-таки с наших плеч иждивенцев.

— Почему же я? — спросил Степан Степанович.— Это вот они лучше работать стали.

А ребята молчали. Они и сами были удивлены не меньше рабочих. Вроде бы не так уж и старались, вроде бы ничего такого и не произошло — ну, меньше сачковали из уважения к своему бригадиру, ну, подбил Валька Шеверев попробовать за ним угнаться, ну, разделили операции, переставили прессы,— так неужели из-за этого работа пошла?

— А ведь можем, Генка,— сказал Кудлатый, хлопая по спине бывшего бригадира Гену Кулагу.

— Ты-то? Ещё не ясно.

— Но-но. Поглядим, что завтра получится.

Степан Степанович всячески поддерживал эти разговоры, по опыту работы в предыдущей бригаде знал: ребят надо подзадоривать, это идёт на пользу делу.

Особенно оживлённо было в бригаде после получения аванса. Не по 15–20 рублей получили мальчишки на руки, как раньше получали, а по 30–35.

— Ого! — воскликнул Валя Шеверев. — Так я за год на маг накоплю.

— Да разве это предел,— вмешался Степан Степанович.— Вы можете по сто и больше рублей зарабатывать в месяц.

— Бросьте травить,— не выдержал Кудлатый.

— Слово офицера. Только всё опять же от тебя зависит.

— А он — рядовой,— засмеялись ребята.

— Он ещё никто,— поправил Степан Степанович. — Быть может, удостоит звания солдата. Этой чести всем не избежать.

— А вы бы, между прочим, рассказали про службу,— неожиданно попросил Кудлатый.— Говорят, вы ничего, Можете рассказывать и есть что.

— Согласен. В обеденный перерыв.

Обстановка в бригаде улучшалась, настроение освежалось, но дела шли всё ещё не так, как хотелось бы Степану Степановичу. И коллектива ещё не было.

— А как с комсомолом? — спросил он однажды у группы ребят, в которой находились Гена Кулага, Володя Марчуков, Валя Шеверев и братья Петровы.

— Согласен,— тотчас отозвался Валя Шеверев.

С некоторых пор он стал надёжным помощником Степана Степановича. А остальные молчали.

— Нам в армию скоро,— ответили братья Петровы.

И другие ребята не очень-то поддержали предложение бригадира. До осени в комсомол были приняты всего лишь Валя Шеверев, Серёжа Кузнецов и ещё два парня.

Зато наступление на производственном фланге успешно продолжалось.

Хотя бригада и выполняла норму, Степан Степанович по-прежнему был недоволен работой. Она шла не гладко, всё с заторами, всё рывками. Дело не в сачковании, лениности, прогулах — хотя и они ещё имели место,— дело в самой организации потока. Теперь Степан Степанович изучил весь процесс обработки и мог понять, в чём причина задержки.

— Вот что, ребята,— сказал он как-то на утренней пятиминутке.— Работаете не плохо, но можете ещё лучше. Весь тормоз в разгонке, в регулировке узлов. Она держит весь поток.

На разгонке сидел Слава Грачёв. Он один знал секреты регулировки, овладел ею, но не спешил, чувствовал своё превосходство, свою возможность диктовать темп.

— Вот ты, Славик, всех держишь,— упрекнул его Степан Степанович,

— А я быстрее не могу. Я не автомат.

— Можешь,— возразил Степан Степанович.

— А вы сами попробуйте. Чего вы ко мне? Я не сачкую.

Пришлось Степану Степановичу замолчать. Сам он ещё не овладел секретом разгонки. Пришлось срочно вникнуть в суть операции. Приходил он в цех за час-полтора до начала работы и изучал дело. Сто потов пролил, пока не почувствовал аппарат и все его детали. А когда почувствовал, вскочил, как мальчишка, и готов был вприсядку пройтись, да вовремя остановился, огляделся и хорошо сделал. С соседнего участка две работницы, почему-то оказавшиеся там, смотрели на него во все глаза.

— Душа из него вон! — объяснил Степан Степанович, хлопая аппарат по крышке.— Тут одно место тормозило.

— Зачем вам это, Степан Степанович? — спросили работницы.

— Как — зачем? Дело знать надо.

— Мы не о том. Зачем вам с этими хулиганами возиться?

— Ну уж... Они хорошие. Они только ещё жизни не понимают.

В это же утро Степан Степанович собрал бригаду.

— Давайте-ка погрешим, сорвём физзарядку. Поговорим всё-таки о нашем тормозе. Повторяю: главный тормоз — разгонка. Слава Грачёв — он нас подводит.

— А вы не шумите,— огрызнулся Слава.— Сами попробуйте.

— Ладно. Договорились.

— Да?! — полунедоуменно, полунасмешливо спросил Слава.— Ребята, ни у кого нет книжонки, почитаю между делом.

— А ты пой,— посоветовали ребята. Они тоже встретили согласие бригадира с иронией.

Степан Степанович посадил Славика за себя, на последующую операцию, перед ним сел Серёжа Кузнецов. Бригада заняла свои места.

— И-и, начали! — шутливо крикнул Славик.

— По машинам! — поддержал шутку Степан Степанович.

— Посмотрим, какую Степан Степанович сегодня даст выработку,— как бы невзначай бросил Кудлатый.

— Посмотрим, посмотрим. Занимай свой рубеж.

Первые полчаса работали молча, только слышен был шум станков, да лёгкое шуршание ленты конвейера. А потом из-за спины Степана Степановича доносилось сопение Славика.

— Как там, Славик?

— Нормально. А у вас?

— Чувствуешь?

— Чувствую.

Как было не чувствовать Славе работу Степана Степановича, она была перед ним. Она всё прибывала.

Степан Степанович работал легко. Он знал секрет разгонки, знал те места, что задерживают рычаги аппарата и не дают им свободно двигаться. Он быстро устранял задержку, регулировал и перекладывал аппарат на ленту конвейера.

— Ну, как, Славик?

— Работаю.

— А ну, Серёженька, побыстрее.

Серёжа Кузнецов повернул потное лицо, пробурчал через плечо:

— А я не рекорд устанавливаю. Я и так...

— Валя! — крикнул Степан Степанович Вале Шевреву.— Помоги Серёже.— Вдвоём ребята едва успевали поставлять аппараты Степану Степановичу. А перед Славиком всё росла гора узлов. До обеда бригадир завалил Славика работой. 120 узлов сделал. Цифра небывалая.

Наконец парнишка поднял руку.

— Сдаюсь, Степан Степанович.

— Вот, Славик,— сказал Степан Степанович дружелюбно,— Я старик, но ещё, как видишь, гожусь на любую операцию.

Вся бригада собралась вокруг них. Ребята от удивления рты открыли.

— Эх, ты! — бросил Кудлатый.— Слава! Позор, а не слава.

— Это зря,— вступился Степан Степанович.— Ты, дорогой, против него ещё слабак. А Слава учтёт и вот увидите... Мы говорить не будем, делом докажем. Верно, Славик?

Вечером в своей записной книжке Степан Степанович записал: «Обязательно знать дело во всех деталях. Уметь показать и доказать».

## *Проводы*

Бригада стала таять на глазах. Подошла пора парням идти в армию. Первая ласточка прилетела из предыдущей бригады, которая всё ещё была для Степана Степановича родной. Призвали Костю Бахарева. Появился он перед Степаном Степановичем неожиданно, в нерабочей одежде.

— Ты чего это, Костик?

— Проститься пришёл. Завтра призывают.

— Приду проводить. Военкомат-то рядом.

— Ну, как хотите... А это... Если что было, так не поминайте лихом.

— Что ты, Костик. Служи хорошо. Мы ещё встретимся.

— Это точно. Как вернусь, так к вам.

— Буду ждать.

Первыми из бригады уходили братья Петровы. Это также произошло неожиданно. Единственно, что мог сделать Степан Степанович, задержать бригаду, сказать ребятам доброе, напутственное слово. Но всё получилось наспех, и самому Степану Степановичу не понравилось. Он понимал: упускает важный момент, многое теряет. Остаются те, кому через полгода-год тоже идти в армию, и для них то, как пройдут проводы, не безразлично. А для уходящих — тем более. Он-то прекрасно знает, как они будут вспоминать «гражданку», все детали её и подробности, мечтать о возвращении к «вольной» жизни, всё переосмысливать, и себя, и дела свои, и от того, как проводит их бригада, многое будет зависеть в службе и в дальнейшей судьбе.



Полковник в отставке Витченко, быть может, как никто другой понимал психологическую сторону дела. И раньше он не любопытства ради беседовал с ребятами о военной службе, а всё старался дать им хоть как-то почувствовать, что такое армия, и раньше он внимательно следил за тем, как у его учеников проходит допризывная подготовка, как они сдают нормы, как относятся к предстоящей службе в армии. Правда, в новой бригаде он ослабил эту работу, не до неё пока что было, захлестнули другие дела.

«Надо выправлять положение,— думал Степан Степанович.— Это не только им, но мне же, точнее, воспитанию их, пойдёт на пользу».

Степан Степанович связался с райвоенкоматом, с отделом кадров завода и узнал, когда и кто из его ребят призывается. Осенью уходили Саша Иванов, Гена Кулага, Серёжа Матишев.

— Ну, вас-то мы как следует проводим,— пообещал им Степан Степанович.

— Небось складчину соображаете? — поинтересовался Кудлатый.

— Не в том понимании, как ты это представляешь,— ответил Степан Степанович.— Но, думаю, кое-что соберём и подарочек организуем. Между прочим, когда ты пойдёшь, и о тебе не забудем.

Степан Степанович с лукавой улыбочкой оглядел ребят, прищурился.

— Подождите, подождите. Мне тут одна мысль пришла. Пойду выясню.

Минут через пять Степан Степанович вернулся, продолжил разговор.

— Значит, так. Есть предложение: поднажать. Закрывать наряд досрочно.

— А это зачем? — спросил Кудлатый.

— Чтобы деньги ребята получили. Повторяю, придёт пора и для тебя закрывать наряд будем.

— Тогда другое дело,— согласился Кудлатый.

Другие ребята не возражали.

И вот наступил день проводов.

Накануне бригада в полном составе собралась в кафе «Электрон».

— Только без выпивки,— предупредил Степан Степанович.

Сам он на всю жизнь запомнил свои провода, как он ни крепился тогда, его всё-таки напоили свои же друзья. Всю дорогу до сборного пункта его выворачивало. С той поры навсегда отвращение к выпивке выработалось. Сам не пил и другим не советовал.

Ребята всё-таки принесли пару бутылок вина.

— Ну, ладно,— неохотно согласился Степан Степанович.— По рюмочке можно.

Ребята сегодня были другими. Для непосвящённого человека вроде бы ничем они не отличались от вчерашних беззаботных парнишек, дурашливых, смешливых, но и смекалистых, ловких, смотря как подойти к ним. Но для Степана Степановича перемены эти были заметны. Те, кого провожали, выглядели чуть-чуть серьёзнее, тише, чем обычно, словно ждут чего-то, словно всё запомнить хотят, словно недоумевают: как же это мы уезжаем, а вы остаётесь? И хотя Саша Иванов, наоборот, дурачится больше, чем всегда, и в этом есть смысл: не желает парень, чтобы видели, что у него на душе происходит. А провожающие тоже не совсем на себя похожи, тоже стремятся в последний раз быть получше, подушевнее. Все понимают: происходит серьёзное событие.

Когда налили в рюмки вина, Степан Степанович встал, оглядел парней.

— Так, товарищи, сегодня мы провожаем в армию членов нашей бригады, тех, с кем трудились, дружили, а может, ссорились, может, сачковали вместе.

— Вот это точно!— закричал Кудлатый, но на него цыкнули, и снова наступила тишина.

— Событие это важное,— продолжал Степан Степанович.— Мы не увидим их два-три года.

— А в отпуск?— прервал Кудлатый.

— Отпуск ещё надо заслужить. Это не в «гражданке». В армии он не каждому положен, а только лучшим. Я знаю армию не понаслышке и потому хочу кое-что посоветовать нашим новобранцам. Вы попадёте совершенно в другую жизнь, там каждая минута рассчитана, там распорядок, и он зависит не от вашей воли и желания. Там не пойдёшь покурить, если нет команды «перекур», даже если очень хочется, и не сачканёшь в гардероб «козла» забить.

— А жаль,— заметил кто-то из ребят.

Все улыбнулись, не отрывая глаз от Степана Степановича, а напротив, взглядом своим показывая: «Мы слушаем. Нам это интересно».

— Первое время вам трудно будет,— говорил Степан Степанович.— Кое-что покажется ненужным. И старшина вредным, и сержант — придирой. Конечно, есть всякие. Но помните, и они были беззаботными мальчишками, учились в школе, работали на поле или у станка. Это армия потребовала от них быть дисциплинированными, строгими, волевыми. Это она научила их этому. Ой, как иной раз не захочется вам вставать, да ещё по тревоге, да ещё ночью, ой, как неприятно будет выскакивать из тёплой постели на мороз, под дождь, под снег. Тем более, что вроде бы незачем, тревога учебная. Ой, как неохота будет выполнять одни и те же надоевшие команды. А командир будет всё повторять и проверять

их, а вы в душе будете его проклинать; «Что я машина? Что я автомат?» А командиру как раз этого и нужно от вас добиться — автоматизма, потому что в боевой обстановке, при огромном напряжении сил, когда нервы натянуты до предела, именно этот автоматизм иной раз и выручает. Одним словом, закругляюсь. Терпения вам, выдержки, старания. Это необходимо. И всё у вас получится, служба пойдёт, если вы очень любите Родину и знаете, что служба ваша необходима для её спокойствия, если вы любите отца с матерью, сестёр и братьев, Вот всех нас, друзей и товарищей ваших, если вы внушите себе: так надо для того, чтобы все мы мирно трудились, то всё пойдёт легко и радостно. И последнее, не забывайте нас, бригаду, завод. Возвращайтесь. Мы всегда ждём вас, как родных.— Степан Степанович улыбнулся своей лукавой улыбкой, как будто извинился.— Ну, вот. Хотел несколько слов, а целую речь толкнул.— И он, подняв рюмочку, пошёл вокруг стола, чокаясь с теми, кто уходит в армию.

— И с нами, и с нами,— потребовали остающиеся ребята.

— Брезгуете?— шутливо спросил Кудлатый.

— Да нет,— ответил Степан Степанович.— Даже с тобой, шильшком, и то чокнусь.

Потом говорили ребята, по существу повторяли слова бригадира: служите, возвращайтесь, ждём.

— Пишите, черти!— закричал Гена Чугунов и начал раздавать скромные подарки — письменные принадлежности, бумагу, конверты, карандаши.

Откуда-то появилась гитара. Кудлатый, размашисто ударяя по струнам, запел с хрипотцой в голосе:

За что ж вы Ваньку-то Морозова?

Ведь он ни в чём не виноват.

Степан Степанович перебил;

— Ну, что ты про Ваньку? При чём здесь Морозов?

Кудлатый тряхнул головой так, что волосы рассыпались по лбу, и запел уже серьёзно, с чувством:

Надоело говорить и спорить.

И любить усталые глаза.

Остальные ребята негромко подхватили песню:

В флибустьерском дальнем, синем море

Бригантина поднимает паруса.

Пели ребята дружно, складно, вероятно, не в первый раз. Песня как бы объединила их, увлекла за собой. Кажется, сейчас ничего не существовало в мире, кроме этой песни.

Потом шли по улице, окружив своего бригадира, и тоже пели. И всем было хорошо и радостно оттого, что они вместе, им весело оттого, что они одна бригада.

Ранним утром к райвоенкомату явились все. И Кудлатый пришёл.

Товарищ начальник,— доложил он бригадиру, шутливо поднося руку к голове,— в ваше распоряжение явился.

— Вольно,— сказал Степан Степанович.— И к пустой голове руку не прикладывают.?

А она у меня не пустая, а полная глубоких мыслей и высоких чувств.

Потом они сидели в большом зале вместе с призывниками и притихшие смотрели, как их товарищи поднимались на сцену, получали предписание и возвращались как бы отрешёнными, членами команды номер такой-то, а не членами молодёжной бригады Витченко. Тут же сидели матери и родственники призывников с

мокрыми глазами и нагоняли на всех грусть. Когда вышли к автобусам, Степан Степанович шепнул Кудлатому:

— Вот сейчас бы песню.

Но песни не получилось. Играл оркестр. Бравурная музыка заглушала голоса. И настроение у ребят было прощальное.

В этот день работали старательно, как будто и за тех, кого уже не было рядом. Правда, на следующий вновь были и нарушения, и попытки посачковать, но всё равно Степан Степанович заметил в своей книжечке: «Оживить военно-патриотическую работу (психологическую подготовку), не выпускать её из рук».

## *Пополнение*

Денежкин ожидал Степана Степановича у проходной.

— Извините, спешу,— сказал Степан Степанович.— Через два часа во Дворце труда надо быть. Встреча с делегацией из социалистических стран. Вся бригада будет, и сын ваш тоже.

Денежкин шёл рядом, молчал. На трамвайной остановке не выдержал, заговорил:

— Благодарны мы вам. И парня не узнать.

— Может, и так,— ответил Степан Степанович.— Только он ещё не в норме. Они ведь как? Три стадии проходят: акклиматизация, судороги и норма. В первый период они тихонькие, приглядываются, потом освоятся и начинают выделявать. Сами не знают, что сделают. Ну, а дальше — входят в колею.

— А что мой-то?— поинтересовался Денежкин.

— Да закурить сегодня у станка хотел. Ну, ничего... Теперь у меня коллектив, железное ядро. А вот пять лет назад, в ту осень...

Подожёл трамвай, и Степан Степанович не досказал Денежкину, что было тогда.

А в ту осень 1965 года Степан Степанович чувствовал себя, как после тяжёлого боя: от бригады одна треть осталась, остальные в армию ушли. Правда, выписали новый наряд, дали другую норму, но начальник цеха предупредил:

— Это временно, Степан Степанович. Свято место пусто не бывает.

— Да уж это как водится,— согласился Степан Степанович.—  
Пустым не будет, а вот святым...

— Не скучным будет,— пообещал начальник цеха.

И как в воду глядел. Месяца не прошло, началась у Степана Степановича «нескучная» жизнь. Пошло пополнение. Первыми явились остатки его бывшей бригады во главе с Витей Некрасовым (Витю в армию не взяли по здоровью).

— Р-раз-два, р-раз-два,— услышал Степан Степанович за своей спиной.

Оглянулся: Виктор и с ним три парнишки-новичка.

— В ваше распоряжение, поскольку нас расформировали.

— А начальство отпустило?

— Нет, но мы у вас работать желаем.

— Так нельзя.

— Как угодно. У вас желаем,— повторил Витя и, повернувшись к ребятам, спросил:— Верно я говорю?

— Правильно,— не очень дружно, но довольно громко гаркнула команда.

Степан Степанович покачал головой, усмехнулся.

— Пойду согласовывать, но прежде хочу предупредить, тут работа сложнее, почти тридцать операций. А вы... Опрессовку не можете, развёртку не можете, я уже и не говорю о разгонке.

— А зато я «ласточку» умею,— в своём стиле забалагурил Витя и выкинул такое «па», над которым все вокруг долго хохотали.

— Я всё-таки пройду к начальству,— сказал Степан Степанович.— А вы — понаблюдайте. Кстати, выберите то, что вам понравится, в смысле, какая работа по душе.

Относительно Некрасова и парнишек вопрос согласовали, а дальше повалил молодняк. По заводу прошёл слух:



Витченко ребяташек набирает. Ему верили, его знали, добрая слава о бригадире-наставнике жила и ширилась. Начали приходиться родители. Больше — матери.

— Степан Степанович, возьмите моего охламона.

— Степан Степанович, может, вы подействуете.

— Степан Степанович, без отца ведь.

Как откажешь? Брал. Брал до тех пор, пока цеховое начальство не спросило:

— Степан Степанович, не многовато ли?

— Двадцать два. Набор окончен.

Но сам же первым и нарушил слово, взял ещё парнишку. Шёл Степан Степанович по соседнему цеху, видит у тачки парнишка возится, крохотный такой, худущий. Пробует ящик поднять — не может. Помог ему Степан Степанович и разговорился. Как оказался здесь? Кто родители?

— Мама на «Электросиле» работает. Я окончил восемь классов. Поступил в вечерний техникум и вот... работаю. Надо потому что. А другой работы не нашёл. Да искать-то некогда.

— Идём ко мне.

— А можно?— недоверчиво спросил парнишка.

— Напиши заявление. Тяжело, мол.

Написал парнишка заявление. Начальник цеха отказал.

— У меня людей нет. А этот работает. Претензий к нему не имею.

— Тяжело ж ему.

— Шестнадцать лет. Всё по закону,

Степан Степанович к заместителю генерального.

— Так и так, не могу на это смотреть равнодушно. Пусть уж лучше мне труднее будет.

Иван Николаевич Абрамов снял трубку.

— Отпустить. Что-нибудь придумаем. Ну, хватит, хватит. Дома поплачешь.

Степан Степанович теперь чувствовал себя на сборке хозяином. Он знал отлично все операции в целом и каждую в отдельности, мог рассказать и показать, а также заметить, кто сачкует, а у кого не получается. Теперь можно было смело приступать к выполнению второй задачи: созданию коллектива. Начать всё же решил с работы: ввёл специализацию, оправдавшую себя в предыдущей бригаде. Поступал он так: беседовал с каждым новеньким, расспрашивал его о себе, и рассказывал о бригаде, что делает, какое производственное задание выполняет, для чего, и проводил новичка по всему циклу работ. А потом спрашивал:

— Что понравилось? Какая операция?

— Садись. Поработай. А ты, Гена, поучи,— говорил он Гене Чугунову, теперь уже старожилу бригады.

Через день-два обязательно интересовался:

— Ну, как?

— Да вроде получается.

— Ну и работай.

Если же кто-то говорил: «А мне ничего не нравится». Степан Степанович сам предлагал: «А ну-ка садись за эту операцию. Посмотрим, как она у тебя пойдёт».

И тут же подзадоривал парня.

— Видишь рыженького? На год тебя моложе. Корифей в этом деле.

На поприще передачи опыта неожиданно проявился Кудлатый. Нравилось ему учить мальчишек, себя вроде старше чувствовать. Конечно, в этом были элементы бравяды, но Степан Степанович поощрял их до поры до времени. Они были полезны: и новенькие довольны — учатся, и Кудлатый увлёкся, не сачкует, не точит

лясы за спиной бригадира. Степан Степанович даже пожалел, когда Кудлатый по семейным обстоятельствам вынужден был перейти на другой завод. А впрочем, сожалеть о ком-то некогда было — началась «бурная полоса» в жизни бригады. Молодёжь интересовалась не только своей работой...

## *«Индивиды»*

Серёжу Мошкова в цех привела мать. Прежде чем встретиться с бригадиром, она столкнулась с мастером и сразу же возник конфликт.

— Нет, ты только посмотри, какого к нам привели индивида,— воскликнул мастер, издали заметив Степана Степановича.

Степан Степанович присмотрелся. Парнишка как парнишка, коренастый, рыжеватый, с вызывающим взглядом. Многие так. Хотят себя утвердить, не показать, что робеют. Но стоило Степану Степановичу подойти поближе, он ахнул. Мальчишка был разодет по последней уличной моде. Крик улицы! Шик-модерн! Гроза парков и танцплощадок! Вихры до плеч, как у попа, на руках кольца, на брюках клинья, на рубаше какие-то невероятные, непонятно для чего сделанные карманчики. Не парень — музейная редкость, хоть сейчас устанавливай и экскурсию устраивай.

Степан Степанович вместе с мастером некоторое время разглядывали парня. Мамаша стояла поодаль, опустив глаза.

— Зачем это?— спросил мастер, показывая на кольца, на «молнии» и кармашки.

— А тебе какое дело?!— дерзко ответил парень и не отвёл глаз, а посмотрел на мастера и на Степана Степановича ещё более вызывающе.

— Не возьмём,— резко сказал мастер и, круто повернувшись, пошёл по цеху.

— Ну, как же?— встrepенулась мать.— Ну, Степан Степанович, это ж он так. По дурости. Что ты, дурак, делаешь?—

набросилась она на сына и не смогла сдержаться, заплакала.

— Не надо,— успокоил Степан Степанович.— Скажи только одно,— обратился он к парнишке.— Работать будешь?

— Буду,— твёрдо ответил Серёжа и тряхнул своей гривой.

— Жди,— бросил Степан Степанович и направился к мастеру.

Но мастер был неумолим.

— У меня и так гопников хватает. Он же тебе всех попортит. Завтра половина твоей бригады лохмы отпустит, клинья вобьёт.

— За это я отвечаю,— заверил Степан Степанович.

— И я тоже. Не возьму.

Пришлось идти в отдел труда и зарплаты.

— Покажите экземплярчик. Покажите,— заинтересовались там.

— Это уж лишнее,— отказался Степан Степанович.

С большим трудом он уговорил начальство. Взяли Серёжу. Мастер надулся на Витченко, но больше ничего не говорил о парне.

Стасика Туркина привёл в цех отец.

— Вот. Очень прошу, Степан Степанович. Попал под дурное влияние. Шатается по дворам. «Закладывать» начал. Магнитофон собрал. С утра до вечера буги-вуги. Мне по ночам кошмары снятся.

Перед Степаном Степановичем стоял невысокого роста чёрненький парнишка и поглядывал на него невинными глазами. И, если бы все эти слова о нём говорил не его отец, ни за что бы не поверил Степан Степанович, что этот парнишка и выпивает, и бьёт баклуши, и водится с дурной компанией.

— Неужели пьёшь?— всё-таки усомнился Степан Степанович.

— Пью,— так вот просто признался Стасик, будто речь шла не о вине, а о молоке.

— Что ж ты пьёшь?

— Херес, рислинг, три семёрки, хамсу...

Степан Степанович замахал руками.

— А работать хочешь?

— Попробую.

— Нет, не пойдёт. У меня так. Только по желанию. Пробовать некогда, с первого дня начинать надо.

— Да будет он работать,— вмешался отец.

— Подождите, пусть он сам скажет.

— Желая,— произнёс Стасик, точно так же, как произнёс «пью», словно речь шла об игре, а не о работе.

Лёша Сидоров сам пришёл в бригаду.

— А я вас ишу,— сказал он Степану Степановичу, как Старому знакомому и заулыбался так открыто, так приятно, что и Степан Степанович невольно улыбнулся.— Куда мне? Что делать? Я вот тут с ребятами поговорил, но они без вас решить не могут.

И по тому, как ребяташки улыбались, глядя на Лёшу, Степан Степанович понял, что мальчишка успел войти в контакт с бригадой.

«Ишь ты какой пряткий»,— подумал он о парне.

— А ты откуда? Кто тебя к нам послал?

— Сам слышал. Есть такой Витченко... Другие не берут, а он берёт.

— А где ты работаешь?

— Да у соседей. Всего два месяца... И выгоняют.

— Значит, есть за что.

— Есть,— признался Лёша.— Подрался.

И он опять засмеялся так, что все вокруг засмеялись.

— Драчун, стало быть,— сказал Степан Степанович.— Тогда в секцию бокса нужно.

— Нет, в секцию не хочу. Так примите. Не пожалеете.

Тут уже покатались все. И Степан Степанович до слёз смеялся.

Колю Иванова привёл отец, прямо с улицы.

— Вот. Не захотел учиться. С утра до вечера гоняет по улице. Поймал, привёл.

— А с товарищем возьмёте?— спросил Коля.— Во на гитаре играет!

— Подумаю, — сказал Степан Степанович. — И насчёт тебя ещё подумаю.

Но отец стал просить. А Витченко хорошо знал, что значит, когда отец просит. Это значит, что уже все средства испробованы, что сил больше нет, что парень на грани.

— Ладно,— согласился Степан Степанович.— Приходи завтра вместе с товарищем.

Товарищем Коли оказался рослый парень, выше бригадира на целую голову. Звали его Саша Бровин.

— Что любишь?— спросил его Степан Степанович.

— Музыку. Компанию. Спорт люблю.

— А тут ведь работать надо. Норму выдавать.

— Сызделаем, папаша,— ответил парень и подмигнул, как ровне.

— Зовут меня Степан Степаныч. Я полковник в отставке, твой бригадир-наставник. Надеюсь, понимаешь, если не дурачок,— сказал Степан Степанович и тоже подмигнул парню.

И ещё пришла пара — Коля Богомоллов и Юра Лопатко. Оба окончили восемь классов английской школы. Такие аккуратные, чистые. На все слова бригадира отвечали «о'кей», слушались, не сачковали, выполняли всё, что

поручит бригадир, только о чём-то переговаривались по-английски. И после работы куда-то уходили, торопились.

В общем, через неделю-две после ухода ребят из бывшей бригады Гены Кулаги в армию, собрались у Степана Степановича «индивиды»: Коля Иванов, Стасик Туркин, Коля Богомолов, Юра Лопатко, Лёша Сидоров, Витя Хохлов, Серёжа Мошков, Витя Соколов.

Всего двадцать шесть человек. Из них только семь старожилы во главе с Геней Чугуновым.

Начали работать, специализироваться, присматриваться, притираться друг к другу. Поначалу, как обычно, тишина и порядок. А потом...



## «Тёмные»

День бригады начинался с физзарядки. Как только по радио раздавался звонкий голос: «На зарядку, становись!» — Степан Степанович говорил Саше Бровину.

— Командуй.

— Стройся!— командовал Саша.

Ребята слушались, выстраивались в проходе вдоль конвейера, После первых упражнений — хохот. Степан Степанович пригляделся: Некрасов дурачится, лебедя изображает.

— Зачем же ты мне мешаешь?— спросил Степан Степанович Некрасова, когда зарядка кончилась.— Ты помогать должен. Дисциплину крепить. Комсомолец. Самый старый мой ученик.

— Так скучно же. Мы ж не пенсионеры.

— Я за веселье, но... подумай.

Ребята работали. То, что они ещё не умели организовывать свой труд, Степана Степановича не очень расстраивало. То, что они непоседливы — тоже не волновало. Привыкнул, втянутся. То, что они убегали от станков — не выводило Степана Степановича из себя. Бывало такое. Всё повторяется. Но вот то, что во время работы волынят — это уже плохо. И не уследишь, не будешь над каждым стоять. Их двадцать шесть.

Степан Степанович нашёл выход: расставил старожилых и наиболее расторопных ребят так, чтобы они своим ритмом как бы подгоняли нерадивых, как бы заставляли их двигаться быстрее. В принципе всё было правильно.

А на деле... На деле то у одного, то у другого станка вспыхивали ссоры.

— В чём дело?— подбегал Степан Степанович.

— А что он меня погоняет? Что я, лошадь? — возмущался Лёша Сидоров, косясь на Гену Чугунова.

— Я не погоняю,— отвечал Гена.— Я работаю. А он хохмачки выдаёт, волынит.

— Я ещё не освоил,— огрызается Лёша. — Я заторможенный.

— Переключи скорость с языка на руки — порядок будет.

Едва Степан Степанович улаживал конфликт на опрессовке, он возникал на зенковке, между Витей Некрасовым и Стасиком Туркиным.

— А у вас что?— спрашивал Степан Степанович.

— Глушит,— после паузы отвечал Стасик.

— Что глушит? О чём ты?— не понимал Степан Степанович.

— Да он,— Стасик кивал в сторону Виктора.

Выяснилось: Некрасов вставлял в молоток пистончики, подходил к кому-нибудь из ребят и ударял по металлу. Ребята вздрагивали от неожиданного выстрела, кричали:

— Ты что, чокнутый?!

Виктор ржал и, насмеявшись, шёл как ни в чём не бывало к своему рабочему месту. Дело он освоил, работа у него ладилась, а паузы он заполнял вот такой самодеятельностью.

— Ну, Виктор!— только и сказал Степан Степанович.

Вскоре бригадир заметил, что ребята группируются вокруг трёх вожаков — Серёжи Мошкова, Коли Богомолова и Лёши Сидорова. Особенно властвует Коля Богомолов — самый рослый в бригаде. Его с рабочего места Степана Степановича хорошо видно. Работает он легко, с улыбкой, с шуткой,

всё схватывает на лету. За месяц освоил три операции. Но вдруг что-нибудь вывернет. Хохот. Посадил Витю Хохлова под станок. Кормит бутербродом. Встал. Ребята за ним. Если нет парнишек — ищи Колю Богомолова, они обязательно с ним.

Однажды вернулся Степан Степанович от начальника цеха — у конвейера пять-шесть голов торчит. Отправился в красный уголок. Ещё издали услышал приятный голос.

Опять от меня уходит  
Последняя электричка.

Степан Степанович дослушал песню, шагнул за дверь.

Играл на гитаре Саша Бровин, а пел, оказывается, Витя Хохлов. (Откуда гитара взялась?)

Увидев бригадира, ребята не смутились, не прекратили пение. Саша подмигнул лукаво, а Витя запел озорно и игриво:

Мы приехали в колхоз,  
Весь колхоз молчал...

Ребята ухмылялись и ждали, что скажет Степан Степанович. А он молчал, понимал, что обрывать песню, гнать мальчишек к станку никак нельзя. Поступи так и оттолкнёшь их от себя.

А Витя пел уже вызывающе и дерзко:

Бригадиры дали нам  
Каждому топор...

Степан Степанович качал головой и смеялся, чувствуя, что парнишки довольны тем, что он не спугнул песню, не накричал, не погнал их к станкам.

Закончил петь Витя под общий хохот.

— Ну и песня, — сказал Степан Степанович, утирая слёзы. И где вы её только откопали?

— Это на картошке, когда в колхоз со школой ездили,— ответил Витя.

— Сильна! А теперь пойдём работать,— созвал Степан Степанович.

Работали на этот раз легко, с улыбкой и вполне наверстали время, потраченное на песни.

Степан Степанович сам подошёл к Бровину.

— Хорошо придумали. Давайте завтра в обед повторим. Я об армии эпизод, а потом вы, художественная часть.

Ребята охотно согласились.

Конец дня омрачила крупная ссора. Гена Чугунов так толкнул Лёшу Сидорова, что тот чуть под конвейер не попал. Видно, досадовал Лёшка.

Но ребята приняли сторону Лёши.

— Не по делу,— сказал Гене Юра Лопатко.

— Ты ж не слышал.

— Всё равно не по делу.

Назавтра на работу Гена Чугунов пришёл с шишкой на лбу и с затёкшим глазом.

— Кто тебя?— спросил Степан Степанович, отозвав в сторону.

— Не знаю.

— Не бойся.

— В самом деле не знаю. «Тёмную» устроили.

Пришлось собирать внеочередное собрание.

— Вот что, ребята,— как можно внушительнее сказал Степан Степанович.— Такого ещё у нас не было. Что это за... И назвать-то не знаю как. Такой коллектив. Десять комсомольцев. Что ж вы, ребята?

Но ребята молчали, делали вид, что они ни при чём. И выходило, что мораль читать некому и незачем, а заострять вопрос без толку. Фактически обе стороны не правы. Но «тёмные»...

— В общем, чтоб никаких «тёмных»,— заключил Степан Степаныч.— Лучше в поход сходили бы. Это и для здоровья и для сплочения коллектива полезно. В прошлом мы устраивали — здорово получалось.

— А вы пойдёте?— спросил Саша Бровин.

— А что я?— ответил Степан Степанович:— Я солдат ещё живой.

Ребята сразу загорелись. Оставшиеся дни до выходного только и разговоров было, что о походе.

В воскресенье на Финляндский вокзал явились все, кроме Богомолова и Лопатко. Поход прошёл хорошо, весело и, как и предполагал Степан Степанович, сблизил ребят.

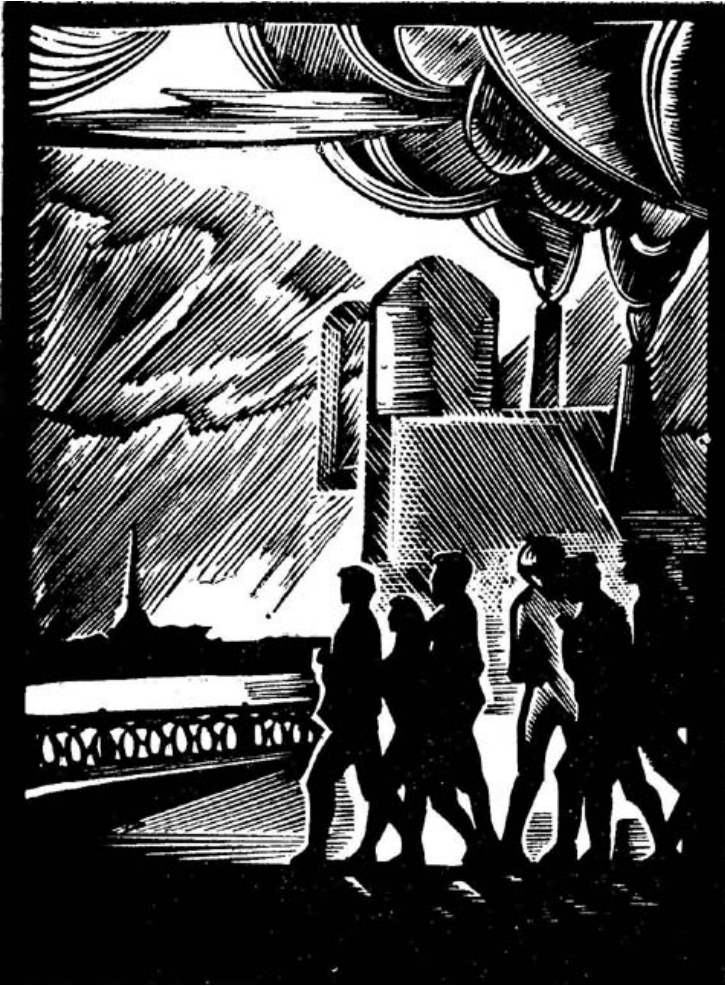
И перед ним они открылись новыми сторонами. Шумный и задиристый в цехе Лёша Сидоров тут, на природе, как-то притих. А тихий Витя Хохлов стал душой компании, всю дорогу пел под аккомпанемент Саши Бровина. Оказалось, что и Стасик Турки« любит гитару, и Серёжа Мошков.

Назавтра после похода работали лучше. Норму перевыполнили. Целую неделю ни малых, ни больших ЧП не было. А потом опять случилось.

Незадолго перед этим в бригаду вместо заболевшего пришёл паренёк. Звали его Костя Трофимов, белобрысый такой, с длинным «хвостом» нарушений и прогулов. От него уже все бригады и все цеха отказывались. Степана Степановича упросили взять Трофимова. Взял, конечно, предварительно посоветовавшись с ребятами.

Неделю парнишка работал спокойно, а потом начал грубить. Заматает как баран головой с русыми вьющимися волосами, упрётся, и с места его не сдвинешь. Девчонок из соседней бригады к чёрту посылает, бригадира — ещё дальше.

— Не расстраивайтесь, Степан Степанович,— успокоил



как-то Серёжа Мошков — свидетель грубости Трофимова,— Мы с ним мужской разговор организуем.— На следующий день Трофимов пришёл на работу весь в синяках, сам подошёл к бригадиру.

— Всякие дозы принимал, но таких ещё нет. Извини, батя.

— Кто поколотил?

— Не знаю, «Тёмную» в раздевалке устроили.

— Позвать Лёшу Сидорова.

Когда Лёша подошёл и улыбнулся своей располагающей улыбкой, Степан Степанович предупредил:

— Кончай или расстанемся.

— А почему на меня, Степан Степанович? Я ж вас люблю, а вы так... Что, я тебя бил?— обратился он к пострадавшему.

— Не знаю,— повторил Трофимов.

С той поры Костик стал как шёлковый. Но «тёмные» не прекращались...

## *«Почти профессор»*

Степан Степанович всё больше, всё чаще чувствовал, как не хватает ему педагогических навыков. Читал всё, что можно было читать, и Макаренко, и учебники по педагогике, и последние журналы, и статьи по психологии. Кое-что усваивал, но в общем самому трудно было овладеть огромными знаниями. Требовался помощник. Не столько теоретик, сколько практик. Нужны были дельные советы, тонкости педагогики. Степан Степанович и сам заметил: иной раз одно умелое слово дороже длинных речей, один верный ход — учебника стоит. В первую же декаду работы у станка Серёжи Мошкова Степан Степанович подошёл к нему, присмотрелся, похвалил и произнёс, как бы между прочим:

— А тебе без всех этих побрякушек лучше. Ты и так парень что надо. Они только портят тебя.

И всё. И больше ни слова про его внешний вид. А с Серёжи вся эта чешуя сползать стала. Через месяц-другой не узнать парня. Работает отлично. Первым из новеньких в комсомол вступил. Душа бригады. Через полгода его комсоргом избрали.

К Коле Иванову тоже нашёл Степан Степанович подход.

— Ты же потенциальный корифей. Ты ж прирождённый вперёдсмотрящий. А ты сака давишь, с Лёшей волянишь на пару.

Через полгода Коля действительно стал корифеем, заместителем бригадира.

И всё же не всегда всё было ясно Степану Степановичу



в ребятах. Чтобы разобраться, нужна была наука. Педагогика.

Степан Степанович обратился в партком, партком — в райком. И вскоре организовали на «Электросиле» семинар для бригадиров-наставников. Да, теперь Витченко был не один. Его начинание было подхвачено в других цехах, на всём заводе. Там тоже успешно работали бригадиры-наставники Врублёвский, Сидоров, Гусев, Титов, Кубиков, Левченко и другие.

Первый семинар организовали в парткабинете. Из педагогического института явился учёный человек, кандидат наук, доцент.

— Почти профессор,— назвался он полушутя, полусерьёзно, выставляя вперёд крупную лобастую голову.

Весь он был крупный, угловатый, какой-то весь внешне не отёсанный, но с огромным сознанием собственного превосходства.

Он не скрывал этого. Лекцию начал так:

— Поскольку я педагогикой занимаюсь два десятка лет, а вы её ещё не нюхали, начну с азов.

«Под простягу работает,— подумал Степан Степанович,— Зря он так». Но не выдал своего отношения, а так же, как другие наставники, внимательно слушал учёного человека.

Поначалу «почти профессор» говорил интересные вещи о Макаренко, Ушинском, других столпах педагогики, но чем дальше, тем оторваннее от действительности выглядела лекция. Наставникам нужны были не только и не столько теоретические выкладки, сколько практические советы. А их-то «почти профессор» не давал и, вероятно, не мог дать, потому что знал (это чувствовалось по его лекции) дело по литературе, а не из жизни.

Степан Степанович посмотрел по сторонам, встретился взглядом с товарищами и понял, что и их лекция не удовлетворяет.

Они лишь делают вид, что слушают с интересом.

— Пожалуй, на первый раз хватит,— закончил «почти профессор».— А то много будете знать — скоро состаритесь.

— А вопросы можно?— спросил Степан Степанович.

— Что же,— «почти профессор» взглянул на часы.— Спрашивайте — отвечаем.

И опять его снисходительность задела Степана Степановича, но он сдержался, сказал как можно вежливее:

— Скажите, пожалуйста. Вот то, что сейчас происходит с молодёжью, так называемая акселерация, это явление как-то отразилось на педагогике, в смысле, появился какой-то новый подход к молодёжи? Дело в том, что они физически развиваются значительно быстрее, чем умственно. Извините, может быть, я не так научно сформулировал.

— Ничего. Достаточно того, что я понял. Я не понял другого: зачем нужна какая-то дополнительная педагогика? Дети как дети, одни выше, другие ниже ростом.

— Не совсем так,— не согласился Степан Степанович.

— Ну если есть у вас на этот счёт открытия...

— Открытий нет,— спокойно парировал под одобрение товарищей Степан Степанович.— А вот вопрос есть.

«Почти профессор» небрежно повёл тяжёлой головой.

— Вот вы сказали, что школа учит и воспитывает,— Продолжал Степан Степанович.— Учит — да, воспитывает — плохо, в смысле профессионального воспитания. Это мы можем подтвердить.

— Но у нас политехнизация,— заметил «почти профессор».

— Она себя, к сожалению, пока что не оправдывает. Отдачи мало.

— Точно,— зашумели наставники.— Сколько их через завод прошло, а остались единицы.

«Почти профессор» не ожидал такой дружной поддержки своего невольного оппонента, как-то даже растерялся.

— Ещё вопрос,— наступал Степан Степанович.— Вы сказали: ребёнка воспитывает семья, школа и комсомольская организация.

— Разве не так?

— Не совсем так. Уточняю, для тех, с кем мы имеем дело, не совсем так. К нам часто приходят исключённые из школы, недоучки, подростки из комиссии по делам несовершеннолетних. Их воспитывает улица. У большинства из них матери-одиночки, у которых почти нет времени на воспитание собственного ребёнка. Они вынуждены работать. Да и в полноценных семьях — тоже не так, как вы сказали. Отец на работе, мать на работе (я опять-таки о тех, с кем мы имеем дело). А в школе сорок человек на одну классную руководительницу. Разве может она полноценно воспитывать каждого ребёнка? А комсомол... В комсомоле сейчас усиленно ищут новые формы. Но пока что... Пока к нам в большинстве своём ребята приходят не комсомольцами.

— Так, так,— зашумели наставники.

— Ещё вопрос.

Тут «почти профессор» взглянул на часы, засуетился.

— Прошу извинить. Опоздываю на лекцию.

Задерживать его не стали.

После ухода «почти профессора», товарищи окружили Витченко.

— Молодец, Степан Степанович. Показал ему своё место. А то ишь — почти профессор.

— Наверно, после института остался на кафедре. Статейки пишет.

— Быстро смылся. И спесь пропала. И скорость появилась.

Парткому доложили:

— Такой лектор нас не устраивает. Уж лучше никакого, чем такой.

Через неделю пришла женщина, миловидная, с седой головой, действительно профессор. Она сказала:

— Вы хотите, чтобы я вас поучила. А я-то пришла у Вас поучиться.

И с первой минуты покорила наставников. Занятия по педагогике стали проходить регулярно. Они превратились в дружеские беседы, в диспуты, в деловое обсуждение конкретных случаев и фактов.

## *Девочки*

До некоторых пор в бригадах Витченко трудились только юноши. Девушек не было. Степан Степанович и не думал брать девочек, да так получилось. На завод довольно часто приезжают делегации социалистических стран, посмотреть, поделиться опытом, завязать дружеские и деловые контакты. Они ходят по цехам, беседуют с рабочими, интересуются деталями работы. Интересует их и опыт работы с молодёжью, с подростками. В таком случае делегацию всегда приводят к Витченко.

В тот раз появилась венгерская делегация. В конце беседы одна из гостей спросила Степана Степановича:

— У вас в бригаде только мальчики?

— Да, только парнишки.

— Надо бы и девочек. Это очень может помогать. Облагораживать мальчиков.

— Попробую,— ответил Степан Степанович, спохватился, но уже было поздно.

Пришлось брать девочек. Весной, когда «старички» пошли в армию, он взял в бригаду несколько девочек. Первой пришла Тоня Варганова. Она училась в техникуме при заводе, и ей необходимо было проходить практику. Потом появились Галя Новикова, Нина Щеглова, сестра Володи Целуева — Валя. Ещё Танечка, Марина, Машенька.

Появление в бригаде девочек внесло новую струю и принесло новое беспокойство бригадиру.

Накануне прихода девочек, Степан Степанович собрал бригаду:

— Вот что, ребята. На днях у нас появятся девушки. Как вы на это смотрите и что вы думаете по этому поводу?

— К чёрту их!— со своей обычной прямоотой и резкостью сказал Костя Трофимов.

— Пусть они к нам приходят, но только после работы,— сострил Лёша Сидоров под общий смех бригады.

— А если серьёзно?— спросил Степан Степанович.— Я хочу знать ваше мнение. Нам всем вместе, одним коллективом работать.

— Надо посмотреть, какие они,— ответил Виталик Соколов.

Ребята за животы схватилась. Никто не ожидал от самого маленького в бригаде, тихого и щуплого Витальки такого ответа.

— Ну, чего вы?— покраснел Виталик.— Я в том отношении, что бывают... В общем могут такие прийти — не возрадуешься.

— А ведь правильно,— поддержал Виталика комсорг бригады Серёжа Мошков,— Фирменных нам не надо. Маменькиных дочек — тоже. Всяких там финтифлюшек...

Степан Степанович прервал Серёжу:

— Ну, а кто же ими заниматься, в смысле, воспитывать будет, даже если они и финтифлюшки и прочее? Вот представьте на минуту, что происходит обратная картина: они обсуждают вопрос, принимать ли вас в бригаду.

— То есть как?— обиделся Витя Хохлов.

— Да вот так. Допустим, что так, — сказал Степан Степанович.— Вспомните, какими многие из вас ещё совсем недавно были. Да и сейчас, душа с вас вон, не все ещё ангелы.

— Только я один,— пропел Витя Некрасов и под улыбки товарищей изобразил ангела.

Шуму на этом собрании было много. Сошлись на том, что всё-таки одному бригадир-у приёмом не заниматься, а выделить ему в помощь тройку. Пусть она посмотрит и решит совместно с бригадиром. В тройку вошли Серёжа Мошков, Коля Иванов и Виталик Соколов.

— Ты, оказывается, засекреченный специалист по женской части,— разыгрывали Виталика ребята.— Маленький, да удаленький. Только браку не наделай, а то мы его на твой счёт запишем.

Когда в конторке начальника цеха (он разрешил пользоваться ею для собеседования) появилась Тоня Варганова, Степан Степанович дал знак бригаде. Через минуту-две показалась «приёмная комиссия».

Степан Степанович приятно удивился. Ребят не узнать было, при галстуках, в наглаженных рубашках, подстричься успели. Они и сами были смущены и своим видом и своей необычной ролью, и, чтобы подбодрить их, Степан Степанович сказал:

— А вот и наши ребята. Прямо из фотографии. Знакомьтесь.

Степан Степанович видел: Тоня сразу понравилась ребятам, аккуратная, миловидная, общительная. Он дал молодёжи поговорить, попривыкнуть, после этого предложил:

— Что ж, идёмте. Нас работа ждёт.

Шли так. Впереди ребята, за ними Тоня и Степан Степанович. Первым шествовал Виталик Соколов. Одну руку с поднятым большим пальцем он держал перед собой, другой прикрывал её, как свечу от огня, чтоб никто, кроме своей бригады, не видел этого жеста.

На следующий день произошли добрые изменения во внешнем виде всей бригады: и другие ребята пришли подстриженными, в выглаженных рубашках. И ругаться меньше стали, и солёных словечек не слышно было.

Раньше, бывало, чего греха таить, мат доносился то от одного, то от другого станка. Степан Степанович пробовал беседовать с любителями ядрёных слов — не очень помогало. А теперь ругань как рукой сняло. Лишь Костик Трофимов упорствовал, правда, ругался уже не на том «уровне», к чёрту всё равно посылал.

— Ты брось,— предупредил его Лёша Сидоров.— У нас же девушка.

— Плевать я на неё хотел.

— Забыл? Напомним,— пригрозил Лёша.

Костик отмахивался, тряся курчавой головой, но замолкал.

Степан Степанович радовался. «И как это я раньше не догадался относительно девушек. Смотри-ка, как действует. Как облагораживает всего одна девчонка».

Но рановато радовался бригадир. Пришли другие девчонки и появились огорчения, волнения, новые заботы.

Пришла Галинка — красивая, подвижная, кокетливая, всем глазки строила, даже бригадиру.

С работой она освоилась быстро (покраска заклёпок и стоек), но глазки! Но кокетство! Лукавый взгляд её выводил из строя любого парня.

«Прямой наводкой шпарит»,— думал Степан Степанович, замечая, как Лёша, или Витя, или Юра вдруг прекращали работу и, робко улыбаясь, смотрели на Галинку, ожидая ответного взгляда. Но Галинка уже «выбивала» другого, скашивая в его сторону свои большие, голубые, блестящие глаза. И поговорить она любила с подружками. Отойдёт на минутку, а поговорит полчаса.

Однажды Степан Степанович не выдержал, подошёл.

— Галочка, а работа?

— Степан Степанович, я ж вас люблю,— пропела девчонка и улыбнулась кокетливо.— Я всё сделаю.



И сделала.

Как тут быть?

А Татьяна работала плохо, ленилась, на замечания бригадира не реагировала, только плечами передёргивала. На очередном бригадном собрании, подводя итоги работы за месяц, Степан Степанович сказал:

— Вот Танечка ленится, с работой не справляется. Решайте, потому что меня она не уважает, то есть не слушает.

Татьяна в слёзы. Ребята растерялись. Никогда ещё никто не плакал на собраниях, И Степан Степанович растерялся, попробовал пошутить:

— Оказывается, лук ела, а мы и не знали.

Не помогло.

— Не буду!— выкрикивала Татьяна сквозь слёзы.— Ребят так не... не критикуете. Не буду... Давайте дру... другую работу.

Степан Степанович понял: девочки народ сложный, с ними — не с ребятами, с ними надо более осторожно, более деликатно. Если и разговаривать строго, то только в узком кругу. А перед Татьяной он тогда извинился и, оставшись с нею один на один, сказал:

— А замечание всё-таки учти. Коллектив не подводи. Мало-душия не проявляй.

Татьяна учла. Осталась на старой работе.

Но то, что произошло с Марьяной, чуть было не вывело Степана Степановича из рабочего строя.

Привела Марьяну мама, модно одетая, накрашенная женщина. И хотя она была предельно вежливой, улыбалась, заранее благодарила Степана Степановича, не лежала у него душа ни к маме, ни к дочке, не очень хотел он брать к себе эту девчонку. Марьяна походила на маму — так же одета, и так же накрашена, крупные карие глаза, разговор с ударением на «г». Ещё до их прихода

Степану Степановичу звонили по поводу Марьяны разные люди, из завкома, из заводской библиотеки, из Дома культуры. Степан Степанович не терпит ни звонков, ни ходатаев, ни протезе. Сам не знает почему, он всё-таки согласился взять в бригаду эту девушку.

— А вот эту зря,— сказал Серёжа Мошков, как Только Марьяна появилась на участке.

— У самого не очень душа лежит,— ответил Степан Степанович.— Но вас не было, а мне эти звонки надоели. Думаю, воздействуем. Коллектив у нас вроде бы не плохой, да и другие девчата что надо.

— Ну, ну,— уклончиво пробурчал Серёжа.

К удивлению и удовольствию бригадира, опасения его относительно Марьяны на первых порах не подтвердились. Девушка была аккуратной, исполнительной, только капризной.

— Я красить хочу. Степан Степанович, слышите?

— Но Марьяна, не могу же я снять Татьяну или Галю.

— А почему?

— Потому, что они отлично работают и тоже хотят красить.

Марьяна надула губы, но больше ничего не говорила.

Вдруг она заболела. Мамаша сообщила:

— Марьяна с температурой. Она просила вас навещать её... хотя бы по телефону.

После смены Степан Степанович направил к Марьяне девушек. Назавтра они доложили:

— Она нас так приняла... Она просит, чтоб, вы звонили. И только вы.

Степан Степанович начал звонить, справлялся о здоровье, подбадривал, рассказывал о делах бригады. Марьяна благодарила.

— Ваши звонки — лучше всякого лекарства. Позвоните ещё.

Вскоре после этого разговора Степана Степановича вызвали к начальнику цеха. Там находился старший мастер, секретарь партбюро и Марьянина мамаша.

— Не ожидала, не ожидала,— произнесла она с придыханием, едва Степан Степанович открыл дверь.— Вы обязаны воспитывать, оберегать, а вы сбиваете с толку несовершеннолетних девочек.

Впервые Степану Степановичу сделалось плохо. Впервые ему пришлось принимать валидол.

— Вот что,— проговорил начальник цеха, когда рефлексивную мамашу удалось наконец выпроводить из комнаты.— Поезжай-ка ты в санаторий. Отдохни. Работал ты эти годы много, волновался ещё больше.

За Степана Степановича остался Коля Иванов. Марьяну по категорическому требованию всей бригады уволили с завода.

## *«Зелёный змей»*

Ребята не забывали Степана Степановича. Почти ежедневно он получал письма с завода. Особенно порадовало сообщение Коли Иванова:

«Дорогой Батя,— писал Коля.— Отдыхай и не волнуйся. У нас порядок. Все бригадные нормы перекрыли».

И это верно. Степан Степанович убедился в этом, как приехал. Работать стали здорово. Появились корифеи (любимое словечко Степана Степановича). Коля Иванов, Серёжа Мошков, Витя Соколов, Коля Богомолов и другие план выполняли на 130–140 процентов. Почти все учились в вечерней школе или техникуме, почти все состояли в комсомоле.

Но что-то опять тревожило Степана Степановича. Возможно, он, бригадир, стал более придирчивым более требовательным к себе и другим, возможно, он предчувствовал, что ещё не у всех всё нормально. Вот Коля Богомолов и Юра Лопатко. Все по-английски разговаривают между собой, куда-то спешат после работы. К работе не придерёшься, к поведению на заводе — тоже, но в коллективе их нет, и что они там делают за стенами завода — никто не знает.

Кое о чём, правда, Степан Степанович догадывался, видел, что парнишки начали опять выпивать, хотя и скрывают это, но всё равно видно. Сегодня от Стасика перегаром несло. У Юры лицо распухло — глаз не видать. И часто верховодит ими Коля Богомолов. Поднимается — ребята за ним.

«Наверное, культурнее их — вот и привлекает ребят.

Язык знает. Творчески работает. Изобретать любит»,— успокаивал себя Степан Степанович. Но успокоение не приходило.

Однажды Степана Степановича пригласили прямо в партком.

— Есть у вас такой Богомолов?— спросил секретарь парткома.

— Есть. Сегодня не явился, заболел, что ли.

— Особая болезнь. Фарцовкой называется.

Эту ночь бригадир не уснул. «Я же предчувствовал. И английский язык. И стремление уединиться, поскорее уйти с глаз. Как же я не додумал? Да надо было всё бросить к чёрту и заняться Колей».

Выяснилось, Коля и Юра Лопатко давно уже занимались фарцовкой. Оба окончили восемь классов английской школы, легко вступали в контакт с иностранцами...

Наутро к бригадиру подошли Серёжа Мошков, Коля Иванов, Лёша Сидоров — делегация.

— Не переживай, Батя,— заговорил самый экспансивный Лёша Сидоров.— Мы все виноваты. Но мы их вылечим.

Степан Степанович был так расстроен, что ничего не ответил. А ребята выполнили обещание, «поговорили с товарищами». Ни Коля, ни Юра фарцовкой больше не занимались.

Но выпивка. Отец у Коли пил — пример наглядный. И у Пети и у Володи в семье пили. Да и вокруг не общество трезвенников. Как быть?

Степан Степанович беседовал с каждым парнем, устраивал комсомольские собрания, врача приглашал для беседы — не помогало.

У него блеснула мысль.

— Сашенька,— обратился он как-то к Саше Бровину,— Если не спешишь, домой пойдём вместе. Разговор есть.

Саша по натуре общительный, коллективный — на него можно положиться.

— Вот что, Саша,— сказал Степан Степанович, когда они вышли за ворота.— Ты — массовик, заводила, спортсмен, разряд имеешь. А что же остальные? Пусть все занимаются. Сможешь увлечь?

— Попробую. Но это такое дело. У кого что, кому что.

Во всяком случае, через два-три месяца после разговора почти вся бригада «заболела» спортом, футболом, лыжами, стрельбой. А тут ещё девочки — самые заядлые болельщицы. Перед ними неловко в грязь лицом ударить. А чтоб не быть в хвосте — тренироваться надо, а чтобы тренироваться — быть в форме, не курить, не пить...

Теперь Степан Степанович собрал девочек. Одних девочек.

— А я-то думал вы патриотки своей бригады. Добра ей желаете.

— А у вас есть основания нас упрекать?!— за всех возмутилась Тоня Варганова.

— Есть,— ответил Степан Степанович и объяснил спокойно.— Они выпивают, а вам и дела нет.

— Что же их, за руку держать? — спросила Галя.

— Или, может, с ними в пивную идти? — поддержала подружку Татьяна.

— А мы вообще не пьём и не бываем там, где пьют,— как бы суммировала общее мнение Тоня.

Степан Степанович помолчал, дал успокоиться девушкам.

— Я совсем не призываю пить с ними, ходить в пивную,

одним словом, к плохому или компрометирующему вас... Но вы бываете вместе, это точно, и у вас на глазах они иной раз выпивают, и зная и видя, что они выпивают, вы никак или, вернее сказать, недостаточно реагируете. А я прошу быть решительными, строгими, непримиримыми. Не беспокойтесь, эта непримиримость вас не унижит, а, напротив, возвысит.

После горячего и долгого спора, девушки заверили бригадира: попробуем.

Что там они говорили, как воздействовали, Степан Степанович не знает, но выпивки почти прекратились. И Володю, который всё-таки выпил после получки с дружками из соседнего цеха, проработывала вся бригада.

— Выгоним,— сказал Серёжа Мошков.

— Мы вообще тебя и за парня считать не будем,— сказала Тоня Варганова.

— Что ж, и в праздник нельзя,— смущённо спросил Володя.

— Это другой вопрос,— ответил Серёжа.

Праздники справляли с девизом: не подводить.

## *Микроб любви*

Наступил приятный период порядка и благополучия в бригаде. Шла работа. Всё дружнее становился коллектив. Появление девочек как бы облагородило мальчишек. Парни стали подтянутее, собраннее, аккуратнее. Они старались друг перед другом, а в общем-то, перед девушками показаться в лучшем виде. Исчез мат, грубая речь, и даже Костик Трофимов, хотя и не стал более благосклонным по отношению к девушкам — он по-прежнему пренебрегал ими,— и тот сделался мягче.

Теперь в обеденный перерыв все непременно собирались в красном уголке. Ребята понаделали электрогитар. В бригаде создался целый ансамбль гитаристов — Саша Бровин, Стасик Туркин, Серёжа Мошков,— со своим солистом — Витей Хохловым. Поначалу они исполняли прежний свой репертуар. В один из первых таких сборов Витя, подмигнув ребятам (Степан Степанович в эти минуты являлся обычным равноправным членом бригады), затащил дурашливо, обращаясь к Татьянке.

Взял тебя я босую,  
Кудряву, безволосую,  
И целый год в порядок приводил.

Но Татьяна решительно встала, собираясь уйти.

Музыка оборвалась.

— Мы ж шутим,— извиняющимся гоном проговорил Витя.

— Это с кем-нибудь, а мне не нравится,— оборвала Татьяна.



— Вы нас с кем-то не путайте,— поддержала её Тоня и другие девушки.

— А чего вы хотите? Что вам сыграть?— спросил Саша Бровин.

Татьяна вскинула красивую голову и запела сильно и свободно:

Клён ты мой опавший,  
Клён заиндевелый...

Саша тотчас начал подыгрывать.

Или что увидел?  
Или что услышал?

С той поры в бригаде появилось два солиста, Витя и Татьяна.

Степан Степанович, глядя на дружбу ребят и девушек, нарадоваться не мог. Но вскоре начал замечать он странные явления. Вдруг загрустил всегда весёлый Коля. Потускнел заводила Лёша. Поссорились Серёжа с Володей. В слезах Галя.

— Что случилось? В чём дело?— спрашивал Степан Степанович.

Молодёжь уклонялась от ответа.

Степан Степанович пригласил заместителей, Колю и Серёжу.

— Что происходит? Объясните.

— Да-а,— крутнул головой Коля.

— Девчонки всё,— сказал Серёжа.

— Почему они, а не вы? Дружить надо красиво, это жизнь украшает, силы придаёт...

Ребята молчали. Такие понятные, такие всегда надёжные заместители, с которыми он всегда находил общий язык, на этот раз были неузнаваемы, как чужие.

— Тогда соберёмся после работы и побеседуем на тему

любви и дружбы,— предложил Степан Степанович.— Не возражаете?

— Давайте,— неуверенно ответили заместители.

Степан Степанович серьёзно готовился к предстоящему разговору, ездил в институт, советовался, читал Макаренко — свою настольную книгу. Даже выписки сделал: «... И девушкам и мальчикам нужно рассказать об ответственности за каждый прожитый день, за каждый кусок чувства, потому что за всё приходится платить жизнью, причём надо рассказать не два-три раза, воспитывать каждый день». «...Я считаю, что в таких случаях полезен прямой разговор о любви... Не только можно, а нужно учить любви. Как это не странно звучит, а есть такая наука».

И прямой разговор состоялся. Точнее сказать, говорил Степан Степанович. Молодёжь опять же молчала. Смотрел в сторону бойкий Серёжа. Краснела весёлая Танечка. Хмурила брови и делала над собою усилия, чтобы не опускать глаз, Тоня. Попробовал сбалагурить Витя Некрасов:

— Любовь нечаянно нагрянет.

Но его резко оборвали.

— Так вот о чём я хочу с вами поговорить, дорогие мои мальчишки и девочки. О любви человеческой, немного высокопарно, в не свойственной ему манере начал Степан Степанович.

Он говорил о красоте любви, о её силе, чистоте, о том, что не нужно её омрачать, тем более торопить, приводил примеры и всё время опасался: «хотя бы вопросов не задавали. Наверное, постесняются. Они как будто смущены».

Ожидания его не оправдались. Первым спросил не без злорадства Костик Трофимов:

— А от любви до ненависти действительно один шаг?

Было много самых неожиданных, самых сложных вопросов. «Чем отличается первая любовь от последней?», «Что такое секс?», «Почему любовь проходит, а дружба остаётся?».

— На все вопросы я не смогу ответить,— признался Степан Степанович.— На днях обещаю пригласить специалистов. Они ответят на ваши вопросы. А вам сообщаю: сегодня во Дворце труда интересная встреча с иностранными рабочими. И концерт. Приглашайте девушек. Пропуск известен: «Мы из бригады Степана Степановича».

— А других можно?— спросил Стасик.— Девушек не из нашей бригады?

— Приглашай.

О беседе Степана Степановича узнали в цехе. Кое-кто отозвался с иронией.

— Это, по-моему, уже не наставник. Это по-другому называется.

— Я ещё и воспитатель,— отвечал Степан Степанович.— И я людей, а не рабочие механизмы воспитываю.

— Тогда свяжись с роддомом. Пригодится.

Дело дошло до партбюро, до начальника цеха. Там поддержали Степана Степановича.

— Всё правильно,— сказал начальник цеха.— Не зря мы зовём его магнитный человек. Он вытягивает, поднимает и ставит на ноги. К нему молодёжь тянется. Одним словом, магнитный человек. И про любовь не плохо придумал, потому что это жизнь, и на работу, на настроение влияет.

Примерно на неделю в бригаде наступило некоторое затишье: ни ссор, ни конфликтов, напротив, Миша старался помочь Татьянке, Витя попросился на операцию, которая проходила на виду у Гали. Больше всего Степана Степановича радовала дружба Серёжи и Тони — водой не разольёшь.

Везде они вместе, работают с улыбкой, других увлекают. И вдруг как гром среди ясного неба, на дом к бригадиру явился чрезвычайно расстроенный Серёжа.

— Не хочу я жить на свете. Не хочу,— и расплакался.

Оказалось, произошло объяснение с Тоней и та сказала:

— Я ж тебя старше. Мы будем просто дружить.

Степан Степанович сделал вид, что ничему не удивился, что всё идёт так, как и должно идти, что слёзы Сергея — обычное дело. Побеседовал с парнем, успокоил:

— Ещё встретишь. Не только она — свет в окне. За окном его больше. Отслужишь в армии, вернёшься.

— Люблю её, Батя. Сильнее жизни.

— Так люби. И не спеши. Если по-настоящему любишь — потерпишь, подождёшь.

А через несколько дней увязалась проводить бригадира до дому Галинка. Шла и непривычно молчала. Степан Степанович не торопил, чувствовал: разговор важный и нужно, чтобы она сама заговорила.

— Степан Степанович, давайте посидим.

Они свернули в парк. Вдали блеснул фонтан. Над парашютной вышкой развевался белый купол. Слышалось, как за кустами скрипят уклочины, по прудам скользят лодки.

— Степан Степанович, вот что я хотела,— почти шёпотом произнесла Галя.— Я вам хочу сказать... Я Серёжу люблю. Всё бы отдала...

— Тут я не могу помочь, Галочка. От него всё зависит.

Она сразу сникла.

— А разве он сказал что-нибудь? Ты говорила с ним об этом? Галя покачала головой.

— Так чего ж ты? Не спеши. Если любишь — он сам увидит это. Поймёт. Он хороший парень.

Галя приободрилась.

А жизнь вокруг по-прежнему кипела. План бригады выполнялся играючи. Если задерживали подачу другие цеха — ребята возмутились:

— Где детали? Почему стоим?

Степан Степанович бежал к начальству, торопил, доказывал, что «вакуум для его бригады — нож в спину».

Его понимали — подбрасывали детали. Работа продолжалась. Души ребят были перед ним открыты. Впрочем, не все.

## *«Коллективка»*

Сложность и специфичность работы С. С. Витченко состоит в том, что она — работа воспитателя — не может гарантировать ему спокойной жизни. Ежедневно, ежечасно жди неприятностей, срывов, осложнений. Два раза в год, в дни призыва в армию, весной и осенью частично обновляется состав бригады. Новички не только сами нарушают дисциплину, но и других, наиболее неустойчивых, вовлекают в эти нарушения. Подростки — народ, поддающийся влиянию, к сожалению, легче дурному.

Бригада живёт как бы двойной жизнью. Одна своя, внутрибригадная, другая — общественная, общеизвестная. С той поры как бригаду Витченко «вывели на орбиту», как с шутливым уважением говорят на заводе, жизнь бригадира стала ещё беспокойней. Наставничество было подхвачено на других заводах Ленинграда, на заводах страны. Витченко пишут. К Витченко приезжают, просят дать совет, помочь практически. И он щедро делится опытом, выступает, пишет статьи в газеты, участвует в совещаниях, в посвящениях молодой смены в рабочий класс. А одновременно с этим — идёт жизнь бригады, не всегда гладкая и ровная.

Тогда, в то время, о котором идёт рассказ, случилось вот что. Всё было вроде бы хорошо. Даже «любовная эпидемия» как будто поухля. Но с одним парнишкой всё ещё не мог справиться Степан Степанович, с Колей Богомоловым, вожаком самых трудных ребят, а точнее сказать, не мог бригадир преодолеть его авторитета. Долгое время, после знаменитого случая с фарцовкой,

никаких нарушений со стороны Богомолова не было. Коля отлично работал, был послушным, ни в чём не прекословил бригадиру, но всё равно Степан Степанович чувствовал его руку, которая делала не то, что надо. Этот парень ещё не до конца открылся, ещё не до конца был надёжен, он внутренне ещё сопротивлялся Степану Степановичу, и бригадир ощущал это сопротивление. А значит, в любое время могло произойти ЧП. И оно произошло.

Перед уходом в армию на квартире Бориса Гуслистого ребята организовали отвальную. Присутствовали Коля Иванов, Юра Лопатко, Коля Богомолов и другие ребята. Вероятно, всё закончилось бы нормально, да появилась хозяйка квартиры и выставила подвыпивших ребят на улицу. Ребята увидели пивной ларёк, решили хлебнуть по кружечке. Первым пошёл вожак, Коля Богомолов. И конечно, вне очереди.

— Чего лезешь-то, сопляк! — крикнул пьяный дядька и оттолкнул паренька.

Коля толкнул дядьку. За того вступился сосед. За Колю — ребята. Произошла драка. Приехала милиция. На ребят составили дело. Для Степана Степановича удар, для ребят — трагедия. Призыв отложили. Начали следствие.

Тем временем жизнь в бригаде не остановилась. Ребята успешно выполнили план, Степан Степанович, кроме того, продолжал выступать, писать, советовать. И одновременно ходить по начальству, хлопотать за Колю Богомолова.

Все пороги обил Витченко и всё без толку. Отвечали: «Не можем. Только что указ вышел об усилении борьбы с хулиганством».

Степан Степанович к заместителю прокурора города.

— Дело серьёзное,— ответил тот после проверки,— К тому же

Богомоллов, оказывается, уже был судим за фарцовку.

— Но это срыв, поймите. Парень отлично трудится. Мы за него поручимся. Пусть идёт в армию, отличным воином будет, вот увидите.

— Не можем. К тому же это «коллективка».

— Какая «коллективка?» Просто ребята заступились за товарища. Это ж молодёжь. У них развито чувство взаимопомощи.

— Вот это и есть «коллективка».

Пять месяцев длилось следствие, и все пять месяцев Степан Степанович не знал покоя, не прекращал хлопотать за Богомоллова.

Как-то Степан Степанович ездил в Ярославль, выступал на совещании по проблемам воспитания подростков. Выступил, как всегда, удачно и горячо, и обратил на себя внимание прокурора Ленинграда, бывшего на этом же совещании. Состоялось знакомство, долгий разговор, вопросы. Прокурор расспрашивал Степана Степановича о бригаде. Степан Степанович заговорил о Коле Богомоллове.

— Это частный срыв. Давайте будем разумны. Я беру ответственность. Доведу парня до армии.

Прокурор обещал разобраться. Требовалась резолюция о прекращении дела, а её никто не накладывал. А без резолюции следователь не прекращал дела.

А жизнь шла. Бригада отлично работала и переживала и за Колю Богомоллова, и за бригадира, своего Батю. Даже те, кто уже не работал у станка, не могли оставаться равнодушными.

«Привет с далёкой Камчатки! Здравствуйте, дорогие ребята! Пишет вам бывший коллега по бригаде, рядовой Шеверев Валентин... За вас в целом я очень рад, что у вас дела на трудовом фронте идут отлично. Иначе и не могло быть,



ведь у вас сплочённый коллектив и вам всё под руку. Неужели вы всей бригадой не можете переделать Богомолова? Слава о вашей бригаде докатилась до берегов Тихого океана, а вы там с ним либеральничаете. Я на «гражданке» думал так же, как и вы, мол, всё это ерунда. Мальчишки, поверьте мне, вы пойдёте в армию, а здесь действительно нянчиться не будут. Это вы можете спросить и у Гены Кулаги и у Володьки Сафронова. Если вы на «гражданке» не будете уважать дисциплину, то в армии будет очень тяжело... Так что подумайте над тем, что я вам написал и помогите Кольке Богомолову, а то, что вы будете ему всё прощать, это отразится не в лучшую сторону для него... Берите сейчас от «гражданки» всё только хорошее, учитесь и слушайте старших... Слушайте Степана Степановича, он вас плохому не научит. Ну, вот и всё. Привет всему участку, и новеньким и стареньким...»

А Степан Степанович продолжал вести два огромных дела, руководить бригадой и пропагандировать идеи наставничества.

Витченко выступил на совещании, организованном обкомом и горкомом ВЛКСМ. И опять произвёл на всех доброе впечатление. Газета «Ленинградская правда» опубликовала его статью, посвящённую проблемам воспитания рабочей молодёжи.

Статья эта оказалась тем решающим толчком, что сдвинул наконец дело Богомолова с мёртвой точки.

Прокурор города, прочитав статью, вспомнил ещё раз о Ярославле, о своём разговоре с Витченко, о его просьбе, вызвал к себе следователя.

— Читали вы статью Витченко?

— Нет.

— Напрасно, Полезное выступление... Конечно, этот парнишка заслуживает наказания. Но давайте всё-таки

поверим Степану Степановичу. Езжайте на завод. Проведите собрание. Если они активно за парня — отдадим на поруки.

Что было за собрание! Степан Степанович и сам не ожидал, что оно пройдёт так серьёзно, собранно и страстно. Шла в буквальном смысле битва за Колю Богомолова. Выступали начальник цеха, старший мастер, секретарь партийного бюро, профуполномоченный, но главным образом выступали сами ребята. Они в конце концов и решили судьбу Коли.

— Нехорошо получается,— сказал Серёжа.— Все уже завязали. Все в норме. А вы? На кой чёрт вам это пиво сдалось, и вообще. Проводы — это не значит напиваться до потери сознательности. Я не оговорился, именно, сознательности. Подвёл ты, Коля, всех, и вы тоже не смогли остановить... Но, товарищи, это наши ребята. Они работают. Они комсомольцы. И они, простите меня, ещё дураки. Мы всё-таки в них верим. И просим поверить и нам.

— Верьте нам, иначе ничего не получится,— поддержал Серёжу Витя.— Вот я о себе скажу. Если бы мне наш Батя, ну, Степан Степанович, не поверил, не взял к себе, не отнёсся, как к сыну... Да, ладно... Не обо мне речь... О Богомолове Николае. Я лично, если хотите, не отстану от него, ни рюмки больше не дам выпить.

Все засмеялись. Витя был чуть ли не в два раза меньше Богомолова ростом и, наверное, в десять раз слабее физически.

— А что?! — не смутился Витя.— Зубами вгрызусь, а не дам.

Он сказал это так твёрдо, так уверенно, что все замолчали, поверили: не даст.

— Туг такое дело,— сказал Игорь Фетискин.— Мы осуждаем ребят, и Богомолова в частности. Осуждаем,

но не отмахиваемся от них. Они наши, и мы за них отвечаем.

Степан Степанович прятал глаза, чтобы скрыть слёзы и думал: «Вот уж не ожидал. Да они, оказывается, лучше и взрослее, чем я думал».

Когда предоставили слово Коле Богомолу, он расплакался, с трудом произнёс:

— Поверьте... Не подведу.

После собрания следователь подошёл к Степану Степановичу.

— Дело прекращаем, но предупреждаю, если что — пеняйте на себя.

Подошёл и Коля Богомол, протянул руку.

— Батя, извини за всё... Батя...

Больше Богомол не пил. Работал отлично. И в армии отслужил отлично. Сейчас он снова в бригаде, один из лучших помощников бригадира.

Степан Степанович записал в свой блокнот: «Заботиться о тех, кто попал в беду. Биться до конца. Предупреждать, предвидеть, но если уж случилось — не отмахиваться, не оставлять одного. Поражение ослабляет коллектив, победа — поднимает в атаку».

## *Нервущаяся цепочка*

«Здравствуйте, Степан Степанович! С матросским приветом и массой пожеланий, Алексей.

Степан Степанович, я вам уже давно не писал и решил написать, так как стою сейчас на камбузе и есть свободное время. Служба у меня идёт нормально. Готовимся к выходу из завода, а там моря и океаны, заграничные порты и т. д. Степан Степанович, а как идёт работа у вас, как молодое поколение, лучше нашего? Я слышал, что с Колей Богомоловым что-то случилось. Напишите что случилось?»

— Вот гады, уже сообщили! — не удержался Юра.

— А что тут такого? — удивилась Танечка.— Это же Лёшка пишет. Наш Лёшка Сидоров.

— Правильно, Танечка,— поддержал Степан Степанович, не убирая письма — Лёша наш. Он только временно выбыл для прохождения службы в армии. А вернётся и опять наш. Вот он и сейчас пишет. «Степан Степанович, после армии опять приеду на завод работать».

— Вот бы хорошо! — зашумели вокруг.

— А какой он сейчас в матросской форме? Хоть бы карточку прислал.

Ребята сидели в красном уголке, обедали и слушали письма, которые читал им бригадир. Теперь это стало обычным делом. Степан Степанович специально завёл такое правило, читать вслух письма от ушедших в армию. Это было всем интересно и полезно. Уход в армию являлся одной из сторон жизни бригады, одним из звеньев нервущейся цепочки. Сыновей у Степана Степановича

прибывало. Трудовая семья разрасталась. И те, кто уходил, и те, кто оставался в бригаде, не прерывали связи ни с бригадой, ни друг с другом, ни с бригадиром. Когда появлялись новенькие, их посвящали в дела коллектива, они непременно узнавали о тех, кого сейчас нет у станка, но кого помнят и ждут.

Не было такого утра, чтобы Степана Степановича не спрашивали:

— Ну, как? Есть письмишко?

— Есть. В перерыв читать будем.

И читали. И обсуждали. И вспоминали Лёшку, Серёгу или Витю. А потом пели их любимые песни. Солдатские письма как бы расширяли горизонт, позволяли заглянуть в будущее.

«Привет с далёкой Камчатки! Хочу вас поблагодарить за поздравление и извиниться перед вами за долгое молчание. Дорогой Степан Степанович, времени у меня сейчас почти нет. Пришло пополнение молодых солдат из Казани, и надо им уделить внимание, ввести в курс событий».

— Вот это Валечка! Вот это Шеверев!

— А что? Уже второй год служит.

— Время-то как летит!

— Слушайте дальше,— сказал Степан Степанович, сдвигая по привычке очки на лоб.— Тут про вас, про бригаду.

«Хочу вам также сообщить, что о нашей бригаде под вашим руководством знает вся Камчатка, ведь в газете написали мою статью и по радио передали».

— Ура! — закричала Галинка и захлопала в ладоши.

— Ладно. Дай послушать.

— Нет, какой Валька молодец!

— Теперь держаться надо, чтоб не подвести.

— А вот он как раз об этом и пишет,— произнёс Степан

Степанович и, сбросив очки со лба на нос, зачитал: «Так что не уроните ту высоту, которую взяли...»

Он заметил, как посерьёзнили ребята, как девушки убрали улыбки...

— Опять от Лёши письмо,— сообщил Степан Степанович ещё в гардеробе, и все с нетерпением ожидали перерыва.

«Степан Степанович,— писал Лёша Сидоров.— Парня того поддержите и пусть помогут старички, а то парень может сойти с прямой дороги и поведёт жизнь лёгким путём. Степан Степанович, я ведь тоже пришёл к вам таким же, как этот парень, только что не пил, а после со стариками стал употреблять, а сейчас вот уже целый год не вижу, но это и к лучшему, Служба у меня идёт нормально. Я уже специалист 3-го класса, комендор. Вот только одно плохо, что не отучился драться, и сейчас что не по-моему, так и охота подраться».

— Узнаю Лёху! — закричал Саша.

— Фулюган известный,— шутливо вставил Костик.

— Небось не забыл, как «тёмную» тебе устроили? — подкололи его ребята.

— А концовка письма такая,— переждав смех, заключил Степан Степанович.— «Передайте привет всем старичкам и женщинам из бригады Титовой. На этом писать кончаю. Ваш сачок 1-й гильдии Сидоров Алексей».

— Это точно!

— А ты-то что скалишься? Это он за тебя перед Батей хлопочет!

Новичок, который только на днях выпил и прогулял, нахмурился, но тут же его подхватили ребячьи руки и понесли по цеху

— Ну, куда тебя? Выкинуть или тут оставить?

— Оставить, раз Лёха хлопочет. Он не такой уж дурак, сообразит что к чему.

...Шло время. Менялся состав бригады, но цепочка не рвалась, традиции сохранялись.

— От Витальки Соколова письмо. Сейчас Батя сообщил.

— Степан Степанович, почитайте,— чуть ли не хором просили ребята.— Мы отработаем, не беспокойтесь.

Степан Степанович знал: такие порывы нужно поддерживать, достал письмо, надел очки.

«Пишет вам рядовой роты охраны наземных сил ВВС, бывший ваш воспитанник Соколов Виталий. Вот уже служу в армии около двух месяцев. Принял присягу».

Ребята приумолкли, боятся пропустить слово. Всё для них необычно, возвышенно: «рядовой охраны наземных сил ВВС»... «Принял присягу». И сам рядовой, маленький неказистый Виталька, растёт в их глазах.

«Я часто вспоминаю нашу бригаду. Неделю назад у нас был диспут на тему: «Жить и работать по моральному кодексу строителя коммунизма». В нём и я принял участие, рассказал о вас, о бригаде, о её работе и досуге. Было много откликов среди солдат... А вообще, Степан Степанович, стараюсь держать честь нашей бригады, 8-го цеха и завода».

Степан Степанович заметил, что такие письма — откровения его бывших учеников, друзей и товарищей оставшихся — лучшая агитация и за работу, и за жизнь, и за настоящее, и за будущее. На новеньких такие письма действовали особенно сильно.

«В своём письме вы написали, что в наш коллектив прибыло шесть подростков,— писал из армии Юра Ягодин. — Наверное, уже успели потрепать вам нервы. Ведь от этого никуда не денешься. Сам был таким же. Но я думаю, Степан Степанович, что они наш прославленный коллектив не подведут, а, наоборот, будут везде и во всём выводить его вперёд. И потому я желаю им успехов».

## *С открытым сердцем*

Движение наставников, активно поддерживаемое партийными и профсоюзными организациями, разрасталось. Работой Витченко интересовались не только у нас в стране, но и в социалистических странах. За последние годы он выезжал в Венгрию, Чехословакию. Рабочие делегации ГДР, Польши, Болгарии, приезжая в Советский Союз, в Ленинград, изучали принципы воспитания рабочей молодежи С. С. Витченко. О нём написаны статьи в словацкой «Правде», в журнале болгарских профсоюзов. Корреспондент газеты «Новая Германия», познакомившись с Витченко и его бригадой, назвал свою статью «Макаренко с «Электросилы».

Сам Степан Степанович щедро делится опытом. Он побывал на многих заводах Ленинграда, а также городов Орла, Ярославля, Куйбышева, Киева, и везде ратовал за наставничество. В родном городе он выступал перед представителями различных отраслей промышленности несметное количество раз. Лишь во Дворце труда С. С. Витченко провёл более ста выступлений. Он не делает тайны из своей работы, идёт к людям с открытым сердцем.

Лишь однажды сердце Степана Степановича замкнулось и не ответило на просьбу поделиться секретом рабочей педагогики.

Как-то его вызвали в партком, предварительно по телефону сказали:

— Тут один учёный тобой интересуется. Диссертацию хочет делать.



В парткоме сидел «почти профессор».

— Вы?! — удивился Степан Степанович.

— Да, я. А что?

— Так вы ж и так всё превзошли. Я вряд ли могу быть полезным.

А в остальных случаях Степан Степанович не делал секретов из своих принципов.

О чём же говорит Витченко? На каком фундаменте стоит его рабочая педагогика?

«Отцовское внимание нас, старших, всегда было, есть и будет главным условием воспитания подрастающих поколений молодежи, — писал он в своей статье, опубликованной в «Ленинградской правде». — Если говорить о подростках вообще — это замечательный и в то же время очень сложный народ. Это не дети — им 14–18, но они ещё и не взрослые. Они с малых лет в условиях нашей страны воспитываются в коллективе — детский сад, школа, пионерский отряд, комсомольская организация. Они теперь культурнее и образованнее, чем были мы в их годы, а сложны тем, что вырастают у нас в сравнительно благоприятных условиях, не зная тех суровых жизненных университетов, которые проходили мы. Их теперь не одолевают такие заботы, как недоедание, беспокойство об одежде и работе, и это — как ни странно но верно, — отрицательно влияет на некоторую часть подростков, которые считают: им всё нипочём, всё позволено. Отсюда проявление лениности в труде, иждивенчество, тяга к спиртному, а иногда и нарушение общественного порядка.

Всё это — следствие их возраста. Они не успели ещё окрепнуть в моральном, духовном и нравственном отношении. Их ум, сердце и души открыты для добра и зла, для прекрасного и уродливого. И от того, кто и какие руки наложит на их плечи, будет зависеть:

состоится из него настоящий рабочий человек, коллективист, патриот, гражданин нашей Родины или не состоится...

Вот четырнадцать пунктов, являющихся как бы настольной книгой нашей работы:

- Труд в бригаде специализировать по интересам. Особенно с молодым пополнением. У них зарядки хватает на короткое время. День проработал — надоело. Надо стараться, чтобы подросток приобрёл трудовые навыки на любой операции, но начинать с тех, которые по душе. Освоит любимую — легче другие пойдут.
- Постоянно заботиться об уплотнении рабочего дня. Безделье — худший спутник молодого рабочего. Стоит появиться «окну» — мальчишки уже балагурят, уже ищут, чем бы время занять, что бы отколоть такое-этакое. Для того чтобы уплотнить время, я лично прихожу на час-полтора раньше, готовлю фронт работы, чтобы они пришли, и сразу за дело.
- Проявлять высокую и ровную требовательность ко всем ребятам. У меня никогда не было и нет сынков и пасынков. Напротив, кого люблю — с того больше спрашиваю.
- Остро и быстро реагировать на поступки. Не завтра, а сегодня же реагировать. Я лично собираю бригаду. Выпускаем листок-«молнию». За хорошее тут же поздравляем, за плохое — тут же ругаем.
- Каждый месяц собирать бригадные собрания с характеристикой каждого мальчишки. Это их «задевает» и подтягивает. Это их как бы показывает друг другу и себе.
- Обязательно в наиболее торжественной обстановке проводить посвящение в рабочий класс. Нам в этом деле актив-

но помогает Дворец труда. Вот уже свыше семи лет он шефствует над нашей бригадой.

- Непременно организовать досуг ребят, используя интересы всех членов бригады — спорт, театры, концерты, встречи со знатными людьми и т. д.
- Обязательно заботиться об учёбе каждого члена бригады, о повышении их общей и специальной грамотности.
- Организовывать соревнования и бригадные и индивидуальные. Регулярно и не формально подводить итоги и оценивать их всей бригадой.
- Непременно вовлекать всех ребят в комсомол. Добиваться не формального, а действительного участия в работе комсомольской организации. Всячески поднимать роль члена ВЛКСМ.
- Не прерывать связи с ребятами, ушедшими в армию. Читать письма бывших членов бригады — ныне солдат Советской Армии. Ребят это интересует. Большинство из них ждёт армия.
- Заботиться о тех, кто попал в беду. Не допускать провалов, но если уж случилось несчастье — не оставлять парнишку одного.
- Во всём опираться на коллектив. Не поддающихся воспитанию передавать на решение коллектива. Не допускать произвола, но и не либеральничать.

- Помнить: многое зависит от тебя, бригадира-наставника. Сила личного примера — огромная сила. Делай так, как я. Делай вместе со мной. Но для этого надо и самому уметь всё делать отлично.

Вот вкратце, быть может, не совсем научно, несколько бессистемно, пункты моей рабочей педагогики. Вообще смотрите, думайте, анализируйте, делайте по-своему. Важно, чтобы результат был хорошим...»

Советы С. С. Витченко помогли и помогают многим наставникам.

## Свадьбы

«Старички» начали появляться в военной форме, ладные, крепко сбитые, возмужавшие. Степану Степановичу как-то не верилось, что это его бывшие ученики, мальчишки-сорванцы, испортившие ему немало крови. Одним из первых, кого он увидел в военной форме, был Володя Целуев. Степан Степанович сам добился его приглашения во Дворец труда на посвящение в рабочий класс. Потом приехал в отпуск Лёша Сидоров — бравый моряк.

— Ребята, полундра! — закричал Витя Некрасов.

Они обнялись с несколько смущённым Лёшей. Работу, конечно, прервали.

Появился Степан Степанович.

— Здравствуй, Батя,— непривычно робко произнёс Лёша.

— Ну-ка, ну-ка, покажись... Молодцом!

— Да и вы не стареете. Мне уже рассказали. Всё бегаете. Ноги хотя бы пожалели.

— А-а, ещё наотдыхаюсь.

А вскоре, уже не в отпуск, а насовсем начали возвращаться на завод ветераны бригады. И все к Степану Степановичу, никуда больше. Первым вернулся Володя Целуев. За ним — Костя Бахарев. Их по просьбе Степана Степановича тотчас зачислили в бригаду. С зачислением остальных пришлось повозиться, преодолеть разного рода трудности.

С возвращением ветеранов в бригаду, появилось новое: свадьбы. Правда, первая была сыграна ещё задолго до этого времени, ещё тогда, когда не ушли в армию ни Лёша Сидоров, ни

Серёжа Мошков, ни Витя Хохлов, ни Саша Бровин. Первым в бригаде женился Виктор Некрасов. Он, не очень смущаясь, сообщил о своём решении Степану Степановичу, и тот спросил:

- А тебе восемнадцать-то исполнилось?
- Исполнится. А через неделю распишемся.
- Тогда надо бригаде сказать. Надеюсь, пригласишь ребят?
- А как же?!

В бригаде было заведено чуть ли не с первых дней её существования обязательно отмечать торжественные даты, дни рождения, праздники. Складывались, покупали подарок. Вроде бы мелочь, но Степан Степанович заметил, как эта «мелочь» хорошо действовала на мальчишек, объединяла их. А тут свадьба...

— Вот что, ребята,— сказал в обеденный перерыв Степан Степанович,— Наш Витя Некрасов задумал жениться.

— Ну и дурак! — выкрикнул Лёша.

— Пусть. Потом опытом поделится,— серьёзно заметил Витя Хохлов.

— Детства в нём ещё много, душа с него вон,— произнёс Степан Степанович.— Вот, может, семейная жизнь поможет. Нам надо бы отметить как-то нашу первую свадьбу.

Ребята поддержали бригадира. Сбросились. Купили хрустальную вазу для цветов, будильник.

День выдался ясный, солнечный. Виктора не узнать, при галстукe, в чёрном костюме, робко улыбается, не привык к роли жениха. И ребята посерьёзтели, понимают важность момента.

Первый тост за Степаном Степановичем, за Батей.

— Так что же, ребята. Поскольку я вам вроде отца, я вам пожелаю, как своим детям. Живите дружно, любите друг друга.

Любовь и дружба чудеса делают. Пусть ваш союз придаст вам новые силы, принесёт радость и счастье.

Потом говорили ребята, желали молодым всех благ.

— А это наш скромный подарок,— сказал Саша Бровин, протягивая молодым вазу и будильник.— Ваза для цветов. Цветы — это счастье в доме. А будильник, чтоб не проспали, сделать ещё много надо...

Потом пели под гитару, в своей «бригадной» оранжировке «Волгу-Волгу». Степан Степанович подпевал и думал: «Растут парни. Скоро меня дедом сделают. Дед бригадир-наставник». Он улыбнулся.

Прошло ещё время. Вернулись ветераны. И свадьбы стали обычным явлением, мимо которого никак не пройти. А раз так, значит, следует готовить парнишек к семейной жизни, помогать её становлению, сглаживать шероховатости, так сказать, проводить зенковку жизни, потому что от мира в доме, от счастья семьи зависит настроение и самого человека и его товарищей, зависит работа.

Новый «период свадеб» открыл Володя Целуев. Он сделал это, как делал всё в жизни, обстоятельно, серьёзно, солидно. Посоветовался с родителями, с друзьями и, конечно, со Степаном Степановичем. Хотя у бригадира и нет сынков и пасынков, но любимые ученики есть. И пожалуй, самым любимым является Володя Целуев. Товарищи и друзья по бригаде, по цеху, да и цеховое начальство называет Целуева наследником Витченко. И это так. Не напрасно, уходя тогда из 18-го цеха, из своей первой подростковой бригады, Степан Степанович оставил за себя именно Володю Целуева. И парень не подвёл своего учителя. В армии Целуев служил так, что им гордились завод и бригада. А вернувшись в цех, снова занял своё место заместителя бригадира и комсорга бригады, как будто пришёл из отпуска. Никто не возражал, никто не противился, все были согласны: это место





Целуева. Он был самым надёжным помощником бригадира, его давней опорой. Это он вместе со Степаном Степановичем давал рекомендации в комсомол первым воспитанникам бригады. Это он поддержал специализацию. В дни неприятного для Степана Степановича конфликта со Степановым он, Целуев, держал бригаду, оставленную на его попечение, в таком тоне, что ни один проверяющий не мог к ней придраться. И теперь Володя Целуев действительно правая рука бригадира. Степан Степанович не может говорить о Володе спокойно, он загорается, на лице появляется тёплая улыбка.

— Ну, что же, Володенька,— сказал тогда Степан Степанович, услышав о желании своего любимого ученика.— Женись, если надумал. Верю, что это серьёзно, надеюсь, что это крепко и поможет вам жить и трудиться.

По этому случаю собрали бригадное собрание. Единодушно решили: закрыть наряд, свадебный наряд, специально для Целуева.

— Ты уж извини, Володя,— сказал Саша Козьмин — представитель бригадной общественности.— Подарка покупать не будем. Ты сам... В общем, вы сами, что хотите, то купите на эти семьдесят рублей.

Свадьба была многолюдной, торжественной.

Когда выходили из дворца бракосочетания, Степан Степанович увидел, как любопытствующая старушка перекрестилась и প্রশামкала:

— Вошподи, никак натчальство своих вентчаёт.

— Ошибаетесь, бабушка,— с гордостью объяснил Степан Степанович.— Это рабочий парень женится, с «Электросилы».

Гуляли в своём знаменитом кафе «Электрон». Играл оркестр. Хлопали, взлетая в потолок, пробки шампанского. Звенели голоса молодёжи. А Степану Степановичу было немножко грустно, вспомнилась своя молодость,

не лёгкая, тревожная, не праздничная. И ещё было радостно, потому что его дети, его воспитанники могут жить лучше, работать, веселиться.

— Что загрустил, Батя? — спросил Костя Бахарев, положив руку на плечо бригадира.— Не грусти. Привыкай. Скоро и у нас предвидится.

Свадьбы пошли одна за другой. Женились Бахарев, Грабовский, Шеверев, Богомоллов. И ещё предвидятся свадьбы. И на всех Степану Степановичу приходится присутствовать, на все приглашают, и ничего не поделаешь, надо, ведь он — Батя.

## *Совет ветеранов*

А «ветераны» всё приходили. Отслужив положенный срок в армии, большинство учеников Витченко возвращалось на завод, в свой цех, в родную бригаду. И хотя начальство противилось, предлагало им другие работы, желание возвращавшихся было столь велико и напор так силён, что кое-кому удавалось преодолеть все преграды и снова стать к станку под начало Степана Степановича.

Таким образом, в бригаде Витченко вновь оказались, кроме Целуева и Бахарева, Саша Козьмин, Коля Иванов, Виталий Соколов, Саша Бровин, Валерий Грабовский, Коля Богомолов. Это уже были не те мальчишки, за которыми нужен был глаз да глаз, не сорванцы и волынщики, не любители посачковать, не те, от кого каждую минуту можно ожидать чего угодно, это были опытные, серьёзные, прошедшие не только трудовую, но армейскую школу жизни парни. Они сознательно шли к конвейеру.

Перед Степаном Степановичем стала новая задача: как разумно, с наибольшей полнотой использовать этот самый надёжный актив, ветеранов бригады?

Своим прилежным трудом, поведением они благотворно действовали на бригадную молодёжь. Но всё это было неорганизовано, стихийно. По военному опыту Степан Степанович знал, что разрозненные силы, как бы они ни были надёжны, не могут нанести столь ощутимого удара, как объединённые вместе. По опыту воспитательному он знал, что прочный коллектив способен решить самые сложные задачи.

Степан Степанович решил создать совет ветеранов.

«Старички» горячо поддержали это предложение. Председателем совета избрали Костю Бахарева.

Совет ветеранов чётко определил свои задачи: помогать Бате, охранять традиции, блюсти честь и престиж бригады.

Теперь «старички» действовали не порознь, а сообща, стараясь поддержать друг друга, влиять на молодых совместно, особенно нерадивых и непослушных вызывать на совет ветеранов. А что такое совет — вскоре узнали все. Тут не укроешься, не утаишься, тут знают твои уловки, сами прошли через это, и в глаза старшим товарищам смотреть надо, и отвечать за свои поступки, и за свои слова на совете.

Но иногда ветераны действуют и «индивидуально». Есть в бригаде такой Васька шебутной (так — шебутным— его и называют), такой шустрый, такой непоседа, такой вертлявый, что сладу с ним нет. Голосок писклявый, сам маленький, худенький, а верещит громче всех, а работает хуже всех, не то, что не может, даже и нельзя сказать, не хочет — усидчивости в нём нет. Степан Степанович извёлся с этим шебутным Васькой.

— Да не верещи ты под ухом, Василёк. И сам работай и других не отвлекай.

— А что я? Я ничего. Я про вчерашний фильм рассказываю.

— В перерыве расскажешь... Слышишь, Василёк, я не шучу,— сердится Степан Степанович.

Василёк замолкает. Становится тихо, даже непривычно как-то. Степан Степанович оборачивается, а мальчишки уже нет на рабочем месте, упорхнул, как птичка. Раз упорхнул, два — упорхнул, на третий к Степану Степановичу подошёл Костя Бахарев.

— Не трепли нервы, Батя. Мы сейчас. Не волнуйся.

Костя прошёл в курилку, где обычно прохлаждался

Васька. Хотя парнишка сам не курил, здесь он находил аудиторию, слушателей своих рассказов. И начинал им щебетать о том, о чём не разрешили говорить у станка.

На этот раз рассказ его был прерван самым неожиданным образом: Васька оказался вдруг на воздухе. Крепкая рука держала его за шиворот.

— Вот так,— произнёс Костя на всю курилку.— Или ты перестанешь смываться и трепать Бате нервы, или вот так и вышвырну из цеха.

В этот день Васька молчал, работал. К концу дня Саша Бровин прошёл по ряду.

— В спортивные секции запись. Кто куда хочет?

— В лыжную. Стрелковую. Борьбы,— послышалось со всех сторон.

— А меня на бокс запиши,— пропищал Васька и покосился на стоявшую вдали мощную фигуру Кости Бахарева.

Была в бригаде Манечка. Славная девочка. (Она сейчас в техникуме.) Послушная, но поговорить любила, хлебом не корми. Заговорится — про всё забудет. Степан Степанович предупредил Костю.

— С девочками — не с парнями. Тут нужна деликатность.

Ребята заметили: Манечка симпатизирует Саше Козьмину.

— Старик,— тебе дело есть,— сказал Костя в перерыве.— Сейчас мы пригласим Манечку. Мы поприсутствуем, а ты поговоришь.

— Почему я? — удивился Саша.

— Давай, давай, поговори,— поддержали Костю Володя Целуев и Виталий Соколов.

— Ладно. Но почему всё-таки я?

— Да потому, что она к тебе не ровно дышит. Не замечаешь?

Саша заупрямился.

— Ну, ребята... Ну, у меня ж девушка есть... Вы ж понимать должны.

— Ничего,— оборвал Костя.— Это между нами. И на пользу дела. Ты поручение выполняешь.

Пригласили Манечку. Увидев Сашу, девочка вся вспыхнула, опустила глаза.

— Это я тебя звал,— неуверенно начал Саша.— Мы вот что... Мы к тебе с душой, а ты нас не уважаешь.

— Ну, что вы,— вполголоса произнесла Манечка.

— А если бы уважала,— громче, уже придя в себя, продолжал Саша.— Уважала бы, так не болтала, работала. А так... пользуешься... Нехорошо.

— Ну, что вы,— ещё тише пролепетала Манечка.

— Но мы верим, поймёшь, не будешь плохо пользоваться нашим расположением... Верить?

— Ну, конечно,— встрепенулась Манечка и, блеснув глазами, уплыла из красного уголка.

Ветераны встали и по цепочке, церемонно, молча, солидно пожали Сашину руку.

— Да ладно вам,— отмахивался Саша.— Втравили и ещё разыгрываете.

— Старик, не хитри. Ты создан для женского пола.

А однажды сам Степан Степанович обратился к Косте Бахареву:

— Собери совет.

Когда совет собрался, он пришёл на него в сопровождении четырёх подростков.

— Вот что,— сказал Степан Степанович, подталкивая ребятшек на середину комнаты.— Я устал возиться с Неверовым, Горбачёвым, Макаровым и Басмановым. Этот систематически опаздывает на работу. А эти не ходят в школу. Еду в общежитие, разыскиваю их, везу, так удирают по дороге, прямо с трамвая

прыгают. Или посидят часа два и смываются. Решайте, как с ними быть?

Произнеся эти слова, Степан Степанович сел. Теперь он был лицом совещательным, решающим они, ветераны.

— Ясно,— проговорил Костя Бахарев и медленно оглядел мальчишек.

Те поначалу улыбались, но, встретив совсем не весёлые взгляды старших товарищей, почувствовали, чем пахнет этот разговор, притихли.

— Начнём, пожалуй, с этого, с опоздун.

Виновник хихикнул.

— А ты не хихикай!— повысил голос Костя.— Так тебя и будем звать, и весь цех будет так звать. И все, кто тебя знает. Как твоё имя?

— Михаил,— робко сообщил виновник.

— Ну вот. Мишка-опоздун. Звучит?.. Рассказывай, в чём дело?

Виновник пытался оправдаться, но сам, поняв, что ему никто не верит, замолчал на полуслове и хотел сесть.

— Нет уж постой,— не разрешил Костя.

— Привыкай,— поддержал Виталий Соколов.— В армию идти придётся, а там эта стойка обычная.

Постановили: купить будильник. От клички пока воздержаться. Деньги за будильник вычесть из его же зарплаты.

— Ну, а вы?— обратился Костя к нежелающим учиться ребятам.— Вот ты. Как тебя зовут?

— Григорий.

— А отчество?

— Матвеевич.

— Так что ж ты, гад, делаешь?! Сам себе жизнь корябашь, бригаду позоришь, Батю мучашь. Что ж ты над ним издеваешься?!

В такие минуты, когда Костя срывался, на помощь приходил Володя Целуев и другие «старички».

— Ты понимаешь, что такое учиться? — мягко вошёл в разговор Володя.— Для чего тебе нужно учиться?

— Ты без учёбы сейчас никуда,— поддержал Виталий Соколов.— А в армии, так там грамотные нужны.

— Да уж действительно,— присоединил свой голос Саша Бровин.— Я лично очень жалел, что на «гражданке» мало учился.

Молодые слушали. Давали слово. Не все и не сразу выполняли его, но рано или поздно должны были выполнить. Теперь они отвечали перед своими же товарищами, а от них не уйти.

— Ветераны — это моя артиллерия крупного калибра,— говорит Степан Степанович. В этих словах не только шутка, в них уважение и гордость за своих учеников.



## *Некоторые итоги*

Письмо матери Серёжи Мошкова.

«Здравствуйте, Степан Степанович. Хотя и далеко я от Ленинграда, но душою всегда с вами, разделяю вместе с вами и радость вашу, которую узнаю из газеты «Электросила»... Спасибо вам, Степан Степанович, большое материнское спасибо. Не могу выразить той благодарности, которую вы заслужили... Ведь вы, не щадя своих нервов, своего здоровья, из таких лоботрясов сделали неузнаваемых ребят. Перечислять не буду из кого, всех я видела. Бывало, смотришь, как того или другого вы ведёте за руку к рабочему месту и уговариваете работать. И думаешь: дать бы ему, этому болтусу, сейчас по морде и отослать бы домой, а его, гада, человек в таком возрасте уговаривает, пожалуйста, работай. Но в конце концов только лишь под вашим влиянием этот плохой парень становится младшим сержантом или как Лёша Сидоров. Когда Сергей читает письма от Сидорова, у меня сердце прыгает от радости. Какой он стал хороший. И это только ради вас он стал таким. Скажу о Сергее. Если бы вы, Степан Степанович, не взяли его тогда, попал бы он в бригаду разгильдяев, и сам бы пошёл по их луги. Всё могло бы произойти. Но большое материнское спасибо вам, Степан Степанович, вы не отвернулись от нас и сделали мне сына хорошим, достойным человеком. Никогда не забуду за вашу доброту, за ваше воспитание моего сына, и думаю, что каждая мать, которой вы, Степан Степанович, вывели в люди её сына, должна благодарить только вас за это...»

А вывел в люди Степан Степанович Витченко за семь лет существования своей бригады более ста подростков, мальчиков и девочек. Всех перечислить невозможно, но хотя бы о некоторых сказать надо. Вот кем стали теперь его ученики.

Володя Целуев — заместитель бригадира, группкомсорг, член бюро обкома ВЛКСМ, член ЦК ВЛКСМ. Имеет четвёртый разряд. Учится на первом курсе Политехнического института (вечернее отделение). Член КПСС.

Костя Бахарев — заместитель бригадира. Имеет четвёртый разряд. Кандидат в члены КПСС. Закончил 11 классов вечерней школы.

Саша Козьмин — имеет четвёртый разряд. Закончил 11 классов, Кандидат в члены КПСС. Заместитель группкомсорга.

Валерий Грабовский — имеет четвёртый разряд. Кандидат в члены КПСС.

Геннадий Чугунов — имеет четвёртый разряд. Член КПСС. Учится на третьем курсе университета.

Саша Бровин — имеет четвёртый разряд. Учится в техникуме при заводе. Член бюро ВЛКСМ цеха. Руководит цеховой самодеятельностью. Кандидат в члены КПСС.

Витя Семёнов — теперь сам бригадир-наставник. Работает в 14-м цехе. Имеет третий разряд. Комсомолец.

Витя Некрасов — имеет четвёртый разряд. Член ВЛКСМ. Работает настройщиком в 8-м цехе. Трудится отлично.

Слава Грачёв — учится на четвёртом курсе Политехнического института (дневное отделение).

Коля Иванов — вернулся из армии в бригаду. Имеет четвёртый разряд. Член ВЛКСМ. Закончил 10 классов.

Валя Шеврев — работает в том же цехе, где и его родная бригада. Имеет третий разряд слесаря-сборщика. Окончил 11 классов вечерней школы. Член КПСС.

Володя Марчуков — член ВЛКСМ. Окончил 10 классов. Ушёл работать на телевидение.

Стасик Туркин — после армии вернулся на завод. Имеет третий разряд. Работает в НИИ электромонтажником. Работает отлично.

Коля Богомолов — вернулся из армии. Член ВЛКСМ. Окончил 10 классов. Имеет четвёртый разряд. Работает отлично.

Лёша Сидоров — вернулся из армии на завод. Работает слесарем-сборщиком. Комсомолец. Окончил 10 классов.

Витя Хохлов — служит в армии. Там по рекомендации Степана Степановича вступил в кандидаты КПСС.

Серёжа Мошков — работает на заводе радиоаппаратуры. Окончил 11 классов. Член КПСС.

Тоня Варганова — окончила техникум при заводе. Инженер по научной организации труда.

Галя Новикова — уехала на родину, в Смоленск. Работает по специальности слесаря.

Рафик Шайдулин — в армии. Комсомолец. Окончил 10 классов.

Костик Трофимов — поступал в мореходное училище. Не прошёл по здоровью. Самолюбие заело. Не вернулся на завод. Пропал. А совсем недавно приходил благодарить Степана Степановича. Оказывается, работает помощником машиниста на железной дороге. Женился.

Володя Кузьмин — работает на заводе по месту жительства. Имеет третий разряд. Комсомолец. Окончил 10 классов.

Коля Фаттеичев — после армии вернулся на завод. Работает слесарем. Учится в вечернем техникуме.

Виталий Соколов — после армии вернулся в бригаду. Имеет четвёртый разряд. Член КПСС. Учится на четвёртом курсе техникума.

Обо всех не напишешь. Но надо сказать одно: все бывшие ученики С. С. Витченко встали на ноги. Все работают, учатся, приносят пользу Родине.

И Петька Денежкин работает и учится. И Вадик, что не хотел трудиться, теперь нормальный парень в бригаде, работает и учится в вечерней школе.

Больше половины воспитанников Витченко отслужило или служит в Советской Армии. Это отличники боевой и политической подготовки. Многие работали или работают на комсомольской работе.

А бригада живёт своей обычной трудовой жизнью.

Средний заработок в бригаде для работающих 5 часов — до 80 рублей, 7 часов — до 90 рублей, 8 часов — до 110 рублей.

Среднемесячная норма выработки бригады С. С. Витченко по годам: 1966 год — 131,2%; 1967 — 143%; 1968 год — 138%; 1969 год — 144%; 1970 год — 147,3%.

За все эти годы ни один человек не ушёл из бригады без уважительной причины.

Наставничество, поднятое С. С. Витченко, получило широкую поддержку на «Электросиле». Свыше семисот молодых рабочих работают в настоящее время под началом наставников. Движение идёт по стране. В Ярославле, Орле, Куйбышеве, Киеве подхвачен опыт бригадира с ленинградской «Электросилы».

## *Снова новенькие*

«Товарищ Витченко. Слушала передачу по радио о вашей работе как мастера-воспитателя, коммуниста. Просьба будет к вам как матери-коммунистки. У меня их четверо... Речь о втором сыне, Сергее, которому исполнилось 15 лет. Окончил шесть классов и в школу не хочет идти...»

«Уважаемый Степан Степанович! Помогите мне сделать из сына человека. Я обращаюсь к вам потому, что видела передачу по телевизору, где показали вас с вашими воспитанниками. Моему сыну в июле будет 15 лет. Школу бросил. Устроила в ПТУ, тоже не ходит...»

«Здравствуйте, многоуважаемый Степан Степанович! Извините, пожалуйста, за беспокойство, но вынуждена, так как Минакова Анна Михайловна в слезах обратилась ко мне с просьбой написать вам письмо и просить вас за Мишу...»

Таких писем множество. Теперь к Степану Степановичу обращаются не только свои, заводские, но и со всего города, из других городов.

Просьба одна: возьмите моего. Крик души, мольба: помогите! Но всех он, Витченко, взять не может. Это естественно. Он рекомендует других наставников, хлопчет, советует.

...Недавно в очередной набор пришли к Степану Степановичу ребята из подшефного интерната. Шесть человек.

Были они щуплые, какие-то жиденькие, подвижные и кривлявые, как обезьянки.

— Как тебя зовут? — спросил Степан Степанович самого вертлявого.

— Сёмка,— ответил тот и шмыгнул остреньким носиком.

— А ты, значит, за старшего? — обратился Степан Степанович к самому спокойному.— А как тебя?

— Басманов,— чётко ответил парнишка.

«Наверное, сын военного»,— подумал Степан Степанович, но расспрашивать не стал.

В тот же день собрали экстренное бригадное собрание. Бригадир сразу же передал слово группкомсorghу.

— Скажу коротко,— начал Володя Целуев.— Прибыло шесть новеньких. Необычное пополнение. Все из интерната. Все сироты. Надо принять по-братски. Создать условия, обстановку. Возражения есть?

— Какие могут быть возражения? — зашумели вокруг.

— Тогда так,— деловито продолжал Володя.— Распределим поручения. Мы со Степаном Степановичем относительно питания и жилья позаботимся. Виталий и Галя насчёт внешнего вида...

— Зачем Галя? — недоумённо спросил Виталий.

— Она в этом деле влиятельнее тебя окажется.

Завод пошёл навстречу просьбе бригады. Новеньким дали бесплатное месячное диетпитание. Безвозмездное пособие по тридцать рублей на каждого. Комнату в общежитии.

— Но у них ничего нет,— сообщил назавтра бригадному активу Степан Степанович.— А им ведь жить самостоятельно.

— Есть мысль,— тотчас подхватил Володя.— Скинуться.

— Только самим закупить всё, что надо,— предложил Саша.— А то они деньги на кино или, ещё хуже, на пиво махнут.

Так и сделали. Собрали деньги, купили ребятам необходимое: посуду, письменные принадлежности, будильник.

Новенькие как-то растерялись, притихли. Очевидно, никак не ожидали такого душевного приёма, такой заботы. Даже Сёмка ходил как побитый.

— Ну что, Сёма,— спросил Степан Степанович,— нравится тебе у нас?

— А-а,— протянул парнишка и было непонятно, что он хотел выразить этим «а-а», недоверие или настороженность, дескать: «поживём — увидим», или «всякое бывало».

Начался обычный процесс акклиматизации... Первый месяц новенькие заработали по 36 рублей. Конечно, мало. Бригада решила: за счёт общего месячного заработка выдать мальчишкам по 60 рублей.

Для быстрого освоения операций, Степан Степанович рассадил новеньких так, что куда они ни кинутся — кругом «старички», не посачкуешь, не поволынишь, а поучиться есть у кого, и пример наглядный рядом...

Разнокалиберно гудят станки. Пльвёт бесконечная лента конвейера. Мелькают ребячьи руки. Торчат недавно подстриженные головы. Со своего рабочего места Степану Степановичу хорошо видна вся бригада. Прилежно трудятся ветераны. Ёрзают новенькие. Сёмке так и хочется удрать в курилку, но справа строгий взгляд Кости, слева — добродушная улыбка Саши. Пройдёт время, и уже Сёмка, Семён, будет вот так же приглядывать за новичком.

Жизнь идёт. Конвейер движется. Шуршит тёмно-серая лента, будто поторапливает: жду, жду, жду.

1970–1971 гг.

Ленинград

## Оглавление

5	ЧП в бригаде
13	Встреча с юностью
23	Путь в «начальство»
28	Полковничья бригада
33	Рассказ о детстве
39	Совсем не находка
46	Собрания, собрания...
52	Внутренние анкеты
57	Аванс
61	«Синяки» и «шишки»
68	Рассказывают письма
74	Рассказывает Степан Степанович
80	По интересам
84	«Золотой ключик»
91	Комсомол
98	Плюсы и минусы
105	Конфликт
111	Трудное новоселье
118	Разгонка
127	Проводы
134	Пополнение
139	«Индивиды»
144	«Тёмные»
151	«Почти профессор»
156	Девочки
163	«Зелёный змей»
167	Микроб любви
173	«Коллективка»
179	Нервущаяся цепочка
183	С открытым сердцем
188	Свадьбы
194	Совет ветеранов
204	Снова новенькие



**Владимир Яковлевич ДЯГИЛЕВ**

## **СВИДАНИЕ С ЮНОСТЬЮ**

Редактор И. В. Черняева. Художник Б. А. Валит. Художественный редактор  
Н. Л. Юсфина. Технический редактор Т. И. Гончарова. Корректор Л. П. Королёва.  
Сд. в набор 4/XI-71 г. Подп. к печ. 19/V-72 г. Форм. бум. 70×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>.  
Физ. печ. л. 6,5. Усл. печ. л. 9,10. Уч.-изд. л. 8,15. Изд. инд. ХД-216. А03094.  
Тираж 50 000 экз. Цена 39 коп. в перепл. Бумага № 1.

Издательство «Советская Россия». Москва, проезд Сапунова, 13/15,  
Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома  
Комитата по печати при Совете Министров РСФСР,  
г. Электросталь Московской области, Школьная, 25. Заказ № 19.

Оцифровано 02.2021 г. для страницы  
Педагогического музея А.С. Макаренко в Москве  
([Makarenko-museum.ru](http://Makarenko-museum.ru))

Нумерация страниц и разбиение текста по ним  
с точностью до нескольких слов на границах страниц  
соответствует бумажному тексту книги.